

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ АГРАРНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

ISSN 2077-5598
№ 2, 2021

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ
АГРОСИСТЕМЫ:**
экономика и социология
электронный научный журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор)

*Свидетельство о
регистрации средства
массовой информации:
Эл № ФС-77-34226
от 26.11.2008 г.*

Журнал входит в
перечень рецензируемых
научных журналов,
зарегистрированных в
системе «Российский
индекс научного
цитирования».

№ договора E-Library:
№20-05/09-2

Учредитель:
Федеральное
государственное
бюджетное учреждение
науки Институт аграрных
проблем Российской
академии наук

*Адрес учредителя,
редакции:*
410012, г. Саратов,
ул. Московская, 94

Сайт:
[http://www.iagpran.ru/
journal.php](http://www.iagpran.ru/journal.php)
[http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras](http://региональныеагро
системы.рф/index.php/ras)

e-mail: iagpran@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ АПК

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЦЕНОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАЭП РАН

FORMATION OF A PRICE STABILITY MECHANISM IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

-4-

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ

Курсанов В.В., к.э.н., ИАЭП РАН

TRENDS AND PRIORITY AREAS OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX UNDER DESTABILIZING FACTORS AND LIMITATIONS

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-9-

ОБОСНОВАНИЕ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Потапов А.П., к.э.н., ИАЭП РАН

JUSTIFICATION OF CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE RESOURCE POTENTIAL OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN RUSSIA

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-19-

КООПЕРАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАЭП РАН

COOPERATIVES IN THE MODERN WORLD: CHARACTERISTICS, FEATURES OF ACTIVITY, DEVELOPMENT PROBLEMS

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-24-

ПОДДЕРЖАНИЕ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО СПРОСА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАЭП РАН

MAINTAINING A PAYMENT-SUSTAINABLE DEMAND FOR FOOD UNDER THE SOCIO-ECONOMIC IMPACT OF THE NEW GLOBAL CHALLENGE

Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-34-

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ МИРОВЫХ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАЭП РАН

MAIN TRENDS OF THE DYNAMICS OF WORLD FOOD PRICES

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-41-

АНАЛИЗ ЗНАЧИМОСТИ ФАКТОРОВ РОСТА УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР В ДИНАМИКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАЭП РАН

ANALYSIS OF THE SIGNIFICANCE OF THE GROWTH FACTORS OF CEREAL CROPS YIELD IN THE DYNAMICS OF LAST YEARS

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-47-

**ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАгП РАН

**EXPERT ASSESSMENT OF FEATURES OF AGRICULTURAL FOOD
SYSTEMS DEVELOPMENT UNDER PANDEMIC CONDITIONS**

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAgP RAS

-56-

**ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
РОССИЙСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА МИРОВОМ РЫНКЕ**

Воронов А.С., м.н.с., ИАгП РАН

**PROSPECTS OF PRICE COMPETITIVENESS OF RUSSIAN PRODUCERS
IN THE WORLD MARKET**

Voronov A.S., younger researcher, IAgP RAS

-65-

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСФЕРА
ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ**

Монахов С.В., к.э.н., Шиханова Ю.А., к.э.н., Потоцкая Л.Н., к.э.н.,

ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова

**IMPROVING METHODOLOGICAL SUPPORT FOR TECHNOLOGY
TRANSFER IN AGRICULTURE**

*Monakhov S.V., candidate of economic sciences,
Shikhanova Yu.A., candidate of economic sciences,
Pototskaya L.N., candidate of economic sciences,
Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov*

-71-

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА**

**К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ
ТЕРРИТОРИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ**

*Гаврилова З.В., к.э.н., Богуцкий В.С., аспирант, НИИЭОАПК ЦЧР – филиал «Воронежский
ФАНЦ им. В.В. Докучаева»*

**ON THE ISSUE OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT ASSESSING
OF THE VORONEZH REGION RURAL AREAS**

Gavrilova Z.V., candidate of economic sciences,

Bogutskii V.S., post-graduate student,

RIEOAIC of CBER – branch of FGBSI «Voronezh FASC named after V.V. Dokuchaev»

-74-

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ

*Блинова Т.В., д.э.н., ИАгП РАН, Марков В.А., к.э.н., Научный экспертно-аналитический
центр АН Республики Саха (Якутия)*

**TYPOLOGY OF RUSSIAN REGIONS BY THE LEVEL OF RURAL
UNEMPLOYMENT**

Blinova T.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS,

Markov V.A., candidate of economic sciences, Scientific Expert-analytical Center AS RS

-81-

**ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ИНТЕГРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ
ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ**

Семенов С.Н., д.э.н., Ржевская М.Я., лаб.-исследователь, ИАгП РАН

**EVOLUTION OF THE THEORY OF INTEGRATIVE MANAGEMENT
OF SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES**

Semenov S.N., doctor of economic sciences,

Rzhevskaya M.Ya., research assistant, IAgP RAS

-88-

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ЦЕНОВОЙ СТАБИЛЬНОСТИ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИИ

Ермолова О.В., д.э.н., ИАГП РАН

В статье выявлены условия и факторы обеспечения ценовой стабильности в агропродовольственном комплексе. Показаны особенности структурной инфляции и ее влияние на межотраслевые отношения. Проанализирована динамика продовольственных цен в условиях современного кризиса. В качестве главных факторов роста цен выделены структурная несбалансированность и рост издержек. Отмечается влияние роста мировых цен на продовольствие на внутренние цены в России. Дана оценка мер государственного регулирования цен, перспектив формирования механизма ценовой стабильности.

Ключевые слова: цены, устойчивость, стабильность, инфляция, структура, регулирование

FORMATION OF A PRICE STABILITY MECHANISM IN THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX OF RUSSIA

Ermolova O.V., doctor of economic sciences, IAgP RAS

The article identifies the conditions and factors for ensuring price stability in the agri-food complex. The features of structural inflation and its impact on inter-industry relations are shown. The dynamics of food prices in the context of the current crisis is analyzed. Structural imbalance and growth of costs are highlighted as the main factors of price growth. The influence of the growth in world food prices on domestic prices in Russia is noted. The assessment of measures of state regulation of prices and of prospects for the formation of the price stability mechanism is given.

Key words: prices, sustainability, stability, inflation, structure, regulation

Введение.

Задача достижения и сохранения ценовой стабильности становится приоритетной по сравнению с другими целями и задачами макроэкономической стабилизации, причем, не только на уровне теоретических исследований, но и на практике.

Академик А.Г. Аганбегян отмечает, что кризис 2020 г. от коронавирусной пандемии выдвинул перед государством дилемму – или поддержать экономику и финансы, или сохранить жизнь и благосостояние людей. Приоритетом России была поддержка экономики и финансов при накопительстве и неэффективной устойчивости [1]. Одним из проявлений неэффективной устойчивости является ценовая нестабильность.

Агропромышленным комплексом уже накоплен богатый опыт проинфляционного развития, вызванного шоковыми воздействиями и внутренне связанного со структурными перекосами в его экономике. Общей исходной точкой любой модели инфляции является наличие в экономике широкого спектра структурных диспропорций, в том числе и социального характера, и вследствие этого несбалансированность развития важнейших отраслей экономики. Это предполагает их различную несогласованную реакцию на шоковые воздействия, ограничивает гибкость цен и стимулирует инфляционное развитие. В этих условиях исследование природы ценовых колебаний, условий обеспечения ценовой стабильности представляется актуальным.

Целью исследования послужило выявление факторов, оказывающих влияние на ценовую стабильность, обоснование перспектив формирования механизма ценовой стабильности.

Методика исследования.

В ходе исследования использовались абстрактно-логический, экономико-статистический и монографический методы, метод исследования цепочек создания добавленной стоимости, статистические методы обработки данных.

Результаты исследования.

Ценовая стабильность, характеризующаяся поддержанием низких, оптимальных для каждого этапа развития экономики темпов инфляции, стимулирует устойчивый экономический рост. Она предполагает низкий уровень волатильности покупательной способности рубля, не способствует формированию повышенных инфляционных ожиданий, формирует среду для активизации факторов роста конкурентоспособности экономической системы.

Сравнительный анализ теорий инфляции показывает, что теоретические подходы к исследованию инфляционных процессов с позиций структурного подхода являются наиболее перспективными. Они позволяют по-новому рассмотреть инфляцию как многофакторное явление, ее включенность в воспроизводственный процесс, вскрыть характеристики ее денежной природы. Такой подход позволяет оценить инфляцию не как чисто денежный феномен. Он позволяет учесть структурные, перераспределительные и воспроизводственные причины инфляции.

В условиях современного кризиса замедление роста цен происходит за счет снижения совокупного спроса. На инфляционные процессы влияют трудно прогнозируемые факторы. К ним относятся, например, конъюнктура мирового продовольственного рынка, рынка энергоносителей. Краткосрочная и среднесрочная инфляция имеет не только монетарную природу. Курс национальной валюты является важным, но не единственным инфляционным фактором. Эффект влияния этого фактора в странах с формирующимся рынком выше, чем в развитых странах. В то же время практически во всех группах стран в последние 10–15 лет наблюдалось ослабление связи между инфляцией и обменным курсом. Опыт развития российской экономики показал, что на ослабление национальной валюты внутренние цены на продукты питания реагируют активнее, чем на ее укрепление. При ослаблении рубля на 1% они растут на 0,2–0,3%.

Степень конкуренции на продовольственном рынке, эластичность спроса, степень замещения отечественных и импортных товаров, структура импорта являются ключевыми факторами. Если степень конкуренции высокая, то фирмы используют стратегию «ценообразования с учетом рыночных условий». Структура внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции зачастую напоминает монополию. Невысокий уровень развития конкурентной среды на российском продовольственном рынке, особенно на региональных рынках, этому не способствует. Своеобразие ценовой конкуренции на российском рынке определяется обособлением региональных рынков, их институциональным несовершенством, ценовыми соотношениями, которые характеризуют отсутствие равновесия спроса и предложения, высокие инфляционные ожидания товаропроизводителей.

Противоречивой является роль новых форм ценовой конкуренции – гибкие и негибкие формы интеграционных формирований, гласные и негласные ценовые альянсы, краткосрочные ценовые маневры. С одной стороны, они выступают как источник устойчивых ценовых конкурентных преимуществ, а с другой, – как входной барьер на рынок, сдерживающий развитие конкуренции.

Инфляция органически связана с неравномерным ростом отдельных цен. В процессе повышения цен и доходов происходят сдвиги отношений отдельных цен между собой и между доходами, которые не имеющие корней в мире товаров. Российская специфика состоит в том, что существует положительная взаимосвязь между темпами инфляции и интенсивностью структурных сдвигов. Более высокие темпы инфляции сопровождались в целом более интенсивными структурными сдвигами. Такая закономерность отмечается и в странах со сравнительно стабильными экономиками. Что касается аграрного сектора экономики России, то эти сдвиги не всегда были прогрессивными.

Наиболее значимыми факторами ценовой стабильности являются структурные факторы, межотраслевая сбалансированность, инфляционные ожидания, институциональные факторы, связанные с совершенством финансово-посреднической настройки над реальным сектором, развитие трансакционного сектора. Значимость структурных факторов неоднократно подчеркивалась в научных исследованиях. Важными задачами агропродовольственного ком-

плекса, решаемыми в ходе структурной перестройки, являются повышение уровня внутри-комплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек добавленной стоимости, а также укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек [2, с. 12-13].

Межотраслевой характер ценовой конкуренции на продовольственном рынке усиливает межотраслевое перераспределение доходов в связи со сдвигами в системе относительных цен.

Несогласованное движение относительных цен в результате интенсивных, неравномерных, долговременных структурных изменений – одно из проявлений структурной инфляции в России.

В условиях неоднородности конкуренции на различных товарных рынках отсутствует прямая зависимость между уровнем конкуренции и конкурентоспособностью продукции по цене. Низкий уровень ценовой конкуренции на ряде отраслевых рынков сочетается с высокой конкурентоспособностью на внутреннем и внешнем рынке.

Причиной инфляции в современных условиях кризиса и ограничений явился затратный характер экономической системы, а также стремление товаропроизводителей «подстроить» внутренние цены на продукцию в соответствии с мировыми ценами. Мировые цены на продовольствие растут максимальными темпами. Такая ситуация проявилась впервые за последние десять лет. Мировые цены опережают динамику продовольственных цен в России.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН ФАО уже год отмечает рост индекса мировых продовольственных цен. Максимальный уровень цен достигнут в мае 2021 года [3, 4]. В большей степени подорожали зерновые, растительные масла, сахар, мясо и молочная продукция. За февраль 2021 года индекс цен на зерновые вырос на 7,1%, на подсолнечное масло - на 5,8%, а на сахар - на 8,1%. Мнения западных и российских экспертов о влиянии глобального тренда подорожания продовольствия на динамику и социальную стабильность в России расходятся.

С конца 2020 года в России наблюдается резкий рост цен на продовольствие (рисунок), что является существенным фактором риска макроэкономической стабильности, роста доходов населения. По данным Росстата, годовая инфляция в России в мае достигла 6%. Задача современного этапа ценовой стабилизации - не допустить на внутренний продовольственный рынок переноса ценовых колебаний и роста мировых цен.

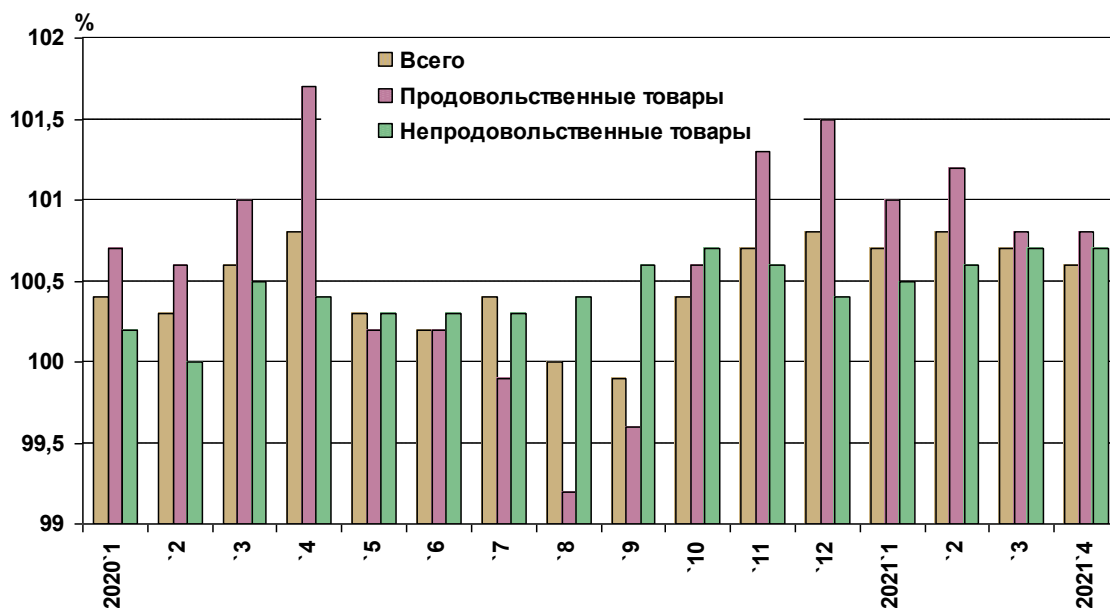

Рисунок – Динамика цен на продовольственные и непродовольственные товары в 2020 -2021 гг. (приросты к предыдущему месяцу)*

Примечание: рассчитано по данным Росстата [5].

Рост цен на зерновые является импульсом для цепной реакции роста цен по воспроизводственным цепочкам комплекса. Большое значение сегодня и в перспективе будет иметь поддержание межотраслевого паритета между сельским хозяйством и другими отраслями экономики. Необходимо нивелировать для сельского хозяйства отрицательные последствия удорожания потребляемой промышленной продукции. По нашим расчетам, увеличение цен отраслей-поставщиков материально-технических ресурсов на 10% приводит к росту цен в сельском хозяйстве на 1,9%.

Уровень цен на внутреннем рынке по ряду товарным позициям остаётся более высоким в сравнении с ценами мирового рынка, поэтому возможности успешной конкуренции имеются на ограниченных сегментах мирового рынка

Правительством РФ был принят пакет мер административного и экономического регулирования для обеспечения ценовой стабильности [6, 7]. К ним относится заключение соглашений по ориентировочным ценам с товаропроизводителями и торговыми сетями. В целях поддержки товаропроизводителей сохраняется уровень предусмотренных индикативных цен. Государственная поддержка в виде льготных краткосрочных кредитов по ставке от 1% до 5% предусмотрена в 2021 году производителям сахара на увеличение посевов и на переработку.

Используется ценовой демпфер. Демпфирующий механизм сдерживает рост цен на бензин. Изменения в формуле демпфирующего механизма увеличат размер выплат нефтеперерабатывающим заводам. Его механизм предполагает, что при мировых ценах выше внутренних государство компенсирует часть потерь нефтяной отрасли. Если цены ниже, нефтяные компании внесут в государственный бюджет часть разницы в ценах.

Для стабилизации роста цен на хлеб и хлебобулочные изделия предусмотрено возмещение части затрат предприятиям хлебопекарной и мукомольно-крупяной промышленности при выполнении условия о неповышении цен.

С марта 2021 года увеличена экспортная пошлина на пшеницу внутри квоты 17,5 миллиона тонн, введены экспортные пошлины на ячмень, кукурузу, сою.

В качестве важной выделена задача вовлечения в экспорт малого, среднего бизнеса, на основе чего предполагается создание большого числа рабочих мест.

Низкий уровень и стабильные темпы инфляции могут обеспечить предсказуемую среду для принятия потребительских и инвестиционных решений.

Заключение.

Препятствием сбалансированности структуры агропродовольственного комплекса являются колебания цен. Они не всегда связаны с функционированием денежной системы. Ценовая стабильность как обеспечение относительной устойчивости уровня цен, покупательной способности национальной денежной единицы, валютного курса (внешняя стабильность) и низких процентных ставок создает условия для достижения целей макроэкономической политики. Ценовая стабильность повышает стимулы для накопления, долгосрочного финансирования, роста конкурентоспособности комплекса.

Исследование особенностей инфляционных процессов в России показало, что структурная инфляция и инфляция издержек проявляются более явно. Необходимо повысить эффективность управления затратами, наладить мониторинг не только за ценовыми соотношениями первой и второй сфер, но и за ценовыми соотношениями между сельским хозяйством и пищевой промышленностью.

Обобщение опыта предприятий продовольственного комплекса показало, что заключение ценовых соглашений между хозяйствующими субъектами, участие в интегрированных формированиях, стратегических альянсах, продовольственных сетях является средством устранения негативных ценовых эффектов, преодоления внутренних ограничений в выборе сценариев экономического поведения, повышения их ценовой устойчивости. Ценовые соглашения, интегрированные структуры на российском рынке и другие новые формы конкуренции нивелируют завышенные инфляционные ожидания, устраняют негативные ценовые эффекты, снижают транзакционные издержки.

Реализация эффектов участия в глобальных цепочках создания стоимости требует развития внутреннего рынка инвестиций и инноваций, участия в международной технологической кооперации, создания условий для трансферта технологий в фундаментальные разработки, увеличения роли малых и средних предприятий в национальных и международных цепочках создания стоимости.

Большое значение будет иметь регулирование системы товародвижения для оптимизации транзакционных издержек на основе формирования продуктовых цепочек, развития форм биржевой торговли продовольствием, транспортной и информационной инфраструктуры, создания федерально-региональных систем входа товаропроизводителей в системы электронной торговли, государственных информационно-консультационных служб.

Список литературы:

1. Аганбегян А.Г. О переходе к социально-экономическому росту в России. Выступление на Совете ТПП РФ по промышленному развитию и конкурентоспособности экономики России. РАНХИГС при Президенте Российской Федерации. Москва, 04.06.2021г.
2. Анфиногентова А.А., Ермолова О.В., Решетникова Е.Г., Мореханова М.Ю. Агропродовольственный комплекс России в продовольственной системе мира: устойчивость и экономическая доступность продовольствия для населения // Региональные агросистемы: экономика и социология. - 2021. - № 1. - С. 4-18.
3. Commodity Markets Outlooks. April 2021. World Bank Group. – URL: <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>
4. FAO. 2021. Food Outlook: Biannual Report on Global Food Markets.: June 2021. Food Outlook, 1. Rome.
5. Цены в России. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020 – 147 с.
6. Дорофеева Л.И., Ермолова О.В., Кирсанов В.В. /Приоритеты и механизмы управления межотраслевой структурой агропродовольственного комплекса / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. - 2020. - Т. 20. - № 4. - С. 429-438.
7. Решетников М.Г. Доклад министра экономического развития России М.Г. Решетникова на Пленарном заседании Государственной Думы Российской Федерации 09.02.2021 Минэкономразвития России, 2021.

Для цитирования: Ермолова О.В. Формирование механизма ценовой стабильности в агропродовольственном комплексе России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 4-8.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ДЕЙСТВИЯ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ И ОГРАНИЧЕНИЙ

Кирсанов В.В., к.э.н., ИАГП РАН

Проанализированы тенденции структурной адаптации агропродовольственного комплекса России к многофакторному воздействию внешних шоков дестабилизирующего характера. Дана характеристика доминирующим трендам структурных изменений, проанализированы особенности влияния современного мирового финансово-экономического кризиса, вызванного пандемией, на структурные характеристики агропродовольственного комплекса России. На основе исследования национальных возможностей и конкурентных преимуществ агропродовольственного комплекса выделены основные факторы, влияющие на конкурентные позиции страны в условиях действия дестабилизирующих факторов. Сформулированы предложения по мерам государственного регулирования, в т.ч. антикризисной направленности, позволяющие обеспечить адаптацию и развитие в новых условиях.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, государственная поддержка, сбалансированность, структурные изменения, устойчивое развитие

TRENDS AND PRIORITY AREAS OF DEVELOPMENT OF THE AGRICULTURAL FOOD COMPLEX UNDER DESTABILIZING FACTORS AND LIMITATIONS

Kirsanov V.V., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The tendencies of structural adaptation of the agri-food complex of Russia to the multifactorial impact of external shocks of a destabilizing nature are analyzed. The characteristics of the dominant trends in structural changes are given, the features of the influence of the current global financial and economic crisis caused by the pandemic on the structural characteristics of the agri-food complex of Russia are analyzed. Based on the study of national capabilities and competitive advantages of the agri-food complex, the main factors influencing the competitive position of the country under the conditions of the action of destabilizing factors are highlighted. Proposals on measures of state regulation, including anti-crisis orientation, ensuring adaptation and development in new conditions have been formulated.

Key words: agri-food complex, government support, balance, structural changes, sustainable development

Введение.

На устойчивость развития российской экономики в 2020 году оказывало влияние сочетание внешних шоков, связанных с падением цен на энергоресурсы на мировых рынках и локдаунов в условиях пандемии коронавируса. Пандемия COVID-19 обострила структурные дисбалансы в российской экономике, стала катализатором ряда негативных процессов, обозначила проблемы, связанные с несовершенством механизмов межгосударственного взаимодействия. Влияние пандемического кризиса и связанных с ним ограничительных мер проявилось в сильном сокращении потребительской активности, шоке предложения из-за деформации производственно-сбытовых связей, сжатии инвестиционной активности. С другой стороны, расширились возможности для более активного участия отечественных производителей в экспортных операциях в условиях роста мирового спроса на сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары.

На современном этапе развития агропродовольственного комплекса России важно формирование механизмов противодействия внешним многофакторным шокам на базе

структурной модернизации инновационной направленности, обеспечение расширенного воспроизводства в отраслях комплекса как основы гарантирования высокого уровня продовольственной безопасности и укрепления конкурентных позиций национальных производителей на мировом рынке.

Цель исследования.

Анализ изменения динамических и структурных характеристик функционирования агропродовольственного комплекса и оценка их влияния на состояние и перспективы конкурентоспособности национальных производителей, а также обеспечение продовольственной безопасности. Обоснование приоритетных изменений в структуре агропродовольственного комплекса, позволяющих обеспечить структурную сбалансированность развития агропродовольственного комплекса.

Методика исследований.

В процессе исследования использовались основные положения структурного и ситуационного анализа с привлечением статистических методов обработки данных.

Результаты исследований.

Изменение условий развития агропродовольственного комплекса России, связанных с эпидемиологическим шоком, принципиально не меняет стоящие перед ним задачи и целевые установки. Основными задачами, решаемыми в ходе структурной модернизации, являются повышение уровня внутрикомплексной сбалансированности используемых факторов производства и формирование целостных цепочек создания стоимости, укрепление вертикальных межотраслевых связей и сокращение транзакционных издержек. Возможности роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России на основе его долгосрочных конкурентных преимуществ связаны с расширением участия страны в глобальных цепочках добавленной стоимости. Это обеспечит рост производства продукции с высокой долей добавленной стоимости, конкурентоспособной на мировом рынке по издержкам и ценам. Решать эти задачи предстоит в условиях сокращения возможностей инерционного роста экономики России.

Меры оперативного реагирования, предпринятые в Российской Федерации, отличаются адресной направленностью поддержки пострадавших секторов экономики и населения. Общенациональным планом действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике [1], предусмотрено выделение 6,4 трлн рублей. Общий объем антикризисной бюджетной поддержки составляет 4,5 % ВВП [2]. Макроэкономические параметры развития свидетельствуют о том, что российская экономика справляется с последствиями кризиса, что находит отражение в улучшении позиции страны в глобальном рейтинге устойчивого экономического развития и благосостояния граждан (SEDA, Sustainable Economic Development Assessment), разрабатываемом консалтинговой компанией The Boston Consulting Group (BCG). Россия в 2021 году занимает 53-е место из 143 анализируемых стран, что является самым высоким показателем за всю историю наблюдений [3].

Устойчивость экономического развития агропродовольственного комплекса в последние годы сохраняется за счёт положительной динамики экономического роста, усложнения структуры комплекса, диверсификации его структуры, появления новых отраслей в результате реализации политики импортозамещения и под влиянием научно-технического прогресса. Опережающий рост в отраслях агропродовольственного комплекса стал характерной чертой российской экономики последнего десятилетия. За последние пять лет (2016-2020 гг.) валовая добавленная стоимость в основных ценах в отраслях сельского хозяйства (код по ОКВЭД2 А 01 «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях») увеличилась на 9,0 % (в т.ч. в 2020 г. на 0,5 %), а в пищевой промышленности (код по ОКВЭД2 С 10-12 «Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий») на 109,2 % (в 2020 г. на 0,3 %), что выше прироста по экономике в целом (4,3 %, в 2020 г. зафиксировано падение на 2,7 %) [4]. В 2020 году индекс физического объема валовой добавленной стоимости по отраслям АПК также рос (по виду экономической

деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» составил 100,5 %, «Производство пищевых продуктов, напитков, табачных изделий» - 100,3 %), в то время как ВВП и валовая добавленная стоимость по экономике в целом сокращались (соответственно, 97,0 % и 97,3 % к уровню 2019 года). В 2020 году впервые в новейшей российской истории импорт продовольствия не превысил его экспорт. Выросло количество стран импортеров российской продукции.

Важным итогом 2020 года для сельскохозяйственных организаций в условиях повышенных рисков негативного воздействия шоковых факторов экономической динамики стало укрепление их финансового положения. Сальдированный финансовый результат по виду экономической деятельности «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях» вырос в 2020 году к уровню предыдущего года в 2,7 раза, в то время как в целом по экономике он сократился на 33,5 %. Прибыль составила к уровню 2019 года 157,7 %, а убыток – 34,1 %. Доля прибыльных организаций составила 81,7 % [5]. Важно, что рост доходности в сырьевых отраслях АПК генерировал межотраслевые эффекты в виде роста производства в смежных отраслях (сельскохозяйственное машиностроение и др.), создающие предпосылки развития на новой технологической базе.

Рост сельскохозяйственного производства не был равномерным в региональном разрезе. Важным трендом последних лет становится ускорение процессов региональной дифференциации сельскохозяйственного производства, требующий соответствующей оценки и учета в системе государственного регулирования. Уровень поляризации динамических параметров высок даже для близкорасположенных регионов со сходными природно-климатическими условиями (например, валовая добавленная стоимость за 2016-2019 гг. в Ивановской области сократилась на 26,2 %, а в Тульской области выросла на 56,1 %).

При формировании механизмов противодействия внешним шокам необходимо учитывать, что пандемия обострила существовавшие проблемы агропродовольственного комплекса России, связанные с наличием диспропорций между важнейшими структурными элементами [6]. В ответе на вызовы внешних шоковых воздействий важно обращать внимание на необходимость защиты оказавшихся под угрозой цепочек поставок путём формирования «аварийных» запасов сырья и продукции с целью обеспечения устойчивости функционирования, как собственного бизнеса, так и ключевых контрагентов [7], и учитывать, что необходимый уровень устойчивости производственных систем достигается не за счет автаркизации развития, а за счет роста диверсификации и взаимозаменяемости фрагментов цепочек добавленной стоимости, разнообразия источников снабжения [8].

Решение задач обеспечения продовольственной безопасности страны связано с повышением уровня потребления по ряду продуктов и достижением целевых значений самообеспечения в соответствии с требованиями, сформулированными в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации. Несмотря на улучшение позиций России в рейтинге глобальной продовольственной безопасности [9], который в 2020 году впервые был подготовлен с оценкой уровня адаптации стран к рискам снижения продовольственной безопасности на национальном уровне, нерешенные проблемы в сфере потребления продуктов питания негативно сказываются на уровне благосостояния населения страны. В 2000 году потребление на душу населения было ниже нормативного уровня по овощам и бахчевым (108 кг при норме в 140 кг), фруктам и ягодам (62 кг при норме в 100 кг), молоку и молочным продуктам (234 кг при норме в 325 кг), а также красного мяса и картофеля. Полноценность питания обеспечивается и достаточностью потребления необходимых витаминов и микроэлементов. В этой сфере также есть нерешенные проблемы. Например, по данным ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии» у детей выявлена множественная микронутриентная недостаточность, только у 22,3% обследованных содержание витаминов А, С, D, E, B₆ и B₁₂ в крови соответствовало физиологической норме [10].

В 2020 году по ряду продуктов не был достигнут уровень самообеспечения (продовольственной независимости). По оценке Минсельхоза России по картофелю уровень самообеспечения составил 86,1% (на 8,9 п.п. ниже порогового значения Доктрины продовольственной

безопасности – не менее 95%), по молоку и молокопродуктам – 84,1% (на 5,9 п.п. ниже порогового значения – не менее 90%), по овощам и бахчевым культурам – 87,1% (на 2,9 п.п. ниже порогового значения – не менее 90%), по фруктам и ягодам – 41,2% (в 1,5 раза ниже порогового значения – не менее 60%) [11].

Связанные с пандемией процессы существенно повлияли на структурные параметры мировой и национальных агропродовольственных систем. Карантинные ограничения и сбои в цепочках поставок привели к росту ажиотажных закупок странами базовых продуктов питания из-за стремления сформировать запасы для гарантирования продовольственного обеспечения населения своих стран. Рост дополнительного спроса повлиял на динамику мировых цен.

Индекс стоимости продуктов питания на мировых рынках FAO (FPI) за последний год вырос на 39,7 % и достиг десятилетнего максимума. Ещё выше был рост цен на растительные масла, сахар и крупы. Другой индекс FAO, отражающий цены на импорт продовольствия и включающий в себя транспортные расходы, достиг в марте 2021 года рекордного значения, превысив предыдущие пиковые значения, сформированные во время циклов роста цен на продукты питания 2006-2008 и 2010-2012 годов [12].

Неравномерное изменение ценовых пропорций на сельскохозяйственное сырье и продовольственные товары на мировом и российском рынках, а также ослабление национальной валюты, способствуют переносу инфляционных тенденций на российские рынки, и ведут к обострению важного нового противоречия между возможностями наращивания объемов производства востребованных на мировом рынке продуктов, а также роста доходности в отраслях их производящих, и возможностями платежеспособного спроса со стороны групп населения с низкими и средними доходами.

Применённые в России меры по ограничению роста цен на ряд продовольственных товаров с одновременным внедрением механизмов компенсации выпадающих доходов производителям адекватны вызовам, сформировавшимся в результате реакции мировых агропродовольственных систем на воздействие пандемии, а последующее использование демпферных механизмов позволяет снизить негативное влияние административных ограничений. Анализ мирового опыта по регулированию цен в условиях ценовых шоков также показывает рост использования административных рычагов воздействия в системе мер государственного реагирования. Например, Государственный комитет (Комиссия) по развитию и реформам (NDRC) Китая определил комплекс мер по улучшению механизмов ценового регулирования и управления на период с 2021 по 2025 гг., в котором назвал «чрезмерные спекуляции» главной причиной отмеченного в последнее время подъема стоимости различных видов сырья и предостерег компании от манипулирования ценами на сырьевые товары, призвал выполнять свои социальные обязательства, активно способствовать скоординированному развитию сырьевых и перерабатывающих отраслей, возглавить порядок поддержания цен на товарных рынках. Принято решение о совершенствовании системы отслеживания цен на сырьевые товары [13]. С ростом открытости российской экономики конъюнктурные колебания на мировых рынках агропродовольственных товаров во всё большей мере отражаются на ценовой ситуации на внутреннем рынке. Для купирования негативного влияния целесообразно расширять использование технологий предиктивного (опережающего, предупредительного) анализа, позволяющего оценить степень влияния внешних воздействий. Целесообразно разработать систему многофакторного мониторинга и предиктивного анализа цен на товары и прогнозирования их доступности для населения.

Поддержка развития местного производства и переработки сельскохозяйственной продукции также может позволить снизить риски возможной нестабильности предложения на рынках отдельных регионов из-за срыва поставок. Требование рационального использования природно-климатического потенциала территорий, трудовых ресурсов, обуславливает необходимость диверсификации сельскохозяйственного производства. Результатами направленной поддержки процессов диверсификации могло бы стать «...преодоление монокультурной направленности сельского хозяйства России; устранение неравномерного развития различных

отраслей; преодоление убыточности аграрных производств и повышение их экономической устойчивости» [14].

В системе приоритетов современного этапа развития агропродовольственного комплекса особое место занимают вопросы углубления импортозамещения. Этап «дешевого» импортозамещения, связанный с наращиванием производства, прежде всего, в сырьевых сегментах межотраслевых цепочек, подошел к своему завершению. Формирование устойчивых конкурентных преимуществ национальных производителей предполагает высокую степень контроля за целостностью воспроизводственного процесса цепочек добавленной стоимости. Новый этап реализации стратегии импортозамещения должен быть ориентирован на достижение технологического превосходства в отраслях перспективной специализации. Устойчивый рост эффективности предполагает высокую инновационную активность, достигаемую за счёт обеспечения приоритетного научно-технологического развития отраслей агропродовольственного комплекса, развитие фундаментальной и прикладной науки, наличие системы коммерциализации результатов НИР и НИОКР. Замещение импортируемых высокотехнологичных компонентов конечной продукции потребует крупных инвестиций и поиска новых рынков сбыта для удешевления производства за счет эффекта масштаба.

В настоящее время рост конкурентоспособности отраслей агропродовольственного комплекса ограничивается дефицитом инвестиций и технологическим отставанием. Реализация стратегии импортозамещения и повышение эффективности бюджетной поддержки способствовали притоку инвестиций в основной капитал. С 2016 года в сельском хозяйстве, а с 2017 года в отраслях пищевой промышленности наблюдался более высокий по сравнению с экономикой в целом рост инвестиционной активности. За пять последних лет (2016-2020 гг.) прирост инвестиций в основной капитал в отраслях сельского хозяйства составил 17,3 %, в производстве пищевых продуктов – 16,1 % (по экономике в целом – 10,1 %) [15].

Динамика инвестиций в основные отрасли агропродовольственного комплекса не является устойчивой, что усложняет реализацию долгосрочных приоритетов развития. За два последних года объём инвестиций в отрасли сельского хозяйства сократился на 7,9 %. Норма накопления (отношение инвестиций в основной капитал к валовой добавленной стоимости) складывается ниже уровня целевых значений, зафиксированных в планах развития отраслей, а накопленное недофинансирование негативно сказывается на перспективах экономического развития. В 2020 году норма накопления в сельском хозяйстве составила 21,4 %, в производстве пищевых продуктов, напитков и табака – 18,45 %. Отраслевой раздел Плана действий по ускорению темпов роста инвестиций в основной капитал [16] предполагает повышение доли инвестиций в валовом внутреннем продукте (норма накопления) до 25%. Продолжительный период отставания в развитии пищевой промышленности в сравнении с сельским хозяйством негативно сказывается на межотраслевой сбалансированности продуктовых цепочек, дефицит инвестиций в постсельскохозяйственные отрасли существенно сдерживает возможности роста во всём комплексе.

Среди факторов, формирующих выбор стратегий конкурентной устойчивости ключевых субъектов координации взаимодействий в межотраслевых цепочках добавленной стоимости выросла значимость привлекательности внешних рынков, обусловленная ростом перепроизводства по отдельным продуктовым группам в условиях стагнации внутреннего спроса, ухудшения условий приобретения продуктов питания в результате опережающего реальные доходы населения роста цен, девальвации национальной валюты и др.

Мировой агропродовольственный рынок оказался более устойчивым к воздействию негативных шоков пандемии COVID-19, объём мировой торговли по сельскохозяйственному сырью и продовольствию 2020 года вырос на 3 %, в то время как глобальный торговый оборот сокращался. Увеличение объема торговли сельскохозяйственной продукцией во время пандемии продемонстрировало неэластичную природу потребления продуктов питания и устойчивость мировых рынков. По прогнозу ФАО в 2021 году импорт продовольствия составит рекордные 1,72 трлн долларов, что на 12% больше, чем в 2020 году [17]. Относительная устойчивость мировой торговой системы позволяет позитивно оценивать перспективы кон-

курентного присутствия российских производителей на мировом агропродовольственном рынке.

Стоит отметить, что крупнейшие мировые экспортеры сельскохозяйственной продукции и продовольственных товаров в условиях роста цен на мировых рынках изыскивают возможности увеличения поставок (например, прогнозируется, что сельскохозяйственный экспорт США в 2021 году может составить рекордную величину – 164 млрд долларов, предыдущий экспортный рекорд был установлен также в период активного роста цен в 2014 году и составлял 152,3 млрд долларов). С другой стороны, многие страны-импортеры продовольствия создают страховые фонды для обеспечения продовольственной безопасности. Китай в 2020 году существенно увеличил объемы импорта. Стабилизационные фонды продовольствия создаются и для компенсации негативного воздействия ценовых шоков на мировых рынках. Например, в ЕАЭС планируется создать специальные продовольственные фонды для борьбы с ростом цен на внутренних рынках, в первую очередь, по зерну, мясу и молоку. Расширение участия России в межгосударственных форматах позволит устойчиво реализовывать свой экспортный потенциал.

Высокий уровень конкурентоспособности российской продукции, определяемый по динамике номинального показателя защиты производителей (NPC), отмечен по традиционным экспортным позициям (семена подсолнечника, пшеница). В 2020 году в сравнении с предыдущим годом на мировых рынках выросла востребованность российской продукции по этим товарным позициям. Россия, занимая ведущие позиции в мировом экспорте, оказывает существенное влияние на формирование ценовой конъюнктуры мирового рынка. По другим продуктам уровень относительной конкурентоспособности также растет, что создает условия для конкурентного присутствия российских товаропроизводителей на мировых рынках. Однако возможности успешной конкуренции имеются на ограниченных сегментах мирового рынка ввиду более высокого уровня цен на внутреннем рынке (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика номинального показателя защиты производителей (Producer NPC)

	2010	2015	2019	2020
NPC в целом	1,25	1,15	1,10	1,07
Пшеница	0,97	0,92	0,99	0,94
Семена подсолнечника	0,92	0,91	0,92	0,86
Молоко	1,22	1,28	1,06	1,08
Говядина и телятина	1,37	1,40	1,27	1,22
Свинина	2,23	1,43	1,24	1,28
Мясо птицы	1,26	1,08	1,07	1,11
Сахар	1,17	1,46	1,30	1,13

Источник: Рассчитано с использованием данных [18].

Государственное программное регулирование является основным механизмом реализации приоритетов устойчивого развития и роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса России. В проектную часть «Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» (далее – Госпрограмма) включены два федеральных проекта («Экспорт продукции АПК» и «Создание системы поддержки фермеров и развитие сельской кооперации»), четыре ведомственных проекта («Развитие отраслей АПК, обеспечивающих ускоренное импортозамещение основных видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», «Стимулирование инвестиционной деятельности в АПК», «Цифровое сельское хозяйство» и «Техническая модернизация АПК») а также ведомственная программа «Развитие мелиоративного комплекса России». К процессной части Госпрограммы отнесены три ведомственные целевые программы («Обеспечение общих условий функционирования отраслей АПК», «Организация ветеринарного и фитосанитарного надзора», «Научно-техническое обеспечение развития отраслей АПК»).

Объем расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на сельское хозяйство по данным Федерального казначейства в 2020 году после роста в предыдущем году сократился на 3,7 % (табл. 2). Расходы на субфедеральном уровне выросли, что отражает заинтересованность регионов в обеспечении продовольственной безопасности. Новые возможности обеспечения региональных приоритетов развития связаны с введением стимулирующих субсидий. Расширение зоны использования принципа конкурентного финансирования в зависимости от вклада тех или иных проектов в достижение конечных целей способствует повышению эффективности государственной поддержки.

Таблица 2 – Динамика расходов консолидированного бюджета Российской Федерации на развитие сельского хозяйства* (фактические цены, млрд руб.)

	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Расходы из консолидированного бюджета Российской Федерации	362,4	331,7	343,8	365,8	434,9	419,1
в т.ч. из Федерального бюджета с учетом средств, переданных на уровень субъектов Федерации	208,2	203,1	214,1	225,7	288,8	264,6
Доля расходов из Федерального бюджета, %	57,5	61,2	62,3	61,7	66,4	63,1
Расходы из консолидированного бюджета, в % к ВВП	0,43	0,39	0,37	0,38	0,40	0,39

Источник: рассчитано с использованием данных Федерального казначейства [19].

Примечание: * включая рыболовство, код классификации расходов бюджетов – 0405

Объем и структура государственной поддержки формирует не только условия устойчивого функционирования производителей на внутреннем рынке, но и прямо влияет на конкурентоспособность национальных производителей на мировых рынках. Рост объемов сельскохозяйственного производства при стагнации или сокращении размеров государственного субсидирования повлиял на уровень поддержки российских производителей (рис.). Наш анализ на основе данных OECD [18] свидетельствует о том, что значения показателя уровня поддержки производителей (Percentage Producer Support Estimate) в сельском хозяйстве России имеют устойчивую тенденцию к снижению (с 18,5 % в 2013 году и 12,7 % в 2015 году до 6,68 % в 2020 году). В Евросоюзе (без Великобритании) уровень поддержки устойчив и складывается на более высоком уровне (19,33 % в 2020 году), что положительно сказывается на формировании конкурентных позиций европейских производителей на мировых аграрных рынках. Уровень поддержки сельскохозяйственных производителей в Китае и США в настоящее время также выше российского (соответственно 12,17 % и 11,03 % в 2020 году).

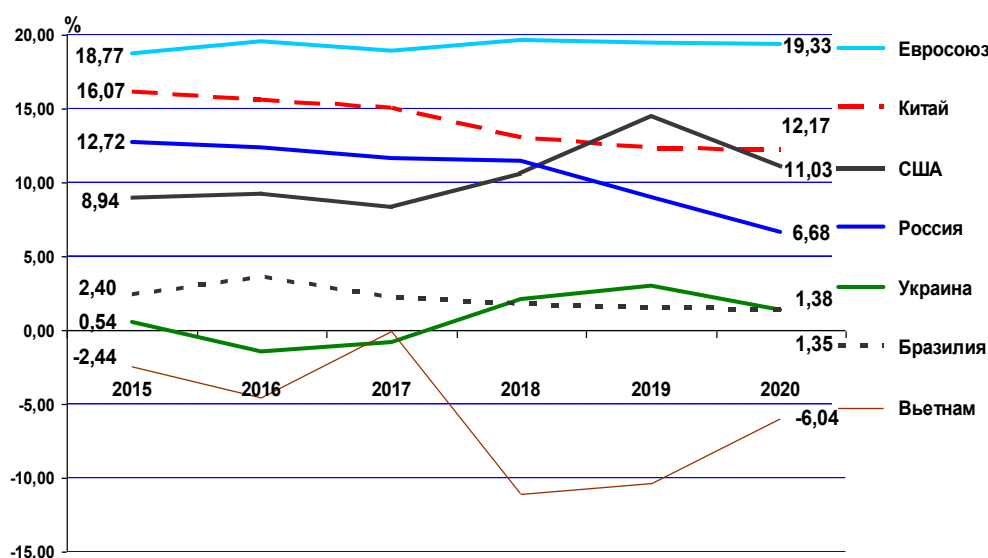

Рисунок – Динамика уровней поддержки производителей развития сельского хозяйства (Percentage Producer Support Estimate) в России и странах мира

Источник: рассчитано по данным [18].

Успешность развития отраслей агропродовольственного комплекса зависит от достаточности объемов и ритмичности государственного бюджетного финансирования. Действующая Госпрограмма с момента своего принятия в 2012 году менялась двадцать раз в сторону уменьшения финансирования, за период 2016-2020 годов финансирование Госпрограммы было сокращено на 288 млрд рублей [20]. Проведенный анализ влияния полученных сельскохозяйственными организациями субсидий из бюджетов всех уровней на основные показатели финансово-хозяйственной деятельности показывает, что объемы субсидий из бюджетов всех уровней, относимых на финансовый результат, ежегодно сокращались (в 2019 г. составили 91,4 % от уровня 2016 г.), но позволяли существенно повысить уровень рентабельности (13,3 % с учетом субсидий против 8,0 % без субсидий в 2019 г.). Необходимо отметить, что относительно высокие уровни доходности складываются в условиях существенного отставания уровня оплаты труда в отраслях сельского хозяйства от средних значений по экономике. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по виду экономической деятельности ОКВЭД2 «Растениеводство и животноводство, охота и предоставление соответствующих услуг в этих областях» в 2020 году составила 60,5 % от среднероссийского уровня (в 2019 году – 59,3 %) [21]. Уровень оплаты труда в сфере сельскохозяйственного производства является одним из целевых показателей для органов исполнительной власти. Приближение уровня оплаты труда к средним значениям по экономике в целом будет вести к сокращению доходности производства и потребует увеличения средств, выделяемых поддержки развития отрасли.

Заключение.

На современном этапе развития агропродовольственного комплекса России важно формирование механизмов противодействия внешним многофакторным шокам на базе структурной модернизации инновационной направленности, обеспечение расширенного воспроизводства в отраслях комплекса как основы гарантирования высокого уровня продовольственной безопасности и укрепления конкурентных позиций национальных производителей на мировом рынке.

Потенциал развития отраслей агропродовольственного комплекса России связан с эффективностью взаимодействия отдельных звеньев цепочек добавленной стоимости, их координации с целью увеличения совокупного эффекта и справедливого распределения его среди участников. В России, которая в настоящее время уверенно становится одним из ключевых экспортеров на мировых агропродовольственных рынках, рост привлекательности поставок на внешний рынок привел к обострению противоречий между возможностями роста экспортоориентированных отраслей и необходимостью обеспечения национальной продовольственной безопасности, прежде всего, за счет роста физической и экономической доступности продовольствия для групп населения с невысокими и средними доходами. Для согласования текущих и долгосрочных интересов организаций-участников межотраслевых цепочек в агропродовольственном комплексе, находящихся на разных стадиях воспроизводственного процесса, необходим комплекс мер по использованию инструментов государственного регулирования.

Государственное программное регулирование играет основную роль в реализации приоритетов устойчивого развития и росте конкурентоспособности агропродовольственного комплекса. Особенностью современного этапа развития системы государственной поддержки является сочетание использования селективных методов, направленных на целевой круг ее получателей, и мер общесистемного характера. Государственная поддержка становится более дифференцированной, чему способствуют повышение значимости критерия соответствия выделяемой помощи агроклиматическому потенциалу регионов, целевая поддержка критически важных для обеспечения сбалансированного развития всех звеньев продовольственных цепочек, а также комплекс мер, направленных на содействие росту однородности и связности экономического пространства [22].

Повышение роли государственного программного регулирования с ориентацией на цели национального развития в бюджетном процессе требует дополнительного согласования

целевых установок и выделяемых ресурсов по трём государственным программам, напрямую связанных с агропродовольственной сферой (программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, программы комплексного развития сельских территорий и программы вовлечения в сельскохозяйственный оборот заброшенных земель и охраны плодородия почв).

Список литературы:

1. Общенациональный план действий, обеспечивающих восстановление занятости и доходов населения, рост экономики и долгосрочные структурные изменения в экономике (одобрен на заседании Правительства РФ 23 сентября 2020 г. (протокол N 36, раздел VII) N П13-60855 от 2 октября 2020 г.)
2. Путин В.В. Выступление на Саммите «Группы двадцати» 21.11.2020. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64460>.
3. Sustainable Economic Development Assessment and Citizen Well-Being / The Boston Consulting Group (BCG). – URL: <https://www.bcg.com/industries/public-sector/sustainable-economic-development-assessment>.
4. Индексы физического объема валовой добавленной стоимости по отраслям экономики / Росстат. – URL: <https://www.gks.ru/accounts>.
5. О финансовых результатах деятельности организаций в 2020 году / Росстат. – URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/41.htm.
6. Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Проблемы роста конкурентоспособности агропродовольственного комплекса // Вестник Саратовского госагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. - 2013. - № 1. - С. 63-65.
7. Risk, resilience, and rebalancing in global value chains / McKinsey Global Institute. 2020. – URL: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains>.
8. Global supply chains are still a source of strength, not weakness. Resilience comes not from autarky but from diverse sources of supply / The Economist, 03.04.21. – URL: <https://www.economist.com/leaders/2021/03/31/global-supply-chains-are-still-a-source-of-strength-not-weakness>.
9. The Global Food Security Index / The Economist Intelligence Unit & Corteva Agriscience. – URL: <https://foodsecurityindex.eiu.com/Country/Details#Russia>
10. Коденцова В. Витаминная обеспеченность детского населения России. Мировые тренды производства БАД и витаминно-минеральных премиксов / Доклад на V Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы питания детей и подростков. Наука, производство, бизнес». 17.06.2021. – URL: <https://babyfoodconference.ru/>
11. Итоговый доклад о результатах деятельности Минсельхоза России за 2020 год / МСХ России. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/8af/8afa6e8620d482b262254064481bab11.docx>
12. FAO Food Price Index / FAO. – URL: <http://www.fao.org/worldfoodsituation/foodprices/index/en/>
13. Пресс-релиз от 24.05.2021 / NDRC: 国家发展改革委等五部门联合约谈提醒大宗商品重点企业, – URL: https://www.ndrc.gov.cn/xwtd/xwfb/202105/t20210524_1280583.html
14. Генералова С.В. Диверсификации аграрного производства в контексте политики импортозамещения // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. - № 5. т.1. - С.57.
15. Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации по видам экономической деятельности / Росстат. / IMD. – URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/AP05mzng/tab-din-okved.html>
16. Постановление Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 1315п-П13.
17. FAO. 2021. Food Outlook: Biannual Report on Global Food Markets.: June 2021. Food Outlook, 1. Rome. – URL: <https://doi.org/10.4060/cb4479en>.

18. База данных OECD «Agricultural policy monitoring and evaluation». – URL: <http://www.oecd.org/agriculture/topics/agricultural-policy-monitoring-and-evaluation/>
19. Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов / официальный сайт Федерального казначейства. – URL: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzheto/konsolidirovannyj-byudzheto/>
20. Кашин В.И. Доклад Председателя комитета по аграрным вопросам Государственной дума Федерального собрания Российской Федерации VII созыва на Итоговой Коллегии Минсельхоза России 2021 / YouTube. 16.06.2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=LTawneQ6WVQ>
21. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций по виду экономической деятельности (в соответствии с ОКВЭД2) / Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries
22. Стратегия регионального развития агропродовольственного комплекса России / О.В. Ермолова, В.В. Кирсанов, Н.А. Яковенко и др.; - Саратов: Изд-во ИАГП РАН, 2009. - 124 с.

Для цитирования: Кирсанов В.В. Тенденции и приоритетные направления развития агропродовольственного комплекса в условиях действия дестабилизирующих факторов и ограничений // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 9-18.

ОБОСНОВАНИЕ УСЛОВИЙ ФОРМИРОВАНИЯ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА АГРАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА РОССИИ

Потапов А.П., к.э.н., ИАГП РАН

В статье проведено обоснование условий формирования ресурсного потенциала аграрного производства. Выделены основные условия развития агропромышленного комплекса, обеспечение которых предусматривается действующими государственными программными документами. Основной акцент сделан на достижении сбалансированности ресурсного потенциала по его внутренней структуре. Рассчитаны параметры производственной функции, отражающие фактическое соотношение ресурсных затрат и их влияние на выпуск продукции аграрного производства. Построен прогноз выпуска аграрной продукции в зависимости от изменения объема и структуры затрат на основные производственные ресурсы с учетом необходимости достижения сбалансированности ресурсного потенциала.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, аграрное производство, продовольственная безопасность

JUSTIFICATION OF CONDITIONS FOR THE FORMATION OF THE RESOURCE POTENTIAL OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN RUSSIA

Potapov A.P., candidate of economic sciences, IAGP RAS

The article substantiates the conditions for the formation of the resource potential of agricultural production. The main conditions for the development of the agro-industrial complex are highlighted, the provision of which is provided for by the current state program documents. The main emphasis is placed on achieving a balance of the resource potential in terms of its internal structure. The parameters of the production function, reflecting the actual ratio of resource costs and their impact on the output of agricultural products are calculated. A forecast of agricultural products output is constructed depending on the change in the volume and structure of costs for the main production resources, taking into account the need to achieve a balance of resource potential.

Key words: resource potential, agricultural production, food security

Введение.

Одним из важнейших направлений современной государственной аграрной политики России является обеспечение продовольственной безопасности, которая достигается на основе продовольственной независимости. Продовольственная независимость, в свою очередь, базируется на отечественном производстве агропродовольственной продукции в сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Производство базовых сельскохозяйственных продуктов происходит в отраслях и подкомплексах аграрного сектора с применением необходимых ресурсов. Совокупность ресурсов, используемых в производственном процессе, формирует его ресурсный потенциал. Ресурсный потенциал, таким образом, выступает фактором обеспечения продовольственной независимости и безопасности.

Процесс формирования и использования ресурсного потенциала зависит от сложившихся тенденций в развитии аграрного производства, условий его функционирования, приоритетных направлений и целевых установок. Повышение эффективности, как характеристика роста отдачи от используемых ресурсов, является ключевым направлением при формировании ресурсного потенциала. Актуальной задачей становится также обоснование условий формирования ресурсного потенциала, при которых повышается его эффективность, в целях обеспечения продовольственной безопасности.

Целью настоящей статьи является научно-методическое обоснование условий формирования ресурсного потенциала аграрного производства, как одного из основных факто-

ров обеспечения продовольственной независимости и безопасности страны в средне- и долгосрочной перспективе.

Методика исследования.

При проведении экономико-математических расчетов в статье были использованы метод построения производственной функции (на примере степенной многофакторной функции Кобба-Дугласа), индексный метод. Исчисление параметров производственной функции было выполнено с применением корреляционно-регрессионного анализа. Методологической основой работы стали разработки, приведенные в статье [1]. Информационную базу расчетов составили данные российской и международной статистики, а также сведения Росстата об использовании основных производственных ресурсов в аграрном производстве.

Результаты исследования.

Развитие ресурсной сферы аграрного производства России характеризуется в настоящее время такими тенденциями, как рост эффективности использования ресурсного потенциала, разнонаправленная динамика наличия и использования ресурсов, сохранение и незначительные изменения структуры промежуточного потребления в аграрном производстве, выраженной технологическими коэффициентами, сохранение высокой зависимости аграрного производства от импорта основных элементов ресурсного потенциала.

Изменение негативных тенденций и стимулирование положительных изменений требует наличия определенных условий и факторов, которые позволят повысить эффективность хозяйствования и результативность производства в аграрной сфере, достичь целевых индикаторов аграрной политики, обеспечить продовольственную безопасность страны.

Оценка условий реализации направлений государственной аграрной политики является неотъемлемым составным элементом концептуальных и программных документов, посредством которых осуществляется данная политика. Так, последняя редакция Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденная Постановлением Правительства Российской Федерации № 415 от 18 марта 2021 года, включает подпрограмму «Обеспечение условий развития агропромышленного комплекса». Двумя главными проектами (программами) здесь выступают «Цифровое сельское хозяйство» и «Развитие мелиоративного подкомплекса». В качестве отдельных целевых программ и мероприятий выделены: «Устойчивое развитие сельских территорий», «Обеспечение общих условий функционирования отраслей агропромышленного комплекса», «Научно-техническое обеспечение развития отраслей агропромышленного комплекса», «Организация ветеринарного и фитосанитарного надзора». [2]

Анализ содержания данной подпрограммы позволяет сделать вывод о том, что большинство ее направлений связаны с процессом формирования ресурсного потенциала аграрного производства, к которым относятся следующие условия:

- внедрение цифровых технологий и платформенных решений;
- реконструкция, техническое перевооружение и строительство мелиоративных систем;
- проведение агротехнических работ.

Одним из целевых показателей реализации подпрограммы по обеспечению условий развития агропромышленного комплекса является показатель эффективности, а именно: доходность сельскохозяйственных товаропроизводителей, которая должна составлять не менее 10% на протяжении всего срока реализации Госпрограммы.

Основываясь на методологическом подходе, используемом в государственных программных документах, автор предлагает применительно к процессу формирования и использования ресурсного потенциала выделить такие условия, как:

- обеспечение сбалансированности ресурсного потенциала;
- снижение ресурсной зависимости аграрного производства от импорта;
- снижение ресурсоемкости производства аграрной продукции;
- рост ресурсной обеспеченности;
- повышение эффективности использования ресурсного потенциала.

Реализация вышеуказанных направлений должна происходить с учетом их методического обоснования с применением методов экономико-математического моделирования. Ключевыми условиями являются достижение сбалансированности ресурсного потенциала, обеспечивающей экономический рост в аграрном производстве, и рост эффективности использования ресурсного потенциала на основе снижения ресурсоемкости производства аграрной продукции с учетом ее уровня, динамики и структуры по основным группам ресурсов.

Сбалансированность ресурсного потенциала является характеристикой его наличия и использования, отражающей содержание потенциала с двух сторон – внутренней и внешней. Внутренняя сбалансированность характеризует ресурсный потенциал с точки зрения состава и структуры входящих в него элементов. Эффективность ресурсного потенциала с точки зрения его внутренней сбалансированности будет достигнута при количественном и качественном соответствии ресурсов между собой. Структурный дисбаланс ресурсного потенциала приведет к неполному использованию ресурсов и наличию неиспользуемых ресурсов, к росту нагрузки на используемые ресурсы, к формированию неэффективной структуры ресурсного потенциала.

Внешняя сбалансированность отражает соответствие ресурсного потенциала требованиям обеспечения аграрного производства необходимыми ресурсами для получения продукции. Определенный объем производства требует соответствующей ресурсной обеспеченности с учетом производительных способностей каждого вида ресурсов. Потребности производства в свою очередь определяются потребностями хозяйствующих субъектов и населения в продукции аграрного производства для удовлетворения собственных нужд, а также потребностями страны по обеспечению продовольственной независимости и безопасности, по формированию внутренних резервов, стратегических запасов, интервенционных фондов, экспортного потенциала.

Так как предметом данной статьи выступает обоснование условий формирования ресурсного потенциала, которое в большей степени относится к наличию и эффективному использованию ресурсов в производственном процессе, то при рассмотрении сбалансированности потенциала основной акцент будет сделан на его внутреннем содержании.

Достижение сбалансированности ресурсного потенциала предполагает изменение его структуры, которое выражается в изменении структуры затрат в пользу ресурсов, повышающих отдачу от использования совокупного ресурсного потенциала. [3]

Обоснование сбалансированности ресурсного потенциала как условия его формирования проводится с помощью методов экономико-математического моделирования, позволяющих оценить зависимость выпуска продукции от объема и структуры ресурсных затрат. С использованием сведений международного исследовательского проекта World Input – Output Database (WIOD) по использованию товаров и услуг в отраслях экономики были рассчитаны параметры производственной функции аграрного производства по основным видам ресурсов. Первоначальный расчет выпуска продукции в зависимости от уровня и структуры ресурсных затрат был выполнен в работе [4]. В данной статье были использованы скорректированные данные, включающие изменение статей затрат, входящих в расчет использования ресурсов по отраслям, выпуск продукции с учетом стоимостных индексов промежуточного потребления.

В качестве факторных признаков использованы затраты на основные производственные ресурсы, потребляемые аграрной сферой, но производимые в других отраслях национальной экономики. К ним отнесены:

- затраты на продукцию машиностроения (в рамках текущего производственного потребления);
- затраты на топливно-энергетические ресурсы;
- затраты на продукцию химической промышленности.

Применение метода корреляционно-регрессионного анализа позволило рассчитать параметры искомой производственной функции, в результате чего были получены следующие значения:

$$P = 6,140 \times M^{0,054} \times E^{0,673} \times C^{0,433},$$

где P – выпуск продукции сельского хозяйства, млн долл.,

M – затраты на продукцию машиностроения, млн долл.,

E – затраты на топливно-энергетические ресурсы, млн долл.,

C – затраты на продукцию химической промышленности, млн долл.

Показатели степени при значениях факторных признаков являются по содержанию показателями эластичности выпуска продукции по затратам на основные производственные ресурсы.

Рассчитанные параметры производственной функции позволяют строить прогнозы выпуска продукции в зависимости от изменения затрат ресурсов, на основании чего проводится оценка возможностей экономического роста в аграрном производстве за счет эффективного использования ресурсного потенциала. Научный подход, основанный на оценке роста производства с учетом структурных изменений, используется не только в отношении производственных ресурсов, но и институциональных факторов [5].

Из представленных факторов наибольшее значение для экономического роста будет иметь продукция химической промышленности (минеральные удобрения, средства защиты растений, ветеринарные препараты и т.д.). Внесение удобрений является фактором интенсификации при низком современном уровне их использования. Значение эластичности по топливно-энергетическим ресурсам обусловлено высокой энергоемкостью аграрного производства России, связанной с природно-климатическими условиями страны, высокой долей старой техники.

Используя полученную производственную функцию, рассчитаем возможный прирост выпуска продукции и эффективность использования ресурсного потенциала за счет изменения структуры и объема ресурсных затрат, позволяющих достичь сбалансированности ресурсов (таблица). В качестве целевого значения затрат на продукцию химической промышленности примем затраты, соответствующие научно обоснованной норме внесения минеральных удобрений, которая составляет 80 кг/га [6]. В настоящее время реальный уровень внесения составляет 61 кг/га [7]. Таким образом, необходимо увеличение затрат на удобрения в 1,31 раза. Это позволяет рассчитать 2 целевых варианта изменения затрат ресурсов: *первый* – рост затрат на удобрения при сохранении общих затрат на основные производственные ресурсы (что приведет к изменению структуры и сокращению затрат на другие ресурсы), *второй* – рост затрат на удобрения при сохранении затрат на другие ресурсы (что приведет к изменению структуры и росту общих затрат)

Таблица – Оценка роста выпуска продукции аграрного производства за счет совершенствования структуры ресурсных затрат

Параметры	Базовый вариант	Целевой вариант 1	Целевой вариант 2
Доля затрат на продукцию машиностроения, %	27,1	25,1	25,6
Доля затрат на топливно-энергетические ресурсы, %	53,7	49,7	50,6
Доля затрат на продукцию химической промышленности, %	19,2	25,2	23,8
Затраты на продукцию машиностроения, млн долл.	2820	2613	2820
Затраты на топливно-энергетические ресурсы, млн долл.	5589	5175	5589
Затраты на продукцию химической промышленности, млн долл.	2003	2624	2624
Общие затраты на основные производственные ресурсы, млн долл.	10412	10412	11033
Выпуск продукции аграрного производства, млн долл.	84490	89790	94962
Прирост выпуска к базовому варианту, %	–	6,3	12,4
Чистый прирост выпуска к базовому варианту, %	–	6,3	11,2

Так как целевой вариант 1 предполагает сохранение объема затрат при изменении только их структуры, то прирост выпуска продукции будет совпадать с чистым приростом. В

целевом варианте 2 происходит увеличение объема затрат, поэтому чистый прирост рассчитывается исходя из прироста выпуска продукции к базовому варианту за минусом увеличения общих затрат (также к базовому варианту).

Анализ расчетов в таблице показывает, что достижение сбалансированности ресурсного потенциала за счет изменения структуры ресурсных затрат в пользу продукции химической промышленности (прежде всего, удобрений) при сложившейся технико-технологической структуре производства приводит к росту продукции на 6,3%. При росте затрат на удобрения до объема, соответствующего нормативному уровню их внесения под сельскохозяйственные культуры, и при сохранении объема затрат на продукцию машиностроения и топливно-энергетические ресурсы, прирост выпуска составит 11,2% с учетом роста общих затрат.

Заключение.

Таким образом, достижение сбалансированности ресурсного потенциала аграрного производства является одним из ключевых условий его формирования и эффективного использования.

Представленный в статье метод моделирования, позволяющий на основе сопоставления вариантов ресурсной обеспеченности оценить их влияние на выпуск продукции аграрного производства, может стать основой для реализации направлений по повышению эффективности использования ресурсного потенциала, достижению его сбалансированности в целях экономического роста в сельском хозяйстве. Совершенствование структуры ресурсных затрат приводит не только к росту производства в аграрной сфере, но и к чистому приросту выпуска продукции с учетом роста затрат. Это означает повышение эффективности использования ресурсного потенциала, которое приводит к росту получаемой продукции в расчете на единицу ресурсных затрат, что способствует реализации основных направлений государственной аграрной политики и достижению ее целевых параметров в области обеспечения продовольственной независимости и безопасности.

Список литературы:

1. Кутенков Р.П. Производственные функции: оценки взаимозаменяемости факторов и прогнозирование объемов сельскохозяйственного производства в регионах России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 2. – С. 50-57.
2. Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия / Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. Официальный сайт. – URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/b28/b286225488d79dbf9a6b100297dcf946.pdf>
3. Потапов А.П. Сбалансированность экономических механизмов роста эффективности использования ресурсного потенциала аграрного производства // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 51-56.
4. Потапов А.П. Оценка объемов аграрного производства в зависимости от структуры ресурсных затрат // Экономические науки. – 2020. – № 6 (187). – С. 74-79.
5. Васильченко М.Я. Долгосрочные тенденции роста производства продукции животноводства с учетом изменения институциональной структуры // Экономические науки. – 2020. – № 3 (184). – С. 47-51.
6. Минсельхоз не ожидает дефицита удобрений для аграриев / Крестьянские ведомости. Официальный сайт. – URL: <https://kvedomosti.ru/news/https-tass-ru-ekonomika-11070919.html>
7. Российский статистический ежегодник. 2020. Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 720 с.

Для цитирования: Потапов А.П. Обоснование условий формирования ресурсного потенциала аграрного производства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021. - № 2. - С. 19-23.

КООПЕРАТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Бурлаков В.Б., к.э.н., ИАГП РАН

Вызовы и риски последнего времени, связанные с усилением процессов глобализации, давлением рынка, последствиями недобросовестной конкуренции способствуют росту в развитых государствах числа кооперативов, которые изменяют свою организационно-управленческую основу и превращаются в своеобразные гибридные структуры, ориентированные на предпринимательскую деятельность. Проанализированы национальные законодательства, регулирующие развитие кооперативных формирований. Выявлены существенные различия между странами в направленности и уровне ограничений, накладываемых государством на кооперативную деятельность. Выделены основные направления изменений традиционных для кооперативной формы методов организации деятельности. Сделаны выводы о целесообразности внедрения данных новшеств в практику деятельности российских сельскохозяйственных кооперативов.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, развитые страны, особенности современного развития, изменение организационной формы.

COOPERATIVES IN THE MODERN WORLD: CHARACTERISTICS, FEATURES OF ACTIVITY, DEVELOPMENT PROBLEMS

Burlakov V.B., candidate of economic sciences, IAgP RAS

Recent challenges and risks associated with the strengthening of globalization processes, market pressure, and the consequences of unfair competition contribute to the growth of the number of cooperatives in the developed countries. Cooperatives change their organizational and managerial basis and turn into a kind of hybrid structures focused on entrepreneurial activity. The national legislation governing the development of cooperative formations is analyzed. Significant differences between countries in the direction and level of restrictions imposed by the state on cooperative activities are revealed. The main directions of changes in the methods of organizing activities traditional for the cooperative form are highlighted. Conclusions are made about the feasibility of introducing these innovations into the practice of Russian agricultural cooperatives.

Key words: agricultural cooperation, developed countries, features of modern development, change in organizational form.

Введение.

Нестабильное развитие мировой экономики, вызванное нарастанием глобальных рисков и угроз, еще больше актуализирует проблему обеспечения населения продовольствием. Существенно ухудшила возможности решения данной проблемы в самое последнее время пандемия коронавируса. Для стран, в которых и до этого остро стоял вопрос обеспечения продовольственной безопасности, в свете последних глобальных изменений наибольшие трудности стал составлять не только доступ к продовольствию, но во всё большей степени само производства жизненно необходимых продуктов питания.

В странах Европы, США и Японии в развитии национальных продовольственных систем издавна важное место занимают кооперативы. Согласно отчету COGESA (Всеобщей конфедерации сельскохозяйственных кооперативов в Европейском Союзе) «Развитие сельскохозяйственных кооперативов в ЕС» (2014 г.), общий оборот всех сельскохозяйственных кооперативов составлял на тот период 347 млрд евро [1]. Основными факторами, определяющими предпочтительность для фермеров кооперативной формы, являются, прежде всего, добровольный характер и равноправие членов, управление на демократических принципах, право распоряжаться доходами от кооперативной деятельности, хозяйственная самостоятельность и независимость. Кроме того, по сравнению с фирмами, принадлежащими инвесторам и направленными на максимизацию прибыли, кооперативы лучше справляются с

экономическими кризисами; стимулируют экономическое развитие, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов; реинвестируют излишки; содействуют развитию местных сообществ.

Несмотря на то, что в последние десятилетия значение кооперативов для развития экономики возросло, они сталкиваются как с давними, так и с новыми вызовами, обусловленными глобализацией или наличием множества национальных законов, а также с проблемами в организации и управлении. Кооперативы, работающие на международном рынке, часто испытывают значительные трудности, связанные с правовой неопределенностью из-за разночтений в применении законодательной базы или ее отсутствия в некоторых странах. В целях конкуренции с крупным бизнесом многие кооперативы идут на определенные изменения некоторых традиционных для кооперации аспектов организационно-экономической деятельности [2]. В настоящее время в странах Евросоюза политики, законодатели и представители кооперативного сообщества активно обсуждают ряд инициатив, направленных на создание для кооперативов равных условий, которые бы позволили им конкурировать с фирмами, ориентированными на инвесторов, не отказываясь от своих ценностей и социальной ориентации.

Цель исследования – выявление современных тенденций развития аграрной кооперации в развитых странах с тем, чтобы в дальнейшем оценить целесообразность использования зарубежного опыта для корректировки стратегии становления отечественной сельскохозяйственной кооперации.

Методика исследований.

В качестве информационной основы исследования послужили материалы Европейской конфедерации сельскохозяйственных кооперативов (COGECA), доклады последних лет по проблемам развития кооперации Европейской службы парламентских исследований (EPRS) Европарламента, нормативно-правовые акты государств Европы, США и Японии, регулирующие деятельность кооперативных организаций, труды зарубежных и отечественных ученых о современных проблемах кооперативного развития. В ходе исследования использовались методы сопоставлений, структурного и сравнительного анализа.

Результаты исследований.

В 1995 г. Международным кооперативным альянсом (МКА) была принята Декларация о кооперативной идентичности, в которой были определены признаки кооперативного предприятия, более известные как Международные принципы кооперативной деятельности. По мнению Альянса, имеются семь определяющих кооперативы характеристик: 1) членство в кооперативе должно быть открытым и добровольным; 2) кооператив является организацией, контролируемой своими членами на демократической основе; 3) обязательное экономическое участие членов в кооперативной деятельности; 4) кооператив является самостоятельной и независимой организацией; 5) кооператив должен заботиться об обучении своих членов и работников, а также предоставлять им необходимую информацию; 6) для укрепления кооперативного движения кооперативы должны сотрудничать, кооперироваться между собой; 7) помогая своим членам, кооператив способствует стабильному развитию местного сообщества. Исходя из признания экономического и социального значения кооперативов, руководство практически всех развитых стран оказывает развитию кооперации пристальное внимание. Однако до сих пор между странами имеют место некоторые разночтения в понимании сущности кооперативной формы.

Некоторые страны прямо ссылаются на принципы, утвержденные МКА. Например, данные положения содержатся в испанском Законе о кооперативах (1999 г.), португальском Кооперативном кодексе (1996 г.), румынском Кооперативном законе (2005 г.). В нормативно-правовых актах других стран (например, Люксембурга) о них не упоминается. При этом ряд европейских экспертов [3] считает, что отдельные нормы МКА слишком расплывчаты, и в качестве одного из таких примеров указывают на вопрос о членстве. Согласно положениям Кооперативного альянса, целью кооператива является предоставление услуг членам на основе заключаемых сделок, но кооператив не ставит целью обеспечить доходность капитала,

предоставляемого членами, как это имеет место в фирмах, принадлежащих инвесторам. Однако несмотря на то, что вознаграждение членов на вложенный капитал ограничено, излишки доходов кооператива распределяются между членами в основном пропорционально объему их сделок с кооперативом.

Национальные законы большинства европейских государств (Дании, Норвегии, Болгарии, Кипра, Мальты и ряда других) не содержат положений, касающихся инвесторов-членов, что может быть истолковано как отказ от их приемлемости в кооперативе. Такие члены не пользуются услугами кооператива и их право голоса ограничено. Другие страны, например Германия и Австрия, допускают, чтобы уставы кооперативов предусматривали возможность участия в них инвесторов-членов. В Финляндии в законодательно закреплённом определении кооператива допускается осуществление деятельности с нечленами, если это предусмотрено уставом кооператива [4, 5] (таблица).

Национальные законы о кооперативах предусматривают широкий спектр направлений кооперативной деятельности. Вместе с тем на отдельные виды из них накладываются определённые ограничения, обусловленные как типами кооперативов (производителей, потребителей, многопрофильные и т.д.), так и их размерами, а также особенностями членства.

В большинстве стран существуют конкретные нормы, применяемые к кооперативам, тогда как кооперативное законодательство вытекает, главным образом, из национального гражданского права, а точнее – из соответствующих разделов коммерческого права (см. таблицу). В Швейцарии кооперативы (их более 70 тыс.) ориентированы на производство и реализацию сыров, других пищевых продуктов, вина, одежды, строительных материалов, даже знаменитых швейцарских часов. Японские кооперативы имеют хорошие позиции в финансово-кредитном секторе. В Норвегии, наоборот, им запрещается участвовать в банковской деятельности или операциях на фондовой бирже [4].

В рамках ЕС существует большое разнообразие национальных законов о кооперативах, которые условно можно отнести к шести различным моделям законодательства:

- фактическое отсутствие кооперативного законодательства (Ирландия);
- регулирование деятельности кооперативов коммерческим кодексом (Чехия, Словакия);
- кооперативное регулирование корпоративным правом (Люксембург) или кодексом для компаний (Бельгия);
- регулирование кооперативной деятельности национальным Гражданским кодексом (Италия, Нидерланды);
- регулирование деятельности кооперативов отдельным законодательным актом (Германия, Австрия) [17];
- регулирование функционирования кооперативов Кооперативным Кодексом (Португалия).

Некоторые страны (Япония) имеют отдельные законы для регулирования кооперативов каждого направления деятельности. В США нет специального федерального закона о кооперативах, здесь в каждом штате действуют собственное кооперативное право (всего имеется 85 законов, регулирующих кооперативную деятельность). Вместе с тем закон о налоговых льготах для кооперативов имеет федеральный статус.

Во многих странах, в соответствии с законодательством, кооперативы могут иметь правовой статус либо кооперативного общества с ограниченной или неограниченной ответственностью, либо акционерного общества, либо группы по экономическим интересам.

Существуют также значительные различия между странами в отношении числа членов и необходимого размера капитала для организации кооператива. Необходимое минимальное число членов не всегда предусмотрено законом. Некоторые страны (Дания, Болгария, Люксембург) не имеют обязательных положений на этот счет, в то время как законодательство других (Германии, Швеции, США) требует наличия не менее трех членов. В третьих странах требования более высокие. Так, в Польше для создания сельскохозяйственного кооператива требуется не менее 10 физических или 3 юридических лиц, в Японии – минимум 15 членов [4].

Таблица – Правовая база, формальные требования и структура кооперативов в ЕС-28, Норвегии, Швейцарии, США и Японии

Страна	Правовая основа	Статус организации	Требования к членству и капиталу	Принцип управления	Организационно-управленческая структура
Австрия	Коммерческий кодекс; Закон о кооперативах; Закон о кооперативном аудите	Бесприбыльная	Нет обязательных требований	Один член – один голос (в большинстве случаев)	Переменная (например, наблюдательный совет является обязательным для крупных кооперативов)
Бельгия	Закон о группе по экономическим интересам (1989 г.); Закон о кооперативном обществе с ограниченной ответственностью (1991); Закон о кооперативном обществе с неограниченной ответственностью (1999)	Коммерческая и неприбыльная	Минимальное число членов: 3 (для кооперативов с огранич. или неогранич. ответственностью); минимальное число для групп по эк. интересам отсутствует. Требования по миним. капиталу нет, кроме кооперативов с ограниченной ответственностью (€18850)	Принцип «один член – один голос» не является обязательным, но принимается большинством кооперативов	Двухуровневая
Болгария	Национальный кооперативный закон	...	Никаких обязательных положений	Нет требований	Нет требований
Венгрия	Гражданский кодекс, Закон о кооперативах (2006, обновлен в 2011), Закон о паях сельскохозяйственного кооператива (2000)	...	Нет требований	Нет требований	Нет требований
Германия	Закон о кооперативах (1889, обновлено в 2006)	Бесприбыльная	Миним. количество членов – 3. Других обязательных положений нет	Один член – один голос или пропорциональное представительство	Двухуровневая; правление и наблюдательный совет
Греция	Закон о сельскохозяйственных кооперативах (2000, обновлен в (2011)); Закон о социальных кооперативах (2011); Закон о гражданских кооперативах (1986)	Бесприбыльная и коммерческая (в зави-ти от специализации и аспекта членства)	Миним. число членов: в с.-х. кооперативах – 10, в гражданских кооперативах – 15, в социальных потребительских кооперативах – 100, в социальных кооперативах – 5 или 6. Мин. требование к капиталу отсутствует	Один член – один голос	Необходимы три обязательных органа: общее собрание, совет директоров и наблюдательный совет
Дания	Отсутствует	Коммерческая	Никаких обязательных положений	Один член – один голос	Переменная
Ирландия	Закон о промышленных организациях и товариществах на вере (провиденциальных обществах), который применяется главным образом к кооперативным обществам	Коммерческая	Миним. число членов – 8. Одна обыкновенная акция в €1	Никаких прямых положений закона	Никаких прямых положений закона
Испания	Закон о кооперативах (1999)	Нет определённого статуса	Миним. число членов: 3 – для кооперативов первой степени), 2 – для кооперативов второй степени. Миним. капитал не требуется	Один член – один голос, но допускаются отступления на основе различных критериев	Двухуровневая система. Обязательны общее собрание и правление
Италия	Гражданский кодекс Италии. Выделен специальный раздел о сельскохозяйственных кооперативах.	Бесприбыльная	Миним. число членов – 9. Кооператив могут финансировать не менее 3-х членов (физ. лиц). Нет никаких других обязательных положений.	Один член – один голос	Три различные системы (традиционная, одноуровневая и двухуровневая)
Кипр	Закон о кооперативных обществах (1985, обновлен в 2003)	...	Нет обязательных положений	Один член – один голос	Обязательны общее собрание и избранный исполнительный совет
Латвия	Закон о кооперативных обществах (1998)	...	Миним. число членов – 3. Миним. капитал – €2 845. Никаких других обязательных положений	Один член – один голос	Одноуровневая и двухуровневая. Обязательны общее собрание, правление, ревизионная комиссия (ревизор). В соответствии с уставом может быть образован совет общества, нанят управляющий
Литва	Закон о кооперативных обществах (кооперативах) (1993); Закон о кредитных союзах (2000)	...	Миним. число участников – 5	Один член – один голос	Обязательны: общее собрание членов, правление, глава администрации

Продолжение таблицы

Страна	Правовая основа	Статус организации	Требования к членству и капиталу	Принцип управления	Организационно-управленческая структура
Люксембург	Люксембургское право о коммерческих компаниях (1915)	...	Миним. число членов – 5 (физ. или юр. лица). С.-х. ассоциации не обязаны иметь никакого капитала. Устав должен фиксировать номинальную стоимость акций. Третьи лица не могут иметь финансового вклада	Один член – один голос, но ассоциации могут позволить несколько голосов	Четкие правила по составу структуры не установлены. Кооперативная компания управляется одним или несколькими представителями. Правила, касающиеся публичных обществ с ограниченной ответственностью (société anonyme - SA), применяются, если ассоциации явно не определяют процедуры управления
Мальта	Закон о кооперативных обществах (2001)	...	Миним. число членов – 5. Миним. капитал для перерабатывающих кооперативов – € 100 тыс.	Нет требований	Нет требований
Нидерланды	Национальный Гражданский кодекс. Национальное кооперативное право (относится также к ассоциациям)	Коммерческая	Нет обязательных положений	Нет обязательных положений	Двухуровневая система с общим собранием и советом директоров
Польша	Закон о кооперативах (1982.); Закон о кооперативных сберегательных и кредитных союзах (1995); Закон о функционировании кооперативных банков, их ассоциаций и ассоциированных банков (2000); Закон о жилищных кооперативах (2000)	...	Миним. число членов – 10 физ. или 3 юр. лица. Миним. число членов для с.-х. перерабатывающих кооперативов и кооперативных фермерских групп, социальных кооперативов – 5. Миним. капитал, подлежащий взносу участником, составляет одну акцию, стоимость которой определяется общим собранием	Принцип «один член – один голос» обязателен только для кооперативов, членами которых являются физические лица	Обязательны двухуровневая система управления, общее собрание, наблюдательный совет, совет директоров
Португалия	Кооперативный кодекс (2015); Закон и нормативные акты для с.-х. кооперативов	Бесприбыльная	Миним. число участников – 3. Миним капитал составляет €1500	Один член – один голос. Разное число голосов у членов (не в зависимости от внесенного капитала) допускается в кооперативах первой степени, но не во всех секторах	Несколько вариантов управления и надзора: а)общее собрание, совет директоров и наблюдательный совет; б)общее собрание, совет директоров с комитетом по аудиту и аудитором; в)общее собрание, исполнительный совет директоров, наблюдательный совет и аудитор
Румыния	Закон о с.-х. кооперативах (2004); Закон о кооперативах, применяемый к промышленным, обслуживающим, потребительским и розничным кооперативам (2005); ряд специальных нормативных актов для кредитных кооперативов, действующий также для других кредитных учреждений	...	Миним. число членов для с.-х. кооперативов – 5. Миним. капитал для кооперативов первой степени составляет €114, для кооперативов второй степени – €2275 евро. Миним. капитал для кооперативов в сферах промышленности и услуг – €113	Один член – один голос	Двухуровневая система с общим собранием и административным советом
Словакия	Коммерческий (торговый) кодекс (1991)	Коммерческая	Миним. число членов – 5 или 2 юр. лица. Миним капитал – €1250	Пропорциональное голосование в зависимости от размера членского взноса	Обязательны: общее собрание, совет директоров (если менее 50 членов, то можно иметь только 1 директора), контрольный комитет
Словения	Закон о кооперативах (2009)	...	Миним. число членов – 3. Нет никаких других обязательных положений	Один член – один голос	Двухуровневая система с правлением и наблюдательным советом
Финляндия	Закон о кооперативах (2001, обновлён в 2014)	Коммерческая	Миним. число членов – 1. Миним. капитал не требуется	Один член – один голос или пропорц. представ-во (в зависимости от доли каждого члена в кооперативном обороте)	Одно - или двухуровневая система (часто с официальным бизнес-инспектором, если кооператив не нанимает независимого аудитора)

Окончание таблицы

Страна	Правовая основа	Статус организации	Требования к членству и капиталу	Принцип управления	Организационно-управленческая структура
Франция	Закон о статусе кооперативов (1947); Аграрный кодекс (включает более 10 законов, регулирующих деятельность с.-х. кооперативов). Специальные законы для всех кооперативных секторов: сельского хозяйства, ремесленничества, банковского дела, розничной торговли, потребительского, жилищного, морского, производственного, транспортного и др.	Бесприбыльная	С.-х. кооперативы: устав sui generis. ООО-кооперативы, товарищества: миним. число членов – 2, макс. – 100, нет ограничений по мин. размеру капитала, за исключением ремесленных, морских и транспортных кооперативов. АО-кооперативы: миним. число членов – 7 (для КЮ-МА – 4); миним. размер капитала составляет половину капитала общества. Упрощенные АО-кооперативы: миним. число членов – 2	Один член – один голос. Иногда количество голосов определяется объемом участия члена кооператива в хозяйственной деятельности кооператива	Чаще всего: избирается правление с президентом и директором
Хорватия	Закон о кооперативах (1995)	Коммерческая	Миним. число членов – 7. Миним. капитал – 1000 кун	Один член – один голос	Двухуровневая система с общим собранием, наблюдательным советом, менеджментом
Чехия	Закон о хозяйственных товариществах, хозяйственных обществах и кооперативах (о предпринимательских корпорациях) (2012)	Коммерческая	Миним. число членов – 3. Никаких других обязательных положений	Один член – один голос	Двухуровневая система
Швеция	Шведское кооперативное право; Закон о кооперативных обществах (1951)	Коммерческая	Миним. число членов – 3. Миним. капитал – 1 шведская крона (SEK)	Один член – один голос или пропорционально представительство	Одноуровневая система
Эстония	Закон о коммерческих ассоциациях (2002)	Коммерческая	Миним. число членов – 5. Миним. капитал – €2556	Один член – один голос	Совет директоров является основным органом, принимающим решения
Великобритания	Закон о кооперативных и общинных благотворительных обществах (2014)	Бесприбыльная	Никаких обязательных положений	Один член – один голос	Нет требований
Норвегия	Закон о кооперативных обществах (2007)	Коммерческая	Миним. число участников – 2. Миним. капитал не требуется	Один член – один голос, но разрешены и доп. голоса	Общее собрание, совет директоров, наблюдательный совет
США	Нет федерального закона (за искл. акта об освобождении кооперативов от налогов). В каждом штате свои законы о кооперативах (всего действует более 80 законодательных актов о кооперативах)	Нет определенной статуса	Миним. число членов разное (от 3 до 12) в зависимости от штата и направления деятельности. Кооператив может быть сформирован с капиталом или без него	Один член – один голос или голосование на основе патронажа	Членские представительства, избранный совет директоров
Швейцария	Швейцарский обязательственный закон (1883)	Бесприбыльная	Миним. число членов – 7. Миним. капитал не требуется	Один член – один голос	Общее собрание, совет директоров, отдел аудита (для кооперативов с числом членов и представителей – более 300)
Япония	Закон о с.-х. кооперативах (1947); Закон о потреб. кооперативах (1948); Закон о кооперативных обществах; Закон о кооперативном банковском деле (1949)	...	Миним. число членов для с.-х. кооперативов – 15. Миним. капитал не требуется (за исключением кооперативов в банковском и страховом секторах)	Один член – один голос	Общее собрание, совет директоров и аудиторы

Примечание: таблица составлена автором на основе данных из [1, 4, 6–16]

В большинстве стран нет обязательного положения о минимальном размере капитала, необходимого для создания кооператива. В случаях, когда такие требования имеются, его минимальный размер в ЕС составляет, как правило, не более 1000 евро. Однако в некоторых странах требования к минимальному капиталу значительно выше. Так, на Мальте данный показатель для кооперативов, перерабатывающих продукцию сельскохозяйственного производства, составляет 100 тыс. евро.

Важное влияние на деятельность кооператива оказывает выбор его организационно-управленческой структуры. Во многих странах – Великобритании, Венгрии, Болгарии, Люксембурге и некоторых других законодательство не устанавливает правил по составу данной структуры. Отсутствие определенных норм на этот счет часто связано с требованиями рынка [18]. По мнению Европейской службы парламентских исследований, все существующие кооперативные структуры можно отнести к двум системам: одноуровневой или двухуровневой. Одноуровневая система используется многими небольшими или, так называемыми традиционными кооперативами, в которых избранные в органы кооперативного управления члены берут на себя исполнительные функции повседневного управления. Более сложным является процесс принятия решений в «двухуровневых кооперативах». Двухуровневая система наиболее распространена среди крупных кооперативов с более высоким уровнем капиталоемкости. Здесь руководство осуществляют избранный административный совет (правление) во главе с президентом и наемная (не из членов) исполнительная администрация, возглавляемая директором. Данная система является преобладающей в более чем 80% государств-членов ЕС.

В целом в мире все кооперативы имеют два определенных законом или их уставами органа управления: Общее собрание и Совет директоров и/или Правление. Во многих случаях для целей контроля предусматривается также создание наблюдательного или аудиторского совета. В Финляндии если кооператив не нанимает независимого аудитора, официально назначается инспектор, который проверяет его деятельность. В некоторых странах (Германия) аудиторский совет не требуется, если в кооперативе не более 20 членов. Существуют также различия между странами в отношении общего собрания: в Швейцарии, например, в кооперативах, насчитывающих не менее 300 членов, для участия в общем собрании избирают делегатов, представляющих интересы нескольких членов.

Для поддержания равенства между членами и обеспечения демократических основ в управлении большинство кооперативов при принятии решений придерживаются правила «один член кооператива – один голос». Данное положение считается ключевым элементом идентичности кооперативной организации. Вместе с тем в последнее время растет число стран, в которых кооперативы применяют, так называемое «пропорциональное голосование», когда число голосов члена определяется размерами его паевого взноса или количеством принадлежащих ему акций. В настоящее время такой подход применяют кооперативы Германии, Финляндии, Швеции и, отчасти Норвегии [5, 19]. В Соединенных Штатах и ряде других стран сила голоса каждого члена пропорциональна объему его участия в хозяйственной деятельности кооператива, доле в кооперативном обороте.

Следует отметить, что реализация на практике принципа «один член – один голос» по странам различается. Так, согласно болгарскому и кипрскому законодательству, следование данному правилу является обязательным и никакие отклонения от него здесь не допускаются. Некоторые государства (Нидерланды, Бельгия) в своем кооперативном законодательстве не устанавливают ограничений по данному аспекту управления для уставов кооперативов, тем самым допуская определенную степень отступлений [19]. Другие страны (Греция, Италия, Испания, ФРГ, Франция, Финляндия, Норвегия) допускают отступления на основе различных критериев, к числу которых относятся: специализация кооператива, аспект членства/собственности (например, кооперативы предпринимателей), а также характер голосования (например, модель пропорционального голосования) [4].

Вызовы настоящего времени, связанные с глобализацией, давлением рынка и необязательностью соблюдения международных правил, меняют организационную форму коопера-

тива в сторону гибридных структур. Чтобы быть конкурентоспособными, в том числе на международном рынке, многие кооперативы внедряют предпринимательское управление. Кроме того, они становятся более ориентированными на продукт и менее ориентированными на регионы, в которых находятся. Данная направленность не способствует стремлению к улучшению условий обслуживания членов и решению проблем местных сообществ. Ориентированные в этом направлении кооперативы склонны менять структуру собственности, чтобы привлечь на акционерной основе больший капитал. Например, в сельскохозяйственном секторе среди кооперативных организаций-федераций (кооперативов второго или третьего уровня) в настоящее время наблюдается тенденция к прекращению деятельности или переходу в собственность фермеров, не являющихся потребителями их услуг.

Кооперативы во многих странах испытывают правовую неопределенность в контексте законодательства и постановлений о конкуренции. В некоторых странах в целях восстановления рыночного равновесия принят ряд законодательных актов о преференциях для данных формирований, особенно для тех, которые функционируют в аграрной сфере [20].

Расхождения между национальными кооперативными законодательствами усложняют ситуацию. Даже в Европейском Союзе отсутствует единая правовая база кооперации, что не дает возможности в полной мере обеспечить широкое признание кооперативной бизнес-модели в различных секторах экономики.

Многие политики и законодатели высоко оценивают роль кооперации в развитии социальной экономики. Вместе с тем национальная политика государств не в полной мере учитывает специфику кооперативной бизнес-модели, в частности ее значение в повышении образовательного уровня населения, обеспечении приоритета удовлетворения нужд людей над капиталом и его накоплением, интегрирование социально уязвимых слоев населения в социум через вовлечение в трудовую деятельность.

В Евросоюзе кооперативы признаны важными игроками международного сотрудничества в целях развития совместной экономики стран-участниц. Высоко оценивается их роль в укреплении местного частного сектора, а также вклад в деятельность ООН, направленную на обеспечение устойчивого развития. Однако в Плане внешних инвестиций ЕС (EU's External Investment Plan) кооперативные организации отсутствуют.

Заключение.

Кооперативы являются важным сегментом аграрной экономики практически во всех развитых государствах мира. Их организации занимают весомые позиции в европейской цепочке поставок продовольствия. Вместе с тем новые риски и угрозы, связанные с глобальными процессами, макроэкономической нестабильностью, учащением случаев использования недобросовестной торговой практики и т.д., вынуждают всё большее число кооперативов внедрять нетрадиционные для организационно-управленческой структуры данной формы аспекты деятельности. Данные новшества затрагивают сферу управления кооперативов, их внутреннюю организационную структуру, отношения с членами и местным сообществом, целевые ориентиры деятельности. При этом существуют различия между странами в организации кооперативной деятельности, обусловленные, прежде всего, расхождениями в действующих национальных законодательствах о кооперативах. В целом наблюдается тенденция к изменению всё большим числом кооперативов своей организационной формы в сторону специфических гибридных структур, в большей степени, по сравнению с традиционными кооперативными предприятиями, ориентированных на предпринимательскую направленность деятельности.

Отдельные случаи отхода от традиционных методов организации кооперативной деятельности имеют место и в российской аграрной экономике. Выводы о возможности внедрения новшеств в организацию деятельности отечественных кооперативов можно сделать только по результатам серьезных исследований. Вместе с тем, по мнению автора, уже сейчас можно говорить о нецелесообразности включения в практику российских кооперативных формирований значительной части новых организационно-управленческих элементов, при-

меняемых зарубежными кооперативами. Основанием для данного утверждения служат общее положение дел с развитием сельскохозяйственной потребительской кооперации в стране. На сегодняшний день кооперация в России по своему развитию далека от уровня и места, которые она занимает в экономике развитых государств. И если в странах Евросоюза функционирует ряд крупных межнациональных кооперативных организаций, активно влияющих на направления развития международных рынков, то в нашей стране практически нет ни одного сельскохозяйственного кооператива, играющего значительную роль в границах хотя бы своего региона. Кроме того, уровень развития кооперативного движения как в рамках отдельных субъектов Российской Федерации, так и в целом в стране существенно отстает от развитых стран Запада и Востока. Отечественная кооперация еще находится на стадии своего становления. Автор считает, что к применению новых элементов в организационную деятельность российских сельскохозяйственных кооперативов нужно относиться с большой осторожностью. В качестве критерия целесообразности внедрения тех или иных новшеств на текущем этапе должно служить их соответствие традиционным кооперативным ценностям и принципам.

Список литературы:

1. COGECA, Development of Agricultural Cooperatives in the EU 2014, 5 February 2015, Brussels. 385 p. – URL: [http:// www.copa-cogeca.eu](http://www.copa-cogeca.eu)
2. Cocolina Carmen Q. Cooperatives Europe key figures 2015. The power of cooperation. – Brussels, April 2016. – 119 p.
3. Fici A. (2012). Cooperative identity and the law. // Euricse Working Paper. – No 023 | 12. – 27 p.
4. Cemal Karakas (2019). Cooperatives: Characteristics, activities, status, challenges. EPRS // European Parliamentary Research Service, PE 635.541. – February 2019. – 12 p.
5. Котомина М.А. Зарубежный опыт развития сельскохозяйственной кооперации на примере Финляндии и Индии // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2017. – № 6. – С. 75–78.
6. Cooperatives Europe, The power of cooperation, 2016; COGECA, Development of Agricultural Cooperatives in the EU. – URL: [http://www. europarl. europa.eu» RegData/ etudes/BRIE/2019/](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2019/)
7. Fici A., Cracogna D., Henrÿ H. (eds.) (2013). International Handbook of Cooperative Law. – Berlin/Heidelberg, Springer.
8. Fici A. (2017). A European Statute for Social and Solidarity-Based Enterprise, Policy Department for Citizens' Rights and Constitutional Affairs, European Parliament, February 2017.
9. ICA (International Cooperative Alliance) and EURICSE, World Cooperative Monitor, Exploring the Cooperative Economy, Report, 2018.
10. Thirion E. (2017). Statute for social and solidarity-based enterprises, EPRS, European Parliament, December 2017.
11. Егоров В.Г. Мировой опыт развития кооперации в сельском хозяйстве // Лесной вестник. – 2012. – № 3. – С. 184–190.
12. Законы Латвии по-русски. – URL: [http:// www.pravo.lv»likumi/28_zoko.html](http://www.pravo.lv/likumi/28_zoko.html)
13. Котомина М.А. Методика территориального анализа развития сельскохозяйственной кооперации на примере стран Западной Европы // Никоновские чтения, 2006. – С. 433–435.
14. Папцов А.Г. Нормативно-правовое обеспечение сельскохозяйственных кооперативов в странах с развитой рыночной экономикой // Российское село и кооперация: сегодня и завтра: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 1 марта 2017 г. – Ярославль-Москва: Издательство «Канцлер», 2017. – С. 60–68.
15. Путеводитель для бизнеса: Литва. – URL: [http:// www.polpred.com»upload/ pdf/ Businessguide_Lithuania...](http://www.polpred.com/upload/pdf/Businessguide_Lithuania...)

16. Умбеталиев Н.А. Методы регулирования в мировом кооперативном секторе // Российское село и кооперация: сегодня и завтра: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 1 марта 2017 г. – Ярославль-Москва: Издательство «Канцлер», 2017. – С. 363–371.
17. Тонкошкур И.В. Особенности сельскохозяйственной кооперации в Австрии на пороге второго десятилетия XXI века // Вестник БУКЭП. – 2011. – № 3. – С. 407–414.
18. Воронина Н.П. Определение правовой природы современных аграрных кооперативов (по законодательству Великобритании, ФРГ, Франции) // Право и политика. – 2013. – № 11(166). – С. 1557–1569.
19. Буздалов И.Н. О научном и правовом обеспечении современной российской кооперации // Российское село и кооперация: сегодня и завтра: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 1 марта 2017 г. – Ярославль-Москва: Издательство «Канцлер», 2017. – С. 45–55.
20. Сердюкова М.Н., Николаева Е.В. Развитие сельскохозяйственной кооперации и малых форм хозяйствования в зарубежных странах // Вестник Челябинского государственного университета. Экономические науки. – 2017. – № 10(406). – Вып. 58. – С. 147–155.

Для цитирования: Бурлаков В.Б. Кооперативы в современном мире: характеристики, особенности деятельности, проблемы развития // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 24-33.

ПОДДЕРЖАНИЕ ПЛАТЕЖЕСПОСОБНОГО СПРОСА НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ НОВОГО ГЛОБАЛЬНОГО ВЫЗОВА

Иосипенко В.Д., к.э.н., ИАГП РАН

В статье рассмотрен комплекс мер, направленных на поддержание платежеспособного спроса населения на продовольствие в условиях действия глобального вызова – пандемии Covid - 19. Проанализированы различные взгляды исследователей на использование прогрессивной шкалы налогообложения доходов физических лиц, изучены существующие предложения по трансформации процесса взимания налога на добавленную стоимость. В статье дан анализ перехода к определению уровня относительной бедности на основе медианного дохода вместо практикуемого ранее определения абсолютной бедности на основе продовольственной корзины и прожиточного минимума.

Ключевые слова: платежеспособный спрос на продовольствие, экономика предложения, прогрессивная шкала налогообложения, налог на добавленную стоимость, относительная бедность, медианный доход.

MAINTAINING A PAYMENT-SUSTAINABLE DEMAND FOR FOOD UNDER THE SOCIO-ECONOMIC IMPACT OF THE NEW GLOBAL CHALLENGE

Iosipenko V.D., candidate of economic sciences, IAgP RAS

The article considers a set of measures aimed at maintaining the effective demand of the population for food in the face of the global challenge - the Covid-19 pandemic. The different views of researchers on the use of a progressive scale of taxation of personal income are analyzed, and existing proposals for transforming the process of putting a value added tax are analyzed. The article analyzes the transition to the definition of the level of relative poverty based on the median income instead of the previously practiced definition of absolute poverty based on the food basket and the subsistence minimum.

Key words: effective demand for food, supply economy, progressive taxation scale, value added tax, relative poverty, median income.

Введение.

В условиях значительных социально-экономических последствий действия нового глобального вызова во всех сферах национальной экономической системы необходимо обоснование как теоретико-методологических, так и организационно-экономических аспектов преодоления кризисной ситуации, восстановления экономики и улучшения состояния социальной сферы. На протяжении столетий основным инструментом трансформации социально-экономических параметров функционирования хозяйственного механизма была государственная политика в сфере доходов, налогов и цен. Макроэкономическая политика государства обладает значительным инструментарием, направленным на оптимизацию важнейших показателей социально-экономического развития, максимальное приближение посредством сокращения потерь от провалов рынка к ситуации общего равновесия, для которого характерно полное использование ресурсов, достижение оптимума по Парето и удовлетворение экономических агентов существующей социально-экономической ситуацией. Рыночный механизм представляет собой эффективный способ движения к общему равновесию экономической системы, предполагающему сбалансированность между производственными возможностями и различными видами ресурсов, социальное равновесие индивидуальных предпочтений, в частности, соответствие платежеспособного спроса на продовольствие рациональным нормам потребления. Однако часто рынок самостоятельно не может справиться со всеми аспек-

тами данной сложной задачи. И здесь возникает один из главных вопросов, на который практика управления ждет ответа от теоретических концепций – каким должен быть комплекс мер для обеспечения макроэкономической стабильности в данный момент времени. Однако, по мнению академика А.Д. Некипелова, чистая экономическая теория не может дать алгоритм управленческих действий в конкретных экономических ситуациях [1]. Это связано с разветвленностью взаимосвязей экономической системы и процесса общественного воспроизводства, а также сложностью исследования многих факторов экономической жизни, в которых переплетены объективные процессы и субъективные оценки, например, формирование системы потребительских предпочтений конкретного индивида. По мнению ученого, чистая теория не дает возможность сформулировать параметры общественного оптимума, что осложняет или делает невозможным выработку в ее недрах конкретных предложений для практической деятельности. Разрешение данной сложной задачи он видит в использовании рекомендаций целого комплекса более конкретных экономических дисциплин. На наш взгляд, данный тезис является достаточно дискуссионным, поскольку для эффективного осуществления государственной экономической политики важно определить на концептуальном теоретико-методологическом уровне вектор развития объекта в целом и комплекс взаимосвязанных используемых экономических инструментов для достижения поставленной цели. Если проследить историю развития экономической мысли, то все экономические теории можно разделить на две большие группы в зависимости от обоснования степени участия государства в регулировании экономических процессов. Классические подходы в большей степени отвечают возможностям саморегулирования рыночной системы в условиях стабильной ситуации, в период серьезных кризисов появляется интерес к идеям кейнсианства. Разочарование в постулатах кейнсианства привело к использованию при разработке экономической политики государств идей монетаризма и экономики предложения, для каждой из которой характерны определенные экономические рычаги и инструменты. В современной ситуации преодоления последствий нового глобального вызова обоснование приоритетного использования определенных экономических инструментов должно опираться на четкую парадигму экономического развития. Тогда предлагаемые меры по использованию конкретных инструментов налоговой, доходной, денежно-кредитной политики будут способствовать развитию социальной сферы, поддержанию платежеспособного спроса на продукцию национального агропродовольственного комплекса. Поддержание платежеспособного спроса на продовольствие предполагает развитие институциональной составляющей обеспечения продовольственной безопасности [2], учет особенностей ее трансформации в условиях кризиса [3].

Цель исследования – обосновать комплекс мер по поддержанию платежеспособного спроса на продовольствие в условиях преодоления социально-экономических последствий нового глобального вызова – пандемии Covid – 19, включающего в себя использование инструментов налоговой политики и трансформацию существующих подходов к определению уровня бедности.

Методика исследований.

В процессе исследования теоретико-методологических и организационно-экономических вопросов стабилизации платежеспособного спроса на продовольствие, прежде всего, малообеспеченных групп населения применялись абстрактно-логический и монографический методы, метод группировок. Использование этих методов позволило обосновать комплекс мер налоговой и социальной политики, направленных на снижение численности бедного населения, поддержание платежеспособного спроса на продовольствие малообеспеченных групп населения.

Результаты исследований.

На протяжении истории развития экономической мысли различные школы становились основополагающими в процессе осуществления макроэкономической политики государств. До Великой депрессии в экономической науке доминировала классическая экономическая школа, с ее верой в саморегулирование рыночной экономики. Продемонстрированная спо-

способность справиться с мировыми экономическими катаклизмами в начале и середине двадцатого столетия выдвинула на первый план кейнсианскую теорию, для которой была характерна ориентация на государственное стимулирование совокупного спроса. В 70-х годах прошлого столетия вновь наиболее востребованными стали классические подходы, а также монетаристская теория. В конце двадцатого века большую популярность при формировании экономической политики во многих странах с развитой рыночной экономикой приобрела теория экономики предложения, с ее основной идеей низких налоговых ставок для стимулирования предпринимательской инициативы.

В современной экономической теории существует несколько школ, имеющих отличающиеся точки зрения по ряду принципиальных позиций. Заметим, что ни одна из них не ставит под сомнение целесообразность государственного регулирования, различия касаются его объемов и направленности. Последователи постулатов классической экономической теории считают, что вмешательство государства должно быть минимальным и касаться в основном поддержки совокупного предложения. Представители новой классической школы (Т.Сарджент, Р.Лукас) главной задачей государства считают поддержание низкого уровня инфляции и стимулирование совокупного предложения посредством снижения налогов [4]. К взглядам данной школы близки представители градуального монетаризма (М. Фридман), которые также считают, что действия государства необходимо направить на регулирование совокупного предложения. При этом увеличение денежной массы должно происходить в соответствии со средним темпом роста валового внутреннего продукта, что будет способствовать развитию предпринимательства и сохранению инфляции на низком уровне [5]. В части важности стимулирования совокупного предложения их поддерживают эклектичные кейнсианцы (Дж. Тобин, Р. Солоу) [6], оставаясь на позициях кейнсианства в отношении роли государства в процессе вывода из кризиса рыночной экономики. И, наконец, радикальные кейнсианцы (М. Калдор, У. Годли) проводят мысль о необходимости активного государственного регулирования экономики, нацеленного на стимулирование совокупного спроса в кризисных условиях [7].

Совокупность мер, направленных на стабильность социальной сферы в условиях действия нового глобального вызова – пандемии Covid – 19, предполагает использование, наряду с инструментами доходной политики, инструментов налоговой политики. В отечественной экономической науке есть представители как неоклассического направления, так и кейнсианского. В зависимости от этого обосновывается весь комплекс мероприятий по выводу экономики из кризиса, а также является различным и отношение к возможным трансформациям налоговой системы. Так, А.И. Погорлецкий считает, что определяющим принципом в индивидуальном подоходном налогообложении должны быть принципы классической экономической школы и экономики предложения, индивидуальное подоходное налогообложение прежде всего должно выполнять регулируемую и стимулирующую функции, а не фискальную и перераспределительную [8]. В условиях современного глобального вызова сторонники теории Д. Кейнса считают наиболее значимыми фискальную и перераспределительную функции налоговой системы, поскольку становятся остро необходимы средства для финансирования социальной сферы и реализации принципа социальной справедливости через внедрение прогрессивной шкалы налогообложения для физических лиц.

В течение прошедших трех десятилетий в зависимости от действия эндогенных и экзогенных факторов развития экономических систем в государствах с развитой рыночной экономикой неоднократно менялся вектор изменения подоходного налогообложения. В 80–90-е годы двадцатого столетия большую популярность приобретают принципы экономики предложения (supply-side), для которой характерно возрастание роли налогов как инструмента косвенного регулирования макроэкономической ситуации. По мнению представителей экономики предложения, налоги не должны быть выше трети заработанного дохода. Следует отметить, что в развитие теории плоского налогообложения внесли большой вклад труды Нобелевских лауреатов по экономике Д. Стиглица, У. Викри, П. Даймонда, Д. Миррлиса,

расчеты которых показывают, что ставки налога на физических лиц выше 30–35% являются неэффективными [9].

Если раньше налоги в большей степени были направлены на выполнение перераспределительной, фискальной (наполнение государственного бюджета) и социальной функции, то в рамках экономики предложения на первый план вышла их стимулирующая функция. Снижение величины налогов, по мнению экономистов данного направления, является стимулом к труду и усилению предпринимательской активности, что в конечном результате положительно влияет на величину налоговой базы и способствует росту поступлений в бюджет. Снижению налоговых ставок способствовали и разработки Ч. Тибу, который показал, что размер налогов оказывает большое влияние на выбор юрисдикции резидентства налогоплательщика, в случае превышения их разумных пределов он склонен переехать в другую страну [10].

В эти годы первыми трансформацию налоговой системы в форме снижения налогов на физических лиц в своих странах проводят такие государства, как США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Ирландия, что имело положительный эффект в виде существенных темпов экономического роста и низких показателей безработицы. Такой позитивный опыт привел в дальнейшем к снижению налогов практически во всех развитых странах, даже в тех, для которых была характерна социально-ориентированная рыночная модель экономики. Речь идет о Германии, странах Скандинавского полуострова, странах Бенилюкса. Как известно, на протяжении длительного времени высокие социальные стандарты в этих странах основывались на активном использовании перераспределительной функции налогообложения, на значительных ставках налогов на высокообеспеченных граждан. В начале 80-х годов двадцатого века наивысшая ставка налогов в странах – членах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) (выше 70%) имела место в США, Швеции, Бельгии, Нидерландах, Японии. Предельная ставка налогообложения на уровне 50% была характерна для двадцати двух развитых в экономическом отношении стран. К середине 90-х годов прошлого столетия ни в одной стране ОЭСР уже не было государств, в которых бы применялась ставка на уровне 70% и выше, налоговая ставка более 50% осталась только в двенадцати странах. В 2010 году ставка более 50% имела место лишь в Бельгии, Великобритании, Австрии, Нидерландах, Швеции и Японии [11]. При этом трансформировалось значение взимаемых индивидуальных налогов для формирования средств бюджетов всех уровней. Под воздействием основных постулатов экономики предложения удельный вес доли индивидуального налогообложения в общих налоговых поступлениях снизился с 1995 по 2010 г. во многих государствах: например, в Германии – с 27,5 до 24,5%, в Швеции – с 33,5 до 28,0% [12]. Однако в период кризиса во многих странах вновь обратились к индивидуальному налогообложению как социальному регулятору, вновь стала востребована его фискальная функция наполнения бюджета для оказания помощи наименее обеспеченным гражданам. Например, в США с 2013 года были увеличены максимальные ставки налогообложения на 4,6 п.п. до 39,6% [13]. Великобритания с 2010 года начала применять ставку на уровне 50% для доходов свыше 150 тыс. фунтов стерлингов [14]. Беспрецедентное увеличение ставки на сверхвысокие доходы было обещано во время избирательной компании Ф. Олландом – до 75%, после избрания на пост Президента Франции он подтвердил свои намерения [15], однако Конституционный суд страны 29 декабря 2012 года отменил эти нововведения в системе налогообложения физических лиц [16]. Аналитики отмечают тот факт, что в условиях кризиса 2008 года и последующего периода существенно изменилось отношение к использованию такого инструмента как налоги в странах, относящихся к англосаксонской модели и социально-рыночной модели. В этот период времени англосаксонские страны сделали поворот к более глубокому государственному регулированию экономики и повышению уровня налогов. В то же время Германия и Франция проводили политику стабилизации доходов и уменьшения государственного вмешательства в экономику.

Современная налоговая система нашей страны, для которой характерны чрезвычайно умеренные предельные ставки налогов на физических лиц, сложилась на рубеже веков. Под

влиянием доминирующей в тот момент теории экономики предложения для многих экономик мира были характерны невысокие ставки налогов на физических лиц. Введя в 2001 году плоскую шкалу налогообложения на уровне 13%, Россия не меняла ее вплоть до 2021 года в отличие от стран с развитой рыночной экономикой. Дискуссия о целесообразности повышения налога на доходы физических лиц (НДФЛ) и перехода на прогрессивную шкалу налогообложения среди теоретиков и практиков имеет место давно. Например, А.И. Погорлецкий основываясь на подходах классической школы и теоретических положений экономики предложения, ратует за прежде всего стимулирующую функцию налоговой системы и склоняется к правомерности сохранения плоской шкалы [8]. В то же время существует много научных работ, в которых обосновывается важность перехода на прогрессивное налогообложение доходов физических лиц. Так, И.А. Курбатова и Н.П. Пермякова отмечают, что пропорциональный налог на доходы физических лиц в России нельзя считать достоинством финансовой политики, поскольку он является достаточно высоким для малообеспеченных слоев населения и нарушает принцип социальной справедливости [17].

Предложения ученых по совершенствованию налоговой системы в нашей стране не исчерпываются идеями по трансформации прямых налогов, исследования специалистов направлены и на модернизацию косвенного налогообложения, в том числе налога на добавленную стоимость (НДС). Роль данного налога достаточно велика в процессе формирования консолидированного бюджета нашей страны. Так, в первом полугодии 2019 года налог на добавленную стоимость составил 19,4% всех поступлений в консолидированный бюджет, доля НДФЛ составила 15,9% [18]. Взимание налога на добавленную стоимость острее ощущается малоимущими слоями населения. В связи с этим существуют предложения по освобождению пенсионеров и малоимущих в России от налога на добавленную стоимость. Директор Института социальных исследований и развития гражданских инициатив М. Петунин предложил освободить от НДС на продукты питания пенсионеров и малоимущих граждан [19]. По оценкам специалистов, данная мера коснется от 50 до 60 млн человек. Для осуществления процедуры возврата налога предлагается предоставить указанным группам населения с низкими доходами специальные банковские карты, возврат на них налога будет производиться автоматически. Однако в силу технической сложности предлагаемой процедуры она вряд ли будет осуществлена. На наш взгляд, более перспективно снижение существующей льготной налоговой ставки на основные продукты питания до завершения действия последствий нового глобального вызова. Также эффективной мерой для помощи малоимущим может стать введение необлагаемого налогом минимума на уровне прожиточного минимума.

Следует отметить, что в нашей стране произошли принципиальные изменения методики определения бедности. О необходимости решения проблем сферы потребления продовольствия малообеспеченной части населения посредством увеличения прожиточного минимума, расширения его структуры неоднократно говорилось в экономической литературе [20]. С 2021 года осуществлен переход к концепции относительной бедности, предполагающий отказ от расчета потребительской корзины при определении величины прожиточного минимума. Прожиточный минимум установлен на уровне 44,2% медианного дохода, а МРОТ – 42% от медианной зарплаты [21]. По оценкам экспертов, в количественном плане изменения в настоящее время не являются существенными, поскольку границы прожиточного минимума выбраны исходя из возможностей государства на данный момент времени. Безусловно, положительным является переход к концепции относительной бедности, используемой в странах с развитой рыночной экономикой, но проблема низкого прожиточного минимума остается и ее надо решать, в том числе переходя на прогрессивное налогообложение и вводя необлагаемый налоговый минимум.

Заключение

Основой для выработки концепции макроэкономической политики, нацеленной на достижение социально-экономического равновесия в условиях действия нового глобального вызова, является определение на теоретико-методологическом уровне направленности государственного регулирования важнейших параметров функционирования национальной эконо-

мической системы, используемых при этом совокупности экономических инструментов. В странах с развитой рыночной системой на протяжении последних сорока лет в условиях стабильной и кризисной ситуации имела место трансформация ставок на доходы физических лиц как один из эффективных регуляторов финансовой системы, источник наполнения бюджета и способ стимулирования предпринимательской активности. В России плоская шкала налогообложения оставалась неизменной на протяжении двадцати лет. В условиях современной ситуации действия нового глобального вызова для поддержания платежеспособного спроса малообеспеченной части населения, стабильности социальной сферы целесообразно дальнейшее углубление использования принципа прогрессивного налогообложения сверхвысоких доходов, введение необлагаемого налогом минимума. Необходимо совершенствование косвенного налогообложения в части сокращения льготной ставки НДС на продовольственные товары на период кризисной ситуации. Приветствуя переход от концепции абсолютной бедности к концепции относительной бедности, можно констатировать, что в процессе определения черты бедности (доля медианного дохода) по-прежнему используется ресурсный подход. Старая проблема заниженного прожиточного минимума сохраняется и требует своего решения, в том числе для поддержания платежеспособного спроса на продовольствие малообеспеченной части населения в период существенных социально-экономических последствий действия нового глобального вызова.

Список литературы:

1. Некипелов А.Д. Общая теория рыночной экономики. – М.: Магистр, 2017 – 784 с.
2. Решетникова Е.Г. Институциональная составляющая обеспечения продовольственной безопасности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. – 2015. – № 1(198). – С. 61–67.
3. Решетникова Е.Г. Перспективы развития национального продовольственного рынка в условиях мирового продовольственного кризиса // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2012. – № 1. – С. 1.
4. Sargent T.J. Dynamic Macroeconomic Theory. Harvard University Press. – 1987. – 384p.
5. Begg D., Fisher S., Dornbush R. Economics. London : The McGraw-Hill Book Companies, 1994. – 667 p.
6. Tobin J. Liquidity preference as behaviour towards risk // The Review of Economic Studies. – 1958. – No. 67.
7. Godley W., Cripps Francis T. Macroeconomics. Oxford University Press: London, 1983. – 320 p.
8. Погорлецкий А.И. Тенденции в индивидуальном подоходном налогообложении в современном мире: вопросы теории и практики // Вестник СПбГУ. Серия 5. – 2014. – Вып. 1. – С. 105–121.
9. Стиглиц Дж. Цена неравенства: чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М: Эксмо, 2015. – 564 с.
10. Tiebout C.A Pure Theory of Local Expenditures // Journal of Public Economy. – 1956. – Vol.64. – P.416–424.
11. Taxation Trends in the European Union: Data for the EU Member States, Iceland and Norway. European Commission. 2011 ed. – URL: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/taxation_trends_report_2017.pdf.
12. Revenue Statistics 1965–2011. – Paris: OECD, 2012. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005370066>
13. The Rates around the World 2013. – URL: <http://letskickoff007.blogspot.com/2013/>
14. Income Tax Rates and Allowances. Her Majesty's Revenue and Customs (HMRC). – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/rates-and-allowances-income-tax>
15. Во Франции налог на богатых увеличили до 75%. – URL: http://provincialnews.ru/news/vo_francii_uvelichivajutsja_nalogi_dlja_bogatykh_do_75/2012-09-19-453

16. France's 75% Income Tax on the Rich Overturned as Unconstitutional. TheTime. 30.12.2012. – URL: <https://world.time.com/2012/12/30/frances-75-income-tax-on-the-rich-overturned-as-unconstitutional>

17. Курбатова И.А., Пермякова Н.П. Перераспределение доходов в контексте современного экономического кризиса // Проблемы современной науки и образования. – 2016. – № 17(59). – С. 29–32.

18. Налоговая статистика в первом полугодии 2019 года. – URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/finance/

19. Александрова Л. Налог без добавки. – МК. – 2020. – № 284 (494).

20. Решетникова Е.Г. Метод «Затраты – Выпуск» и прогнозирование развития сферы потребления продовольствия // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2016. – № 1. – С. 3.

21. Егорова Е. Бедность вынули из корзины. – МК. – 2020. – № 209(28.373) – № 210(28.374).

Для цитирования: Иосипенко В.Д. Поддержание платежеспособного спроса на продовольствие в условиях социально-экономических последствий нового глобального вызова // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 34-40.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ДИНАМИКИ МИРОВЫХ ЦЕН НА ПРОДОВОЛЬСТВИЕ

Остапенко Т.В., к.э.н., ИАГП РАН

В статье исследуется динамика мировых цен и их влияние на уровень и структуру внутренних цен на продовольствие. Проводится прогноз динамики мировых цен на пшеницу и ячмень до 2024 года. Рассматриваются новые факторы роста цен на продовольствие в период коронакризиса: разрыв формирующихся межотраслевых связей в продуктовых цепочках, ускорение темпов инфляции. Приведены результаты исследования динамик экспортных и импортных поставок молочной продукции в Россию. Выявлены причины роста экспорта молочной продукции в России. Исследуется изменение уровня и структуры затрат и доходности бизнеса на фоне девальвации рубля. Обосновывается необходимость управления структурой затрат для смягчения влияния факторов роста цен на продовольствие. Предложены меры по оптимизации затрат и издержек компаний на современном этапе.

Ключевые слова: агропродовольственный комплекс, мировые и внутренние цены на продовольствие, валютный курс, спрос, предложение, затраты, ценовое регулирование

MAIN TRENDS OF THE DYNAMICS OF WORLD FOOD PRICES

Ostapenko T.V., candidate of economic sciences, IAaP RAS

The article examines the dynamics of world prices and their impact on the level and structure of domestic food prices. The forecast of the dynamics of world prices for wheat and barley until 2024 is carried out. The article examines new factors in the growth of food prices during the coronavirus crisis: a break in the emerging intersectoral links in food chains, acceleration of inflation. The results of the study of the dynamics of export and import supplies of dairy products to Russia are presented. The reasons for the growth in the export of dairy products in Russia have been identified. Changes in the level and structure of costs and profitability of a business against the background of ruble devaluation are investigated. The necessity of managing the structure of costs to mitigate the influence of factors of growth in food prices is substantiated. Measures are proposed to optimize the costs and expenses of companies at the present stage.

Key words: agri-food complex, world and domestic food prices, exchange rate, demand, supply, costs, price regulation

Введение.

Пандемия коронавируса нанесла серьезный удар по мировой экономике и глобальным товарным рынкам. Ситуация на мировом продовольственном рынке нестабильная. Сбои цепочек поставок продовольствия привели к сбоям в потреблении и производстве основных видов продовольствия и поставили под угрозу обеспечение продовольственной безопасности. Кроме того, пандемия может оказать длительное воздействие на спрос и предложение сырьевых товаров, затрагивая как экспортеров, так и импортеров сырьевых товаров. Сокращение глобальных цепочек может привести к постоянному изменению конфигурации цепочек поставок. В этих условиях актуальной задачей является анализ тенденций в движении мировых и внутренних цен на продовольствие.

Цель исследования – выявить особенности динамики мировых цен и их влияние на продовольственный рынок в условиях коронакризиса.

Методика исследования. На основе сложившихся тенденций динамики мировых цен на сельскохозяйственную продукцию и продукцию пищевой промышленности за 2011-2020 годы выполнен их прогноз до 2024 года. Кроме того, выполнен прогноз мировых цен на пшеницу и ячмень до 2024 год. Для прогнозов динамических рядов была использована степенная функция – полином второй степени.

Результаты исследований.

Сырьевые рынки подвержены большим колебаниям внешних шоков, которые могут быть как краткосрочными, так и долгосрочными. Вспышка пандемии коронавируса сопровождалась повсеместным снижением цен на сырьевые товары. Сбои в цепочках поставок из-за коронавируса повлияли, как на производство, так и распределение продуктов, причем в некоторых случаях ситуация усугубляется обесцениванием валюты. Среди наиболее пострадавших регионов – Южная Азия, страны Африки и Латинская Америка. В ряде стран обострилась проблема обеспечения продовольственной безопасности. Некоторые страны ввели торговые ограничения, такие, как запрет на экспорт, в то время как другие - начали накапливать запасы продовольственных товаров за счет ускоренного импорта.

Пандемия коронавируса оказала сильное воздействие на всю продовольственную систему. В мире наблюдается тенденция к дальнейшему увеличению цен на продовольствие. Кроме того, ситуация усугубляется ростом цен на энергоресурсы, растет стоимость кормов, некоторых видов семян. Цены на продовольствие в мире заметно опережают продовольственную инфляцию в России. Эксперты ФАО прогнозируют рост стоимости импорта продовольствия в мире в 2021 году на 12 % до рекордных 1,7 трлн. долл. США [1]. Европейские эксперты считают, что глобальный тренд подорожания продовольствия угрожает социальной стабильности в странах с переходной экономикой.

Рассмотрим динамику мировых цен на сельскохозяйственную продукцию и продукцию пищевой промышленности (рис.1). Наблюдаемый в 2020 году резкий рост мировых цен на сельскохозяйственную продукцию вызван дефицитом предложения некоторых продовольственных товаров, высоким спросом со стороны Китая и обесцениванием доллара США. Наибольший рост цен произошел на зерно из-за дефицита производства. Рост мировых цен на продукцию пищевой промышленности был связан с перебоями поставок продовольствия из-за пандемии.

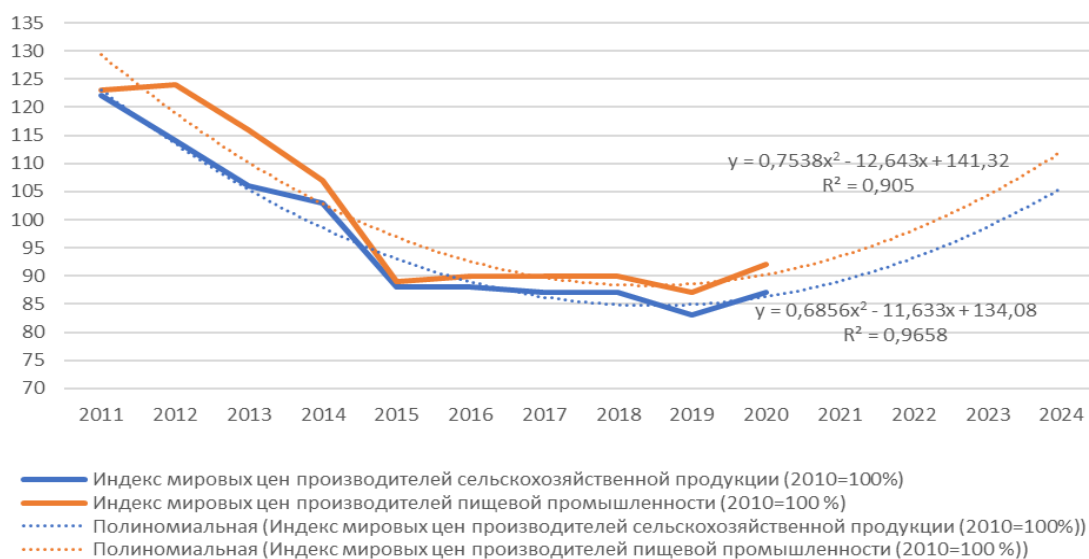

Рисунок 1 - Динамика и прогноз индексов мировых цен производителей сельскохозяйственной продукции и продукции пищевой промышленности (2010=100%) до 2024 года

Рассчитано по данным: Commodity Markets Outlooks. April 2021. World Bank Group. - URL: <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>

Выполненный прогноз показал, что в 2024 году индекс мировых цен производителей сельскохозяйственной продукции составит 105 % (уравнение $Y=0,6856x^2-11,633x+134,08$, $R^2=0,9658$). При этом индекс мировых цен производителей продукции пищевой промышленности составит к 2024 году 112 % (уравнение $Y=0,7538x^2-12,643x+141,32$,

$R^2=0,905$). Для прогноза динамических рядов использована степенная функция – полином второй степени.

Мировые цены на пшеницу и ячмень, как в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 года, так и структурного кризиса 2014-2016 годов снижались (рис.2). В последние годы динамика мировых цен на продовольствие в значительной степени зависит от финансового рынка. В 2020 году отмечался существенный рост цен на зерно, в том числе и на ячмень. Рост цен на зерно наблюдается, как на мировых рынках, так и в России. На внутреннем рынке РФ рост цен носит более выраженный характер, что связано с девальвацией национальной валюты. В последние годы на российском рынке динамика цен производителей на пшеницу стала меньше зависеть от динамики мировых цен, но в большей степени начала подчиняться динамике валютного курса.

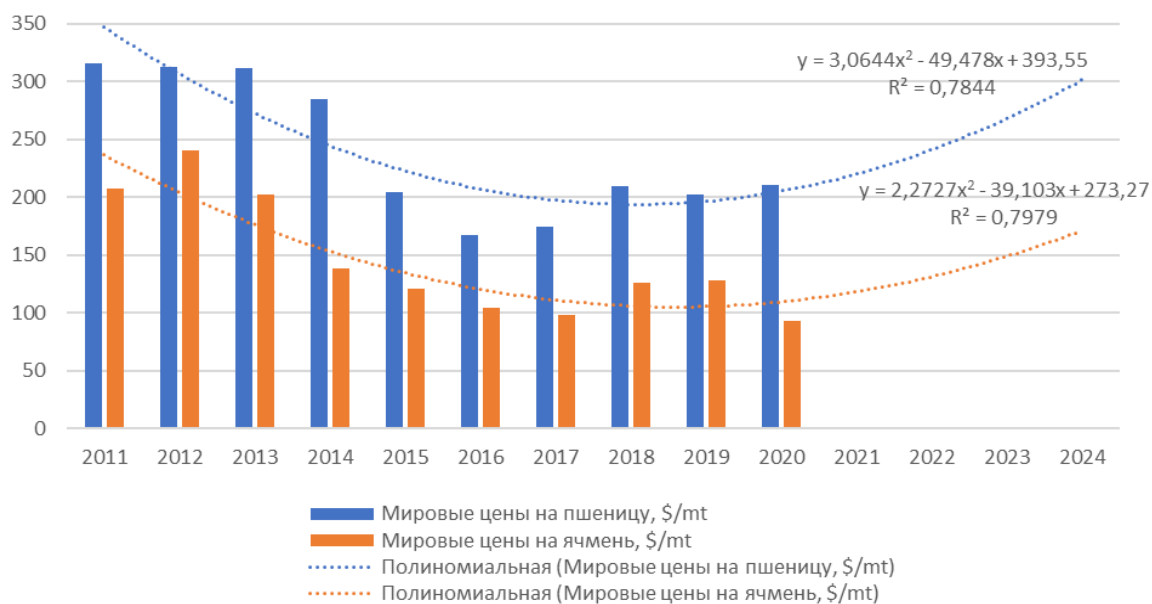

Рисунок 2 - Динамика и прогноз мировых цен на пшеницу и ячмень до 2024 года (в долларах США за метротонну)

Рассчитано по данным: Commodity Markets Outlooks. April 2021. World Bank Group. - URL: <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>

Выполненный прогноз показал, что в 2024 году мировые цены на пшеницу составят 300 долл. за метротонну (уравнение $Y=3,0644x^2-49,478x+393,55$, $R^2=0,7844$). Мировые цены на ячмень к 2024 году составят 165 долл. за метротонну (уравнение $Y=2,2727x^2-39,103x+273,27$, $R^2=0,7979$).

Конкурентоспособность России на мировых товарных рынках определяется в основном товарами низких и средних переделов, носит ценовой характер и легко может быть утрачена. По расчетам, проведенным на основе базы данных Центра международной торговли, в 2019 году экспортируемая продукция высоких переделов составляла 16,2% всего агропродовольственного экспорта, а импортируемая 34,9 % импорта [2].

В 2020 году экспорт российской пшеницы составил 38,4 млн. тонн против 31,8 млн тонн в 2019 году, экспорт ячменя 6,0 млн. тонн против 3,9 млн. тонн в 2019 году. В 2021 году осуществляемое ужесточение регулирования цен на зерно в России путем введения квот на экспорт зерновых и вывозных таможенных пошлин может привести к снижению экспорта более чем на 15 %. Импорт зерна, напротив, может вырасти на 15-20 % [3]. Кроме того, в 2020 году на внутреннем рынке усилился рост расходов производителей хлеба и макаронных изделий в результате удорожания стоимости сырья, упаковки, логистики. В себестоимости хлеба доля муки составляет 30 %, в то время как в макаронах она доходит до 80%. Введенные ограничительные меры могут привести к отрицательной рентабельности производств и банкротству ряд предприятий.

Мировые цены на молочные товары в настоящее время достигли самого высокого уровня с 2014 года (рис.3). Эксперты связывают это с растущим спросом на продукцию после ослабления карантинных ограничений в большинстве государств. Помимо этого, многие производители молочной продукции в мире повышают цены и тем самым пытаются компенсировать связанные с пандемией убытки.

В 2020 году рост мировых цен наблюдался на сухое обезжиренное молоко на 6,8 % (до 2606 долл. за тонну), сыр чеддер на 2,1 % (до 3506 долл. за тонну). В России цены на молоко выше, чем в ключевых странах - поставщиках молочной продукции на мировой рынок. Цены на молоко в России на 17 % выше цен в странах ЕС, на 8 % выше цен в США, и на 37 % выше цен в Новой Зеландии [4].

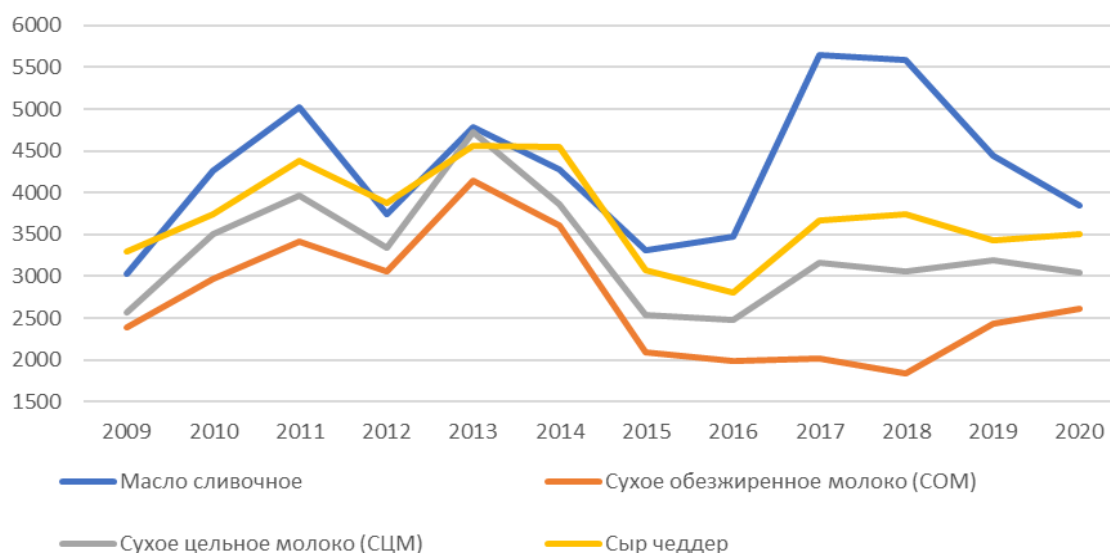

Рисунок 3 - Динамика мировых цен на молочную продукцию, долл. США/т

Источник: Dairy market review: overview of global dairy market developments in 2020 – April 2021 // Food and Agriculture Organization of the United Nation. - URL: <http://www.fao.org/3/cb4230en/cb4230en.pdf>

В 2020 году в стоимостном выражении экспорт молочной продукции составил 261 млн долларов и увеличился на 12 % к уровню 2019 года. В натуральном выражении он увеличился на 16 % и составил 181 тыс. тонн. Экспорт молочной продукции в страны Дальнего Зарубежья в 2020 году составил 91 млн. долларов и вырос на 13,0 % по сравнению с 2019 годом. Динамика стоимости и объемов поставок молочной продукции РФ приведена в таблице. Структура экспорта молочной продукции в стоимостном выражении остается стабильной. Наибольшая доля в структуре экспорта приходится на сыры и творог, кисломолочную продукцию, молоко и сливки. Экспорт сыров и творога в 2020 году увеличился до 30,2 тыс. тонн против 27,0 тыс. тонн в 2019 году. Поставки кисломолочной продукции выросли на 7,2 % до 79,5 тыс. тонн, однако, в денежном эквиваленте они снизились на 2,2 % к уровню 2019 года и составили 82,6 млн. долл.

Причины увеличения экспорта молочной продукции связаны, во-первых, с ослаблением курса рубля. Низкая стоимость рубля сделала российские товары более конкурентоспособными на рынках других стран. Во-вторых, рост экспорта обусловлен его диверсификацией за счет расширения географии поставок биржевых товаров – сливочного масла, сухого обезжиренного молока, сухого цельного молока, а также сыворотки. В Национальном Союзе производителей молока Milknews интенсивный рост экспорта масла сливочного и сыворотки связывают с эффектом низкой базы. Так, сливочного масла пока вывозится за рубеж менее 1 % от суммарного внутреннего потребления в стране. В-третьих, рост экспорта молочной продукции связан с расширением торговых отношений с Китаем. В 2020 году Группа компаний «Русагро» реализовала первую пробную партию сухой молочной подсырной сыворотки в Китай.

Таблица - Динамика стоимости и объемов поставок молочной продукции РФ
(2014= 100 %)

	2017		2019		2020	
	Объем поставок	Стоимость	Объем поставок	Стоимость	Объем поставок	Стоимость
Экспорт из РФ						
Молоко и сливки сгущенные	66,3	70,4	58,7	38,7	56,9	40,8
Кисломолочные продукты	99,3	81,3	104,9	83,5	112,5	81,8
Сыры и творог	100,4	80,2	107,4	96,8	120,2	110,9
Сливочное масло	83,1	77,9	54,7	65,5	86,9	114,6
Импорт в РФ						
Молоко и сливки сгущенные	125,0	64,0	92,3	65,1	76,4	50,4
Кисломолочные продукты	165,9	114,4	165,9	153,8	178,0	156,4
Сыры и творог	71,5	83,4	88,0	73,4	99,0	77,6
Сливочное масло	66,2	108,5	79,6	86,3	88,7	80,9

Рассчитано по данным: Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации 2017-2020 гг. - URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents>

Импорт молочной продукции в 2020 году в стоимостном выражении снизился на 3,0 % и составил 2609 млн долл. против 2698 млн. долл. в 2019 году. При этом в натуральном выражении импорт молочной продукции увеличился с 1032 млн. долл. до 1069 млн. долл. или на 4,0 %. Данная тенденция связана с небольшим изменением структуры импорта и колебанием валют. В 2020 году импорт молочной продукции из стран Дальнего зарубежья в стоимостном выражении составил 509 млн долларов, сократившись в 2019 году на 6,0 %. Основным поставщиком молочной продукции в Россию остается Беларусь (73,0 %), на втором месте - Новая Зеландия (8,0 %) из-за увеличения поставок в Россию сливочного масла.

Снижение совокупного импорта в 2020 году наблюдалось по сухому обезжиренному молоку на 35,0 %, сухому цельному молоку – на 25,0 %, молочной сыворотке – на 7,0 % [5]. По остальным категориям, прежде всего, молокоемким, наблюдался рост. Так импорт сливочного масла вырос на 11,1 %, сыров и творога – на 12,5 %, кисломолочной продукции – на 7,3 %.

В России в 2020 году себестоимость производства сырого молока и молочной продукции выросла на 18 % и 7 % соответственно [6]. На рост себестоимости продукции оказало влияние множество факторов, в том числе снижение курса рубля по отношению к доллару. В 2021 году также ожидается увеличение затрат в результате вступления закона об обязательной маркировке молочной продукции, поэтому управление затратами имеет особое значение в современных условиях.

Заключение.

На современном этапе велико значение роли затрат, как фактора повышения экономических результатов деятельности. Поэтому необходимо системное и последовательное управление издержками компаний для смягчения факторов роста цен на продовольствие. Основные проблемы управления затрат: рост цен на энергоресурсы, зависимость от импортных поставок, зависимость импорта от курса валюты, нарушение цепочек поставок. При сохранении низкого уровня рентабельности невозможен дальнейший рост производства продукции. Важно обратить внимание на принятие следующих мер: сокращение операционных и капитальных затрат, оптимизацию ассортимента, заморозку инвестиционных проектов и оптимизацию оборотного капитала, изменение объемов поставок и сокращение объемов запасов, продажу высокозатратных активов, внедрение технологии роботизации и автоматизации. Восстановление работы агропродовольственного комплекса после пандемии, на наш взгляд, должно быть основано на использовании гибких производственных цепочек. Они дают возможность быстрой переориентации производственных процессов. Применение пред-

ложенных мер и использование гибких производственных цепочек позволит компаниям быстро адаптироваться к изменениям рыночного спроса, сократить цикл производства конечного продукта и ускорить рост выручки.

Список литературы:

1. Food Outlook. Biannual report on global food markets. June 2021. FAO.
2. Дорофеева Л. И., Ермолова О.В., Кирсанов В.В. Приоритеты и механизмы управления межотраслевой структурой агропродовольственного комплекса. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. - 2020. - Т.20. - № 4. - С. 429-438
3. Рынок зерна. Аналитический обзор // ООО «НКР», 2021.
4. Экспорт российской молочной продукции в Китай. - URL: <https://aemcx.ru/wp-content/uploads/2020/06/Экспорт-российской-молочной-продукции-в-КНР.pdf>
5. В 2020 году в России упал импорт молочной продукции. Milknews. Новости и аналитика молочного рынка. - URL: <https://milknews.ru/index/molochnye-produkty/import-padenie-2020.html>
6. Максимова Е. Цены не успевают за ростом затрат. Что влияет на себестоимость производства молока в этом году // Агроинвестор. - 2021. - № 6.
7. Обзор рынка молока и молокопродуктов за 12 месяцев 2020 года. Центр отраслевой экспертизы РСХБ ФГБУ Центр агроаналитики при Минсельхозе России. Март 2021. - URL: https://specagro.ru/sites/default/files/2021-04/obzor-rynka-moloka_12-mesyacev-2020-goda.pdf
8. Commodity Markets Outlook. April 2021. World Bank Group. - URL: <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>
9. Dairy market review: overview of global dairy market developments in 2020 – April 2021 // Food and Agriculture Organization of the United Nation. - URL: <http://www.fao.org/3/cb4230en/cb4230en.pdf>
10. Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации 2017-2020 гг. - URL: <http://stat.customs.gov.ru/documents>

Для цитирования: Остапенко Т.В. Основные тенденции динамики мировых цен на продовольствие // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 41-46.

АНАЛИЗ ЗНАЧИМОСТИ ФАКТОРОВ РОСТА УРОЖАЙНОСТИ ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР В ДИНАМИКЕ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

Бондаренко Ю.П., к.э.н., ИАГП РАН

Предложен методический подход к анализу значимости региональных факторов повышения урожайности зерновых культур страны в динамике последних лет. Проведенные расчеты отразили значительные различия степени влияния рассмотренных факторов в региональном пространстве России, где производится практически весь объем зерна страны. Сделан вывод о том, что значительный рост урожайности зерновых культур в стране за последние годы происходил в основном за счет улучшения агроклиматических условий, увеличения объемов вносимых минеральных и органических удобрений на единицу посевных площадей зерновых культур, а также напрямую связан с инвестированием сельского хозяйства и обеспеченностью комбайнами, что особенно характерно для регионов с динамично развивающимся зерновым комплексом. При этом такие факторы, как государственное субсидирование сельскохозяйственной отрасли и обеспеченность тракторами не оказывали значительного влияния на рост урожайности зерновых культур в стране.

Ключевые слова: урожайность зерновых культур, регионы России, факторы производства, инвестирование и субсидирование, эффективность использования основных фондов, рост производства зерна.

ANALYSIS OF THE SIGNIFICANCE OF THE GROWTH FACTORS OF CEREAL CROPS YIELD IN THE DYNAMICS OF LAST YEARS

Bondarenko Yu.P., candidate of economic sciences, IAgP RAS

A methodological approach to the analysis of the significance of regional factors for increasing the productivity of grain crops in the country in the dynamics of recent years is proposed. Calculations reflected significant differences in the degree of influence of the factors considered in the regional space of Russia, where almost the entire volume of the country's grain is produced. It was concluded that a significant increase in the yield of grain crops in the country in recent years was mainly due to the improvement of agro-climatic conditions, an increase in the volume of applied mineral and organic fertilizers per unit of grain crops. It is also due to investment in agriculture and the availability of combines, which is especially typical for regions with a dynamically developing grain complex. At the same time government subsidies for the agricultural sector and the provision of tractors did not have a significant impact on the growth of grain yield in the country.

Key words: yield of grain crops, regions of Russia, factors of production, investment and subsidies, efficiency of fixed assets, growth of grain production.

Введение.

Значительный рост общей урожайности зерновых культур в стране за последние годы явился основным фактором увеличения объемов производства зерна, так как общая площадь под посевы зерновых культур в стране оставалась в целом неизменной в динамике последних лет. Поэтому анализ показателя значимости региональных факторов повышения урожайности зерновых культур является важнейшим компонентом для корректировки аграрной политики государства с целью сохранения тенденции роста объемов производства зерна в стране.

Целью исследований являлся анализ основных факторов производства зерна в региональном пространстве России с целью установления степени их значимости для роста урожайности зерновых культур как основного направления увеличения объемов зерна в стране.

Методика исследований.

Сложившийся в последние годы рост объемов производства зерна в России осуществлялся исключительно за счет роста урожайности зерновых культур, а не увеличения посевных площадей под зерновые культуры. Поэтому исследование условий и факторов роста урожайности зерновых культур, напрямую влияющих на обеспечение национальной продо-

вольственной безопасности, должно являться одной из приоритетных задач государственной агрополитики. На его основе будут проведены расчеты для изучения сложившихся тенденций изменения урожайности зерновых культур в региональном пространстве страны, производственного аграрного потенциала регионов, инвестиций и государственных субсидий, направляемых на поддержку сельского хозяйства в регионах, а также определения степени влияния этих факторов на урожайность. Методической основой для проведения исследований являются научные работы, посвященные анализу межрегиональной дифференциации различных явлений в развитии сельского хозяйства страны, в том числе и автора [1–15].

В исследование включены все регионы России за исключением тех, в которых валовые сборы зерна в среднем за 2018–2020 гг. не превышали 500 тыс. т. Регионы с меньшими средними объемами производства зерна суммарно произвели всего 4,3% от общего объема зерна, произведенного в России, и включение этих регионов в исследование могло исказить результаты расчетов по анализу степени значимости факторов, влияющих на изменение урожайности зерновых культур. Также из исследования были исключены два региона, в которых объемы производства зерна существенно превышают 0,5 млн т в год – это Краснодарский край и Республика Крым. Краснодарский край исключен потому, что представляет собой регион с максимально благоприятными агроклиматическими условиями и характеризуется самыми большими объемами аграрного производства, в том числе и зерна. Таким образом, данный регион мог практически полностью перекрывать средневзвешенные результаты анализа показателей той группы регионов, в которую мог войти при проведении расчетов независимо от того, сколько регионов будет в этой группе. Республика Крым была исключена из анализа ввиду отсутствия полной статистической информации с 2013 по 2020 г. Таким образом, было выделено 39 регионов из 85 имеющихся, которые в среднем за 2018–2020 гг. произвели 84,3% зерна страны. Выделенные регионы были проранжированы по величине роста средней урожайности зерновых культур в 2018–2020 гг. по сравнению со средней урожайностью за 2013–2015 гг. Так как урожайность зерновых культур в регионах колебалась из года в год, то использование усредненных значений урожайности по регионам за три года позволяет достаточно точно сравнивать между собой показатели разных лет и выявлять рост/спад урожайности зерновых культур.

При анализе регионы были разделены на восемь экономико-статистических групп, чтобы за счет укрупнения массива разрозненных региональных данных можно было выявлять и исследовать существующие тенденции по изучаемым факторам путем расчета средневзвешенных величин по каждой из выделенных групп регионов. Информационной базой для исследования послужили статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации и Министерства сельского хозяйства Российской Федерации [16, 17].

Результаты исследований.

В обобщающей таблице представлены состав и основные характеристики отобранных регионов, разделенных на восемь групп для исследований.

Из данных таблицы видно, что исследуемые 39 зернопроизводящих регионов характеризуются значительным разбросом показателей роста урожайности зерновых культур. Так, в шести регионах первой группы уровень урожайности остался неизменным, а в четырех регионах последней восьмой группы рост составил свыше 9 ц/га убранных площадей в 2018–2020 гг. по сравнению со средней урожайностью в 2013–2015 гг., при этом максимальный показатель принадлежит Брянской области, где ростом урожайности составил 19,7 ц/га убранных площадей. В остальных группах регионов рост урожайности зерновых культур изменялся от незначительного (чуть больше 1 ц/га) до весьма значительного (от 7 до 9 ц/га). В 22 регионах с четвертой по восьмую группы рост урожайности был выше среднероссийского, который составил 3,6 ц/га убранных площадей, при этом в них было произведено в среднем за 2018–2020 гг 50,2% зерна страны.

Таблица – Состав и основные характеристики выделенных региональных групп

Номер региональной группы	Состав региона	Количество административных единиц	Разница средневзвешенной урожайности зерновых культур по группам регионов (средняя урожайность за 2018–2020 гг. минус средняя урожайность за 2013–2015 гг.), ц/ га убранной площади	Удельный вес от произведенного зерна в стране, %	
				среднее за 2013–2015 гг.	среднее за 2018–2020 гг.
1	Ставропольский край, Омская, Иркутская, Оренбургская, Тюменская и Челябинская области	6	до 1,0 включительно	17,0	14,0
2	Курганская и Свердловская области, Алтайский край, Саратовская и Кировская области, Республика Адыгея, Красноярский край	7	от 1,1 до 3,0 включительно	12,4	11,6
3	Самарская, Нижегородская, Волгоградская и Новосибирская области	4	от 3,1 до 4,0 включительно	8,1	8,5
4	Кемеровская область, Республика Башкортостан, Ульяновская область	3	от 4,1 до 5,0 включительно	4,4	4,9
5	Тамбовская область, Удмуртская Республика, Воронежская и Рязанская области, Республика Калмыкия	5	от 5,1 до 6,0 включительно	9,5	10,3
6	Ростовская, Пензенская и Тульская области, Республика Мордовия	4	от 6,1 до 7,0 включительно	12,1	14,3
7	Орловская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Татарстан, Чувашская Республика, Калининградская и Белгородская области	6	от 7,1 до 9,0 включительно	11,0	11,6
8	Липецкая область, Республика Северная Осетия – Алания, Курская и Брянская области	4	от 9,1 и выше	7,7	9,2
Сумма		39		82,0	84,3

Приведенные в таблице данные показывают, что в первых двух регионах снизилась доля в производстве общего объема зерна страны, причём в первой группе, где уровень урожайности зерновых культур остался практически неизменным, снижение доли в производстве было наиболее сильным и составляло три процентных пункта. Семь регионов второй группы снизили свою долю в общероссийском производстве зерна на 0,8 п.п., однако для них характерен хоть и мизерный, но всё же рост урожайности за исследуемую динамику лет. То есть в условиях отсутствия ввода неиспользуемой пашни под посевы зерновых культур в регионах, добиться роста производства зерна можно только за счет проведения мероприятий по увеличению урожайности зерновых культур на уже выделенных под это посевных площадях. С третью по восьмую группу, в которых рост урожайности зерновых культур за динамику семи исследуемых лет был уже вполне ощутимым (3 ц/га убранных площадей), так же наблюдался и рост доли этих групп в производстве общего объема зерна. Самый большой рост данного показателя был в четырех регионах шестой группы (2,2 п. п.), где рост урожайности зерновых культур составил от 6,1 до 7,0 ц/га убранных площадей. Самый низкий рост доли отмечен в третьей группе (0,4 п. п.), где рост урожайности зерновых культур был ниже среднероссийского уровня, при том что при расчете среднероссийского уровня учитываются абсолютно все регионы страны, в том числе и те, где производится зерно даже в самых незначительных количествах в самых неблагоприятных агроклиматических условиях.

В качестве промежуточных итогов можно подчеркнуть, что на современном этапе рост производства зерна осуществлялся исключительно за счет повышения урожайности зерновых культур, а не ввода в оборот неиспользуемой пашни, и чем выше рост урожайности, тем выше и доля регионов в производстве зерна страны. Большое влияние на данный процесс оказало улучшение агроклиматических условий во многих зернопроизводящих регионах

страны в рамках сложившейся ситуации общего потепления климата на планете. Например, в таких достаточно северных по географическому положению регионах, как Кемеровская, Ульяновская, Тульская области, Республики Мордовия, Татарстан и Башкортостан, Удмуртская и Чувашская Республики и ряде других высокий рост урожайности зерновых культур в последние годы нельзя объяснить только финансовыми и инфраструктурными факторами, так как недостаточно благоприятный климат всегда является сильным ограничителем роста урожайности любых сельскохозяйственных культур. Поэтому, улучшение агроклиматических условий в регионах России является, по нашему мнению, основополагающим, но не единственным фактором, способствующим дальнейшему росту урожайности зерновых культур. Анализ степени влияния различных инфраструктурных и финансовых региональных факторов на рост урожайности зерновых культур является важнейшей задачей как минимум для поддержания уже сложившихся высоких объемов производства зерна в России, а по возможности – и для дальнейшего роста урожайности зерновых культур в регионах. Поэтому, в первую очередь будет исследована степень влияния объемов государственных субсидий на рост урожайности зерновых культур в регионах (рисунок 1).

Рисунок 1 – Объемы государственных субсидий в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных фондов сельского хозяйства, руб. (среднее за 2013–2015 гг. и 2018–2020 гг.)

Приведенные на рисунке 1 результаты исследований показывают, что средний за 2018–2020 гг. уровень государственного субсидирования сельского хозяйства в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных фондов сельских хозяйств уменьшился в два раза по всем региональным группам по сравнению со средним уровнем государственного субсидирования с 2013 по 2015 г. Такая же ситуация складывается и при расчете уровня госсубсидирования сельского хозяйства в расчете на 1 тыс. руб. стоимости валовой продукции сельского хозяйства. Таким образом, можно утверждать, что в современных условиях уровень финансовой поддержки государства резко снизился по сравнению даже с недавним периодом лет, а объемы господдержки нельзя считать значимым фактором повышения урожайности зерновых культур в последнее время.

Не менее важно проанализировать сложившуюся ситуацию с инвестированием сельского хозяйства (рисунок 2).

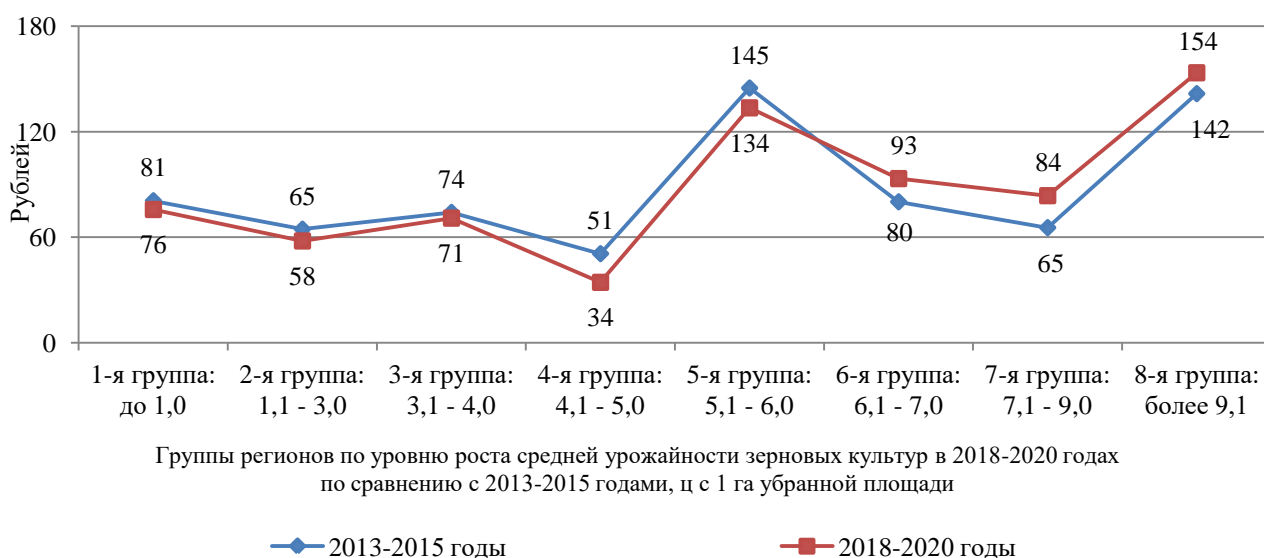

Рисунок 2 – Объемы инвестирования в расчете на 1 тыс. руб. стоимости основных фондов сельского хозяйства, руб. (среднее за 2013–2015 гг. и 2018–2020 гг.)

Представленные на рисунке 2 результаты расчетов подтверждают тот факт, что ситуация с результативностью инвестирования в сельское хозяйство имеет различия по сравнению с ситуацией финансовой поддержки от государства. В пяти регионах с наиболее низким уровнем роста урожайности зерновых культур объемы инвестиций в сельское хозяйство снизились от 4 до 32% в 2018–2020 гг. по сравнению со средним значением 2013–2015 гг., что повторяет ситуацию с госсубсидиями. В регионах с шестой по восьмую группы, где рост урожайности зерновых культур за исследуемый период составил свыше 6 ц/га убранных площадей, объем инвестирования вырос от 8 до 28%. Приведенные показатели свидетельствуют о том, что инвестирование в сельское хозяйство является эффективным механизмом повышения урожайности в узкой группе регионов с наиболее динамично развивающимся зерновым комплексом, производящим 35% зерна страны.

Анализ влияния обеспеченности основными видами сельскохозяйственной техники на рост урожайности зерновых культур схематически представлен на рисунках 3 и 4.

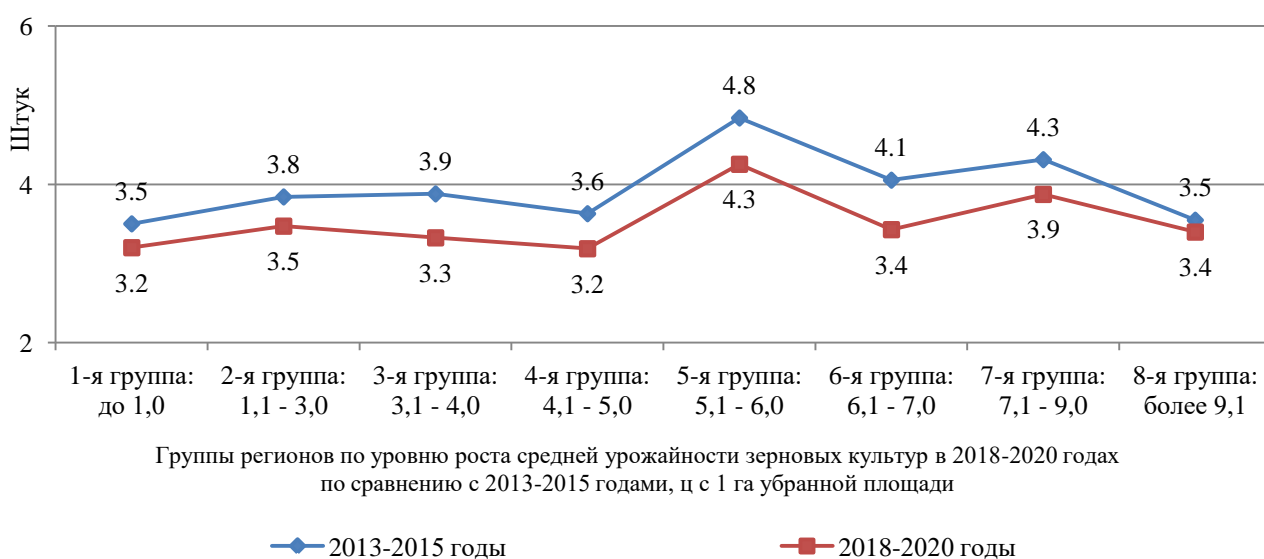

Рисунок 3 – Обеспеченность тракторами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей в сельскохозяйственных организациях, шт. (среднее за 2013–2015 гг. и 2018–2020 гг.)

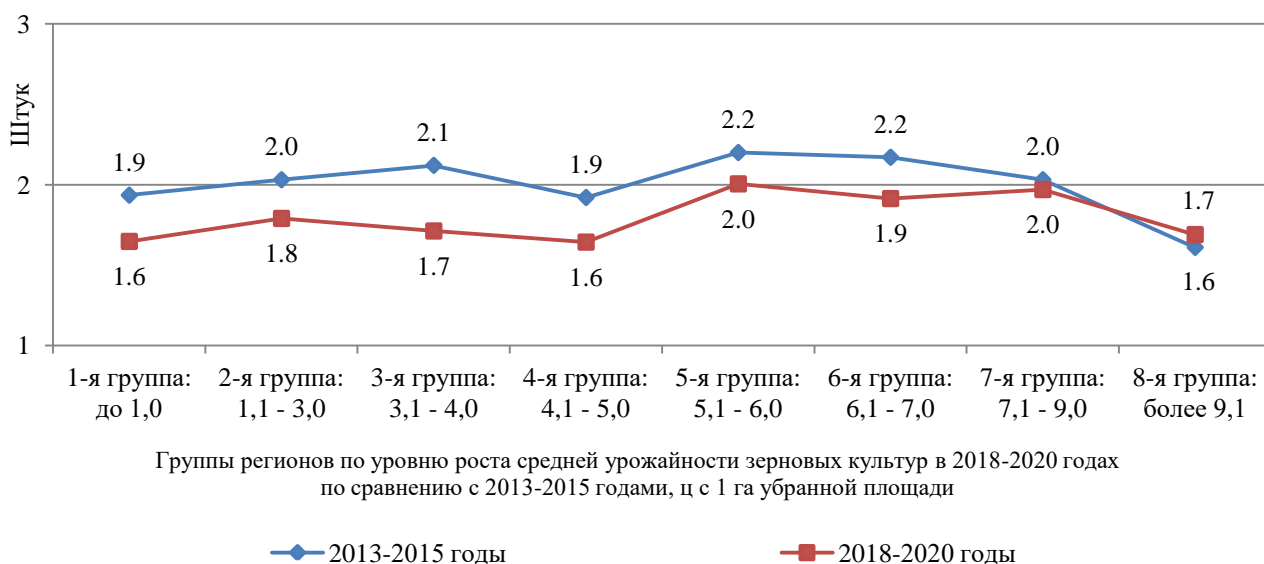

Рисунок 4 – Обеспеченность комбайнами в расчете на 1 тыс. га убранных под зерновыми культурами площадей в сельскохозяйственных организациях, шт. (среднее за 2013–2015 гг. и 2018–2020 гг.)

Проведенные расчеты показывают, что уровень обеспеченности тракторами в расчете на 1 тыс. га посевных площадей снижался во всех группах регионов за исследуемую динамику лет независимо от уровня роста урожайности зерновых культур. Из этого можно предположить, что остановка падения или даже увеличение уровня обеспеченности тракторами существенно не изменит ситуацию с уровнем урожайности зерновых культур даже в тех регионах, где рост урожайности отсутствует либо он небольшой по сравнению даже с регионами-средняками. Особенно интересна ситуация, когда уровень обеспеченности тракторами одинаков и в регионах-лидерах и в отстающих регионах, где рост урожайности малозначителен.

Ситуация с обеспеченностью зерно- и кукурузоуборочными комбайнами в расчете на 1 тыс. га убранных под зерновыми культурами площадей следующая: в первых шести группах регионов уровень обеспеченности комбайнами неуклонно снижался за исследуемую динамику лет независимо от того, что средний уровень урожайности зерновых культур при этом повышался от группы к группе. В двух высокоинтенсивных группах регионов по росту урожайности ситуация представляется иной: если в седьмой группе регионов уровень обеспеченности комбайнами остался прежним за исследуемую динамику лет, то в восьмой группе он даже повысился на 7%, или с 1,6 до 1,7 комбайна на 1 тыс. га. Можно предположить, что когда рост интенсивности производства зерна выходит на высокий уровень, то снижение обеспеченности сельхозорганизаций зерно- и кукурузоуборочными комбайнами будет негативно отражаться на дальнейшем росте урожайности зерновых культур.

Далее автором исследовалась степень влияния на рост урожайности зерновых культур такого фактора как объёмы вносимых минеральных удобрений в расчете на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур (рисунок 5).

Представленные на рисунке 5 результаты расчётов отражают тот факт, что увеличение объёмов вносимых минеральных удобрений в пересчете на 1 тыс. га посевных площадей под зерновыми культурами напрямую влияет на рост урожайности зерновых культур в главных зернопроизводящих регионах страны. Чем больше объем вносимых минеральных удобрений, тем выше рост урожайности зерновых культур. В первой группе регионов, где урожайность осталась практически прежней, увеличившись лишь на десятые доли, рост объёмов внесения минеральных удобрений то же был низким, составив всего 39 ц на 1 тыс. га.

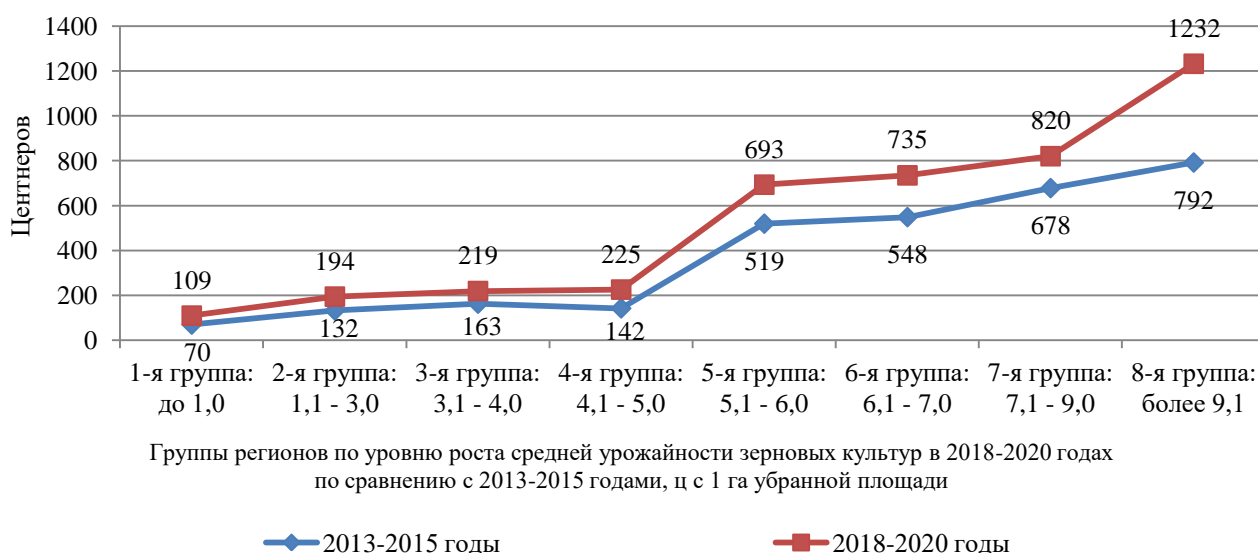

Рисунок 5 – Объемы внесения минеральных удобрений в пересчете на 100% питательных веществ в расчете на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур в сельскохозяйственных организациях, ц (среднее за 2013–2015 гг. и 2018–2020 гг.)

По мере роста объемов вносимых удобрений росла и урожайность, достигнув своего максимума в восьмой группе, где рост объемов минеральных удобрений составил 440 ц на 1 тыс. га, а средневзвешенный рост урожайности составил 13,8 ц с 1 га убранных площадей. Таким образом, регионы-средняки могут войти в число регионов-лидеров благодаря стимулированию сельхозпроизводителей на увеличение норм внесения минеральных удобрений, а отстающие регионы благодаря стимулированию смогут достигнуть показателей регионов-средняков. При этом при достижении высоких показателей урожайности зерновых культур вряд ли будет возможным снижение объемов вносимых минеральных удобрений, которые привели к высоким урожаям, что в дальнейшем может привести к ситуации, когда доходы от роста производства зерна уже не будут покрывать расходы на увеличение объемов вносимых минеральных удобрений под посевы зерновых культур.

На рисунке 6 представлены результаты изучения влияния объемов внесения органических удобрений на рост урожайности зерновых культур.

Рисунок 6 – Объемы внесения органических удобрений в расчете на 1 тыс. га посевных площадей зерновых культур в сельскохозяйственных организациях, т (среднее за 2013–2015 гг. и 2018–2020 гг.)

Представленные выше результаты отражают во многом схожую с вышеописанной ситуацию, когда во всех регионах имел место рост объемов внесения органических удобрений. Однако при этом отсутствует зависимость уровня роста урожайности зерновых культур от уровня роста объемов внесения органических удобрений, то есть с планомерным ростом урожайности – рост объемов может быть как выше, так и значительно ниже, чем в предыдущих группах, где рост урожайности был ниже. Кроме того, общий уровень вносимых органических удобрений никак не коррелирует с динамикой роста урожайности в регионах. Например, в шестой группе регионов с ростом урожайности от 6,1 до 7 ц/га общий объем вносимых органических удобрений был ниже, чем во всех предыдущих группах регионов с более низким уровнем роста урожайности зерновых культур. В восьмой группе регионов, характеризующейся наиболее высоким уровнем роста урожайности, общий уровень внесения удобрений был ниже, чем в первой, четвертой, пятой и седьмой группах. Другими словами, увеличение объемов внесения органических удобрений на единицу площади посевов зерновых культур хотя и имеет прямое влияние на рост урожайности зерновых культур, но это влияние выражено достаточно размыто, т.е. нельзя изначально быть уверенным в том, что увеличение затрат на внесение органических удобрений даст такое же пропорциональное увеличение урожайности зерновых культур.

Заключение.

Несомненно, что анализ роста урожайности зерновых культур в России невозможен без изучения тенденций и факторов роста урожайности в региональном пространстве страны. На рост урожайности зерновых культур значительное влияние, по нашему мнению, оказало улучшение агроклиматических условий во многих зернопроизводящих регионах страны, которое явилось следствием глобального потепления на планете. Так же рост урожайности зерновых культур напрямую зависит от объемов вносимых минеральных удобрений: повышение расходов на увеличение норм внесения минеральных удобрений в расчете на единицу посевных площадей под зерновыми культурами обязательно отразится на урожайности, и, соответственно, на росте валовых сборов зерна. От органических удобрений рост урожайности зерновых культур также имеет зависимость, но уже не столь прямую, как от минеральных удобрений, то есть повышение норм внесения органических удобрений будет способствовать росту урожайности, но не в пропорциональном соотношении. Сложившаяся структура и выделяемые государством субсидий на поддержку сельского хозяйства не способствуют росту урожайности зерновых культур в региональном пространстве России, а уровень направляемых инвестиций приводит к росту урожайности только в регионах с уже развитым зерновым комплексом. Согласно расчетам обеспеченность сельскохозяйственной техникой не является значимым фактором роста урожайности зерновых культур, так как наличие тракторов практически одинаково как в регионах с отсутствием роста урожайности, так и с ним. При этом уровень обеспеченности зерно- и кукурузоуборочными комбайнами оказывает влияние на изучаемый показатель только в небольшой группе регионов с наиболее высоким уровнем интенсификации производства зерна.

Список литературы:

1. Андрющенко С.А. Обоснование механизма управления инновационным развитием производственного потенциала агропродовольственного комплекса на основе сочетания национальных и региональных приоритетов // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 4. – С. 87–94.
2. Андрющенко С.А., Бондаренко Ю.П. Оценка перспективных направлений инновационного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2018. – № 5. – С. 3.
3. Андрющенко С.А. Тенденции конкурентоспособного развития производственного потенциала агропродовольственного комплекса России // Островские чтения. – 2020. – № 1. – С. 73–77.

4. Speziлова Н.В., Кожуховская Ю.А. Обоснование перспективных направлений развития сельского хозяйства в регионах России с использованием математико-статистических методов // Экономика и предпринимательство. – 2020. – № 5(118). – С. 1298–1303.
5. Бондаренко Ю.П. Оценка государственного субсидирования сельского хозяйства России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2020. – № 8. – С. 55–61.
6. Исмиханов З.Н. Идентифицируемые регрессионные модели взаимосвязи показателей развития сельского хозяйства в регионах // Региональная экономика: теория и практика. – 2020. – Т. 18. – № 7(478). – С. 1357–1373.
7. Бондаренко Ю.П. Влияние инвестиций на обновление и эффективность использования основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2019. – № 3. – С. 43–49.
8. Оборин М.С. Социально-экономические проблемы развития сельского хозяйства в российских регионах // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Сельскохозяйственные науки. Экономические науки. – 2019. – Т. 5. – № 3(19). – С. 349–358.
9. Бондаренко Ю.П. Ресурсные факторы и ограничения инновационного развития агропродовольственного комплекса в региональном пространстве России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2019. – № 3. – С. 93–106.
10. Евдокимова Н.Е. Прогнозирование урожайности зерновых культур: отечественный опыт и новые возможности // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2020. – № 2. – С. 90–105.
11. Бондаренко Ю.П. Оценка необходимости обновления основных фондов в сельском хозяйстве России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2018. – № 9. – С. 24–30.
12. Рогачев А.Ф., Мелихова Е.В. Формирование и использование базы данных статистической информации ретроспективной урожайности зерновых культур // Московский экономический журнал. – 2020. – № 4. – С. 31.
13. Бондаренко Ю.П. Факторы межрегиональной дифференциации в оценке потенциала экономического роста сельского хозяйства России // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2010. – № 1. – С. 5.
14. Рябова Н.Н., Николаева Н.Ю., Сорокин И.Б. Статистические характеристики изменчивости урожайности зерновых культур в зависимости от климата // Вестник Башкирского государственного аграрного университета. – 2020. – № 4(56). – С. 61–66.
15. Бондаренко Ю.П. Фермерский сектор регионов в решении проблемы продовольственной безопасности России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. – 2009. – № 8. – С. 59–62.
16. Статистическая информация Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. – URL: <http://www.gks.ru/>
17. Статистическая информация Министерства сельского хозяйства Российской Федерации. – URL: <http://mcx.ru/>

Для цитирования: Бондаренко Ю.П. Анализ значимости факторов роста урожайности зерновых культур в динамике последних лет // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 47-55.

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Фисенко Н.А., к.э.н., ИАГП РАН

В статье рассматриваются перспективы развития агропродовольственного сектора на основе анализа экспертных заключений и рекомендаций Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) в связи с распространением пандемии COVID-19. Систематизированы основные доклады и документы ФАО соответствующего профиля, в результате изучения которых описываются глобальные тенденции, риски и прогнозы в области обеспечения продовольственной безопасности. Выделяются основные принципы и стратегические направления трансформации агропродовольственных систем с целью укрепления их устойчивости к воздействию внешних факторов. Особый акцент делается на рассмотрении опыта ФАО в сфере мобилизации быстрых и инновационных мер реагирования на последствия пандемии для продовольственного сектора и в плане расширения международного взаимодействия по таким направлениям, как создание мониторинга глобальной ситуации и площадок для дискуссий и обмена опытом экспертов и специалистов, анализа рисков продовольственной безопасности; формирование системы сбора и анализа данных для оценки воздействия пандемии; мобилизация политической, финансовой и технической помощи для стран, затронутых общим кризисом; разработка проектов и программ социальной защиты наиболее уязвимых групп населения; распространение передового опыта и научно-технических знаний. Автор показывает возможности использования положительного опыта реализации аграрной политики европейских стран ФАО в российских условиях и отмечает направления его применения.

Ключевые слова: агропродовольственные системы, распространение пандемии COVID-19, продовольственная безопасность, ФАО.

EXPERT ASSESSMENT OF FEATURES OF AGRICULTURAL FOOD SYSTEMS DEVELOPMENT UNDER PANDEMIC CONDITIONS

Fisenko N.A., candidate of economic sciences, IAoP RAS

The article discusses the prospects for the development of the agri-food sector based on the analysis of expert opinions and recommendations of the Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) in connection with the spread of the COVID-19 pandemic. The main reports and documents of FAO of the corresponding profile are systematized, as a result of the study of which global trends, risks and forecasts in the field of food security are described. The main principles and strategic directions of transformation of agri-food systems are highlighted in order to strengthen their resistance to external factors. Particular emphasis is placed on reviewing FAO's experience in mobilizing rapid and innovative responses to the impact of the pandemic on the food sector and in expanding international cooperation in such areas as creating monitoring of the global situation and platforms for discussion and exchange of experience of experts and specialists, analysis of food security risk.; establishing a data collection and analysis system to assess the impact of the pandemic; mobilizing political, financial and technical assistance for countries affected by the general crisis; development of projects and programs for social protection of the most vulnerable groups of the population; dissemination of advanced experience and scientific and technical knowledge. The author shows the possibilities of using the positive experience of the implementation of the agrarian policy of the European countries of FAO in the Russian context and notes the directions of its application.

Key words: agri-food systems, spread of the COVID-19 pandemic, food security, FAO.

Введение.

Пандемия коронавируса стала самым серьезным глобальным вызовом, с которым столкнулось человечество в XXI веке. Она затронула все сферы жизнедеятельности современного глобального общества. Распространение пандемии COVID-19 поставило под угрозу достижение Целей развития тысячелетия – Программы ООН по борьбе с бедностью и общему повышению уровня жизни, препятствуя достижению восьми из семнадцати поставленных целей: 1-й – «ликвидация нищеты»; 2-й – «ликвидация голода»; 3-й – «хорошее здоровье и благополучие»; 4-й – «качественное образование»; 5-й – «гендерное равенство»; 8-й – «достойная работа и экономический рост»; 10-й – «уменьшение неравенства» и 16-й – «мир, правосудие и эффективные институты».

Ситуация с распространением коронавируса обусловила появление новых социально-экономических феноменов, которые требуют адаптации общества к ним путем изменения общественных институтов экономики, культуры, сознания и стереотипов социального поведения людей.

Глобальные тенденции влияния пандемии COVID-19 порождают серьезные вызовы для развития сельских территорий в мире и оказывают непосредственное влияние на социально-экономическое развитие села в России. Сложившаяся ситуация требует от государств организации целенаправленных, пропорциональных и прозрачных мер по нивелированию потенциальных рисков в области продовольственной безопасности.

Это определяет необходимость интеграции усилий межгосударственных объединений в поиске и реализации путей преодоления кризисов, выработке и соблюдении общей согласованной, взаимно приемлемой стратегии трансформации агропродовольственных систем, направленной на повышение качества жизни всех слоев населения, независимо от места проживания.

В этом отношении представляется важным изучение опыта деятельности Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), связанной с мобилизацией быстрых и инновационных мер реагирования на последствия пандемии для продовольственного сектора и расширением международного сотрудничества.

Цель исследований. На основе анализа документов Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО) предполагается выделить основные принципы и стратегические направления развития агропродовольственных систем в связи с влиянием распространения пандемии COVID-19.

Методика исследований. В ходе исследования используется метод сравнительного анализа.

Результаты исследований.

Прежде всего, представляется важным систематизировать наиболее значимые документы ФАО и других международных организаций, содержащие результаты анализа ситуации и предложения по развитию агропродовольственных систем в связи с пандемией Covid-19.

Самым авторитетным глобальным исследованием по проблеме ликвидации голода и обеспечения полноценного питания был признан электронный Доклад «The State of Food Security and Nutrition in the World 2020: Transforming Food Systems for Affordable Healthy Diets» («Положение в области продовольственной безопасности и питания в мире: Преобразование продовольственных систем для обеспечения доступности здорового питания»). Это комплексный результат совместных действий Продовольственной и сельскохозяйственной организации (ФАО), Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР), Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ), Всемирной продовольственной программы ООН (ВПП) и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ).

На Платформе Информационной сети по продовольственной безопасности (ИСПБ): [www: fcinplatform.org](http://www.fcinplatform.org) на веб-сайте Глобальной сети: <http://www.fightfoodcrises.net/foodcrises-and-covid-19/en/> размещен Глобальный доклад «Global Report on Food Crises. Joint Analysis for Better Decisions» («Глобальный доклад о продовольственных кризисах. Совместный анализ и предложения»), подготовленный Международным Альянсом ООН.

Далее следует отметить результат совместного исследования ФАО и Всемирной продовольственной программы (ВПП ООН) – доклад «FAO-WFP Early Warning Analysis of Acute Food Insecurity Hotspots» («Совместный анализ ФАО и ВПП, касающийся наиболее актуальных вопросов отсутствия продовольственной безопасности»).

Аналізу текущей ситуации и прогнозированию ее дальнейшего развития посвящен доклад «OECD –FAO Agricultural Look 2020-2029» (Сельскохозяйственный прогноз ОЭСР и ФАО на 2020–2029 годы»), который был представлен Генеральным секретарем Организации экономического сотрудничества и развития Анхелом Гурриа и Генеральным директором Продовольственной сельскохозяйственной организации ООН Цюй Дуньюй 16 июня 2020 года в Париже.

Вопросы влияния пандемии на деятельность продовольственных цепочек освещены в докладе ФАО «Responding to the Impact of the COVID-19 Outbreaks on Food Value Chains through Efficient Logistics» («Ответные меры на негативное влияние Covid-19 на деятельность продовольственных цепочек путём создания эффективной логистики»).

Следует также обратить внимание на доклад ФАО «Keeping Food and Agricultural Systems Alive: Analysis and Solutions in Response to COVID-19» («Сохранение жизнеспособности сельскохозяйственных и продовольственных систем: анализ и решения в связи с распространением COVID-19»).

Представлен для обсуждения разработанный Комитетом по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) доклад «Voluntary Guidelines on Food Systems and Nutrition» («Добровольные рекомендации по продовольственным системам в интересах питания»).

Акцент на гуманитарную составляющую в разработке мер по дальнейшему развитию агропродовольственных систем сделан в документе ФАО «The Global COVID-19 Humanitarian Response Plan» («План гуманитарного развития в ответ на пандемию COVID-19»).

Комплексный свод анти-ковидных мероприятий содержится в Программе ФАО «FAO COVID-19 Response and Recovery Programme» («Программа ответных мер и восстановления в связи с COVID-19»). Она направлена на предотвращение возникновения в мире чрезвычайных ситуаций в области продовольствия в период пандемии COVID-19 и после нее, содержит описание среднесрочных и долгосрочных мер по обеспечению продовольственной безопасности. Эта программа была официально представлена в ходе глобального он-лайн диалога с представителями государственного и частного секторов по теме «Совместные действия по борьбе с COVID-19: активизация глобальных усилий в области продовольствия и сельского хозяйства». Данное мероприятие было организовано ФАО для согласования динамичных и скоординированных глобальных мер, направленных на обеспечение доступа к продовольствию на основе мобилизации ресурсов всех видов на страновом, региональном и глобальном уровнях. «FAO COVID-19 Response and Recovery Programme» нацелена на смягчение прямых последствий пандемии и предусматривает укрепление устойчивости агропродовольственных систем к воздействию внешних факторов.

В соответствующих документах ФАО, ОЭСР и других международных организаций содержится оценка последствий влияния пандемии на развитие глобальной экономики. В них отмечается, что пандемия выявила хрупкость глобальных производственно-сбытовых цепочек и странам необходимо адаптироваться к изменяющемуся характеру глобальной экономики. На состояние экономики в разных странах будут сказываться резкие изменения предложения из-за высокого уровня заболеваемости и смертности, а также усилия по сдерживанию распространения коронавируса, которые ограничивают мобильность и рост затрат на ведение хозяйственной деятельности в силу ограничения поставок и ужесточения кредитной политики, что ведет к снижению темпов экономического роста или экономической рецессии. Спрос будет также падать из-за повышенной неопределенности, роста предупреждающего поведения, усилий по сдерживанию и растущих финансовых затрат, которые снижают способность совершать расходы [10].

Глобальные рынки продовольствия также не защищены от такого варианта событий. Однако, как отмечается в документах ФАО [1, 2, 3], они пострадают меньше по сравнению с другими секторами, более зависящими от нарушений в логистике и ослабления спроса, такими, как, например, транспортный, промышленный и энергетический рынки. Но, принимая во внимание сложность организации производственно-сбытовых цепочек и важность торговли и транспорта, всё это может их сделать чрезвычайно уязвимыми. И если COVID-19 повлечет за собой дефляционный шок для всей мировой экономики, что нашло свое отражение в первых изменениях в Индексе продовольственных цен ФАО, в краткосрочной перспективе реальная стоимость здорового питания может вырасти из-за увеличения стоимости скоропортящихся продуктов, что особенно негативно отразится на домашних хозяйствах с низким уровнем доходов, а также сделает достижение целей в области устойчивого развития более затратным [10].

Обращая внимание на негативные последствия пандемии COVID-19, международные эксперты выделяют четыре основные причины, по которым коронавирус подстегивает острую форму отсутствия продовольственной безопасности в мире [3]. Во-первых, снижается уровень занятости и заработка при росте продовольственных цен во многих «горячих точках». Во-вторых, существенные и всё нарастающие последствия для производства продовольствия и продовольственного снабжения приводят к различным перебоям, связанным с вынужденными в условиях пандемии и необходимыми для охраны здоровья контрмерами. В-третьих, резко упали государственные доходы, в результате чего важнейшие меры социальной помощи, такие как, например, программы социальной защиты и организации школьного питания оказываются без средств и не в состоянии отвечать растущим потребностям. И, наконец, пандемия способствует политической нестабильности и разжиганию конфликтов, например, среди местного населения из-за природных ресурсов – воды, пастбищ, земель или маршрутов миграции, что еще больше нарушает стабильность сельскохозяйственного производства и социального развития села.

ФАО предупреждает, что если не принимать срочных мер, то появляется риск возникновения чрезвычайной ситуации со снабжением продовольствием глобального масштаба, которая может иметь долгосрочные последствия для миллионов людей. Это связано главным образом с отсутствием доступа к продовольствию в силу падения уровня доходов и ростом цен на продовольствие. В странах, где уровень острого отсутствия продовольственной безопасности уже был высок, проблему представляет уже не только доступ к продовольствию, но и во всё большей степени – производство продовольствия. COVID-19 обрушился в то время, когда число страдающих от голода или недоедания продолжает расти. Согласно данным ООН в 2020 году в результате экономического спада, вызванного пандемией, количество голодающих в мире увеличилось на 132 миллиона. Экономические последствия пандемии могут привести к крайней нищете около 100 миллионов человек [1, 2]. Когда люди страдают от голода или хронического недоедания, это значит, что они не могут удовлетворять свои потребности в пище – получать калории в количестве, достаточном для того чтобы вести нормальную активную жизнь в течение продолжительного времени. Это имеет долгосрочные последствия для будущего и продолжает препятствовать глобальным усилиям по искоренению голода. Когда люди сталкиваются с проблемой отсутствия продовольственной безопасности, достигшей кризисного уровня, это значит, что у них ограничен доступ к продовольствию в краткосрочной перспективе из-за единичных внезапных кризисов, которые могут представлять угрозу их жизням и источникам средств к существованию. Но если люди, столкнувшиеся с острой проблемой отсутствия продовольственной безопасности на уровне кризиса, получают необходимую им помощь, они не пополнят ряды голодающих и их положение не станет хроническим [10].

Представляют интерес прогнозы ФАО и других международных организаций по поводу того, как в дальнейшем пандемия отразится на производстве продовольствия (особенно основных продовольственных товаров) и спросе на него в глобальном масштабе. В долгосрочной перспективе, согласно Сельскохозяйственному прогнозу ОЭСР-ФАО на 2020–2029

годы пандемия в ближайшие несколько лет сократит спрос и может еще больше подорвать продовольственную безопасность. Продовольственные рынки ожидает длительная неопределенность [4]. При этом международные эксперты полагают, что агропродовольственный сектор, вероятно, продемонстрирует большую устойчивость к пандемическому кризису, чем другие сектора.

При этом отмечается, что производство и спрос на основные продовольственные товары будет меняться. Например, несмотря на принесенную пандемией неопределенность, согласно первым прогнозам ФАО, в сезоне 2020–2021 годов на рынках зерновых сохраняется благоприятное соотношение спроса и предложения. В то же время ожидается, что общее производство мяса в мире снизится вследствие болезни животных, связанных с COVID-19, дезорганизацией рынка и сохраняющихся последствий засух. Пандемия COVID-19 продолжит существенно сказываться и на рынках морепродуктов, в особенности свежей продукции и популярных видов, закупаемых ресторанами [4].

Международные эксперты ФАО полагают, что при условии сохранения проявившихся в течение прошедшего десятилетия тенденций мир может не достичь нулевого показателя голода к 2030 году. Несмотря на некоторый прогресс, большая часть показателей прогноза свидетельствует о запаздывании в достижении глобальных целей в области питания [4]. Воздействие пандемии COVID-19 на здравоохранение, социальную и экономическую сферы может остановить дальнейшее снижение уровня продовольственной безопасности и ухудшение пищевого статуса наиболее уязвимых групп населения [8].

В аналитическом документе, подготовленном ФАО и ВПП [3], перечислены 27 стран из всех регионов мира, ситуация в которых балансирует на грани продовольственного кризиса, поскольку пандемия COVID-19 обострила уже существующие в этих странах факторы, обуславливающие голод. Страны, находящиеся в сильной зависимости от экспорта сырьевых товаров (продовольствия, сырья, топлива), страдают от значительного спада спроса со стороны развитых стран. Страны в Африке не могут экспортировать свою продукцию (например, нефть, хлопок). Кроме того, ситуация в малых островных государствах и территориях осложнилась из-за того, что прекратился туризм – важный источник доходов. Также малые островные государства зависят от экспорта нефти. К уязвимым группам относятся и мелкие фермерские хозяйства, мигранты и работники в неформальном секторе, пастбищные скотоводы и рыбаки.

Серьезный характер носит усугубление пандемией существующих кризисов, таких как конфликты, стихийные бедствия, изменения климата, вредители и болезни животных, которые уже увеличивают нагрузку на продовольственные системы и влекут за собой отсутствие продовольственной безопасности в разных странах. Результаты анализа Комплексной классификации стадий продовольственной безопасности (ККС) указывают на тревожное ухудшение острой формы отсутствия продовольственной безопасности в странах, уже страдающих от других кризисов.

В выходных документах и выступлениях директора ФАО Цюй Дунъюй неоднократно подчеркивается, что неэффективные политические решения могут спровоцировать продовольственный кризис и привести к гуманитарной катастрофе [6].

С целью минимизации разрушительных последствий COVID-19 для продовольственной безопасности необходимо преобразовать глобальные продовольственные системы, сделав их более устойчивыми справедливыми и невосприимчивыми к внешним воздействиям.

В этом плане представляется целесообразным рассмотреть рекомендации и предпринимаемые ФАО меры, направленные на смягчение рисков пандемии для продовольственной безопасности.

ФАО проводит работу по объединению усилий правительств и различных заинтересованных сторон, призывая их действовать сообща, предоставляет технические консультации, предлагает инвестиционную поддержку для использования всех форм партнерских связей и финансирования.

Следует выделить основные направления этой деятельности.

Во-первых – это создание мониторинга глобальной ситуации и анализа рисков продовольственной безопасности, позволяющее своевременно выявить страны и группы населения, наиболее подверженные угрозе нехватки продовольствия, а также оценивать воздействие пандемии и ответных мер на мелких фермеров и других участников производственно-сбытовой цепочки [5]. Мониторинг предполагает формирование системы сбора и анализа данных, включая определение показателей и источников данных, наиболее подходящих для оценки воздействия пандемии.

Для того, чтобы страны могли принимать обоснованные решения и уменьшать последствия COVID-19, ФАО предоставляет доступ к данным высокого качества, острая потребность в которых возникла с самого начала пандемии. Так, ФАО, Глобальный Альянс за улучшение питания и Альянс Университета Джонса Хопкинса запустили Информационную Панель с данными о продовольственных системах в более чем 230 странах и территориях. Также была запущена Платформа геопространственных данных, созданная в рамках инициативы «Рука об руку», призванная укрепить продовольственный и сельскохозяйственные сектора после окончания пандемии COVID-19. Платформа обеспечивает доступ к более чем миллиону геопространственных слоев и тысячам статистических выкладок, охватывающих более десяти связанных с продовольствием и сельским хозяйством тематик [10].

Во-вторых, расширение мер социальной защиты для населения сельских регионов.

Поддержка доходов и доступа к продуктам питания для наиболее уязвимых групп населения осуществляется путем предоставления мелким фермерам семян, инструментов, кормов; оказание ветеринарной помощи; обеспечение системами по хранению продовольствия, домашней птицей и прочим мелким скотом; взаимодействие с правительством, местными и другими партнерами по вопросам социальной защиты [8].

Особенно важна активизация деятельности в странах, уже пострадавших от продовольственного и других кризисов, где воздействие COVID-19 может быть разрушительным. Эта деятельность включает расширение программ распределения денежных средств и ваучеров; совершенствование сбора и анализа данных по уровню голода, позволяющих организациям принимать более эффективные меры; сохранение производства продовольствия, в том числе за счет расширения масштабов деятельности, чтобы фермеры смогли в полной мере провести предстоящие посевные кампании; усиление поддержки постпроизводственной деятельности, такой как сбор урожая, хранение, мелкомасштабная переработка и консервация; облегчение доступа производителей на рынки для обеспечения сохранения функционирования продовольственных товаропроводящих цепочек; повышение информированности, направленной на то, чтобы занятые поддержанием функционирования продовольственных товаропроводящих цепочек, не подвергались опасности распространения COVID-19.

Расширяются масштабы инновационных подходов, в том числе оказание денежной поддержки путем переводов на мобильные телефоны уязвимым сельским общинам денежных средств. Такой подход позволяет соблюдать ограничение на передвижение и способствует усилиям по предотвращению распространения вируса [10].

ФАО считает, что для оказания поддержки фермерам и их организациям необходимо разрешить передвижение сезонных рабочих и перевозчиков через внутренние и международные границы. Другой полезной мерой было бы создание центральных складов вблизи производителей, например, можно было бы организовать центры хранения, подобные платформам систем складских свидетельств, куда фермеры могли бы доставлять свою продукцию без необходимости отправляться на рынок. По возможности местные рынки нужно сохранять открытыми, вводя строгие меры соблюдения физической дистанции как внутри, так и снаружи рынка. При необходимости рынки можно перевести в более крупные помещения при наличии необходимой инфраструктуры для поддержания качества и безопасности пищевых продуктов.

По мнению ФАО, важными направлениями деятельности являются повышение осведомленности о требованиях безопасности продуктов питания во время COVID-19 и внедрение лучших практик по снижению риска распространения инфекции.

Суммарно целостная картина предлагаемых ФАО рекомендаций представлена в Комплексной Программе ответных мер и восстановления в связи с COVID-19, направленной на предотвращение глобальной чрезвычайной ситуации с поставками продовольствия в период пандемии COVID-19 и после ее окончания при одновременной разработке среднесрочных и долгосрочных мер по обеспечению продовольственной безопасности и питания [9]. В ней определены семь ключевых приоритетных направлений:

- адаптация Глобального плана гуманитарных мер с учетом последствий COVID-19;
- повышение качества данных для выработки решений;
- обеспечение инклюзивности экономики и социальной защиты для сокращения масштабов нищеты;
- развитие торговли и разработка стандартов безопасности пищевых продуктов;
- укрепление устойчивости малоземельных фермеров к воздействию внешних факторов в интересах восстановления;
- предотвращение появления новых пандемических зоонозов на основе укрепленного подхода «Единое здоровье»;
- преобразование, по мере возможности, продовольственных систем.

Международные аналитики заявляют о необходимости переориентации и преобразования продовольственных систем после окончания пандемии COVID-19 с целью повышения устойчивости к внешним воздействиям и экологической безопасности.

На заседании 47-й Сессии Комитета по всемирной продовольственной безопасности был представлен и одобрен проект доклада «Voluntary Guidelines on Food Systems and Nutrition» («Добровольные рекомендации по продовольственным системам в интересах питания»). Анализ структуры этих рекомендаций позволяет выделить наиболее важные направления преобразований, их задачи и основополагающие принципы: руководство продовольственными системами на принципах прозрачности, демократичности и подотчетности; обеспечение устойчивости продовольственных товаропроводящих цепочек для улучшения качества рациона и питания в контексте изменения климата; повышение роли устойчивых продовольственных систем в обеспечении справедливого доступа к здоровому рациону; обеспечение безопасности пищевых продуктов в рамках устойчивости продовольственных систем [7]. В структуре документа отражены и тематические направления, связанные с социо-культурными аспектами развития продовольственных систем: социальные отношения и культура питания; гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в продовольственных системах; защита наиболее уязвимых в плане неполноценного питания групп населения; обеспечение невосприимчивости продовольственных систем к внешним воздействиям в гуманитарном контексте. Выделяются и задачи в области информационного обеспечения: проведение информационно-просветительской работы по вопросам здорового рациона; распространение местных знаний по повышению культуры питания; содействие созданию информационно-консультационных центров по соответствующим вопросам.

Обсуждение положений доклада «Voluntary Guidelines on Food Systems and Nutrition» открыто для международной общественности. Дискуссии по поводу этих рекомендаций предполагается провести во время работы Саммита по продовольственным системам в 2021 году. Основным посылом созыва этого форума стало международное признание того, что в результате негативного влияния пандемии COVID-19 продовольственные системы современного мира нуждаются в преобразованиях в интересах человека, природы и климата и общего будущего.

На заседаниях Саммита будут рассматриваться и обсуждаться возможности создания здоровых устойчивых и инклюзивных продовольственных систем, обеспечивающих развитие мира без бедности и голода, мира инклюзивного роста, экологической устойчивости и социальной справедливости.

Пять ключевых направлений заложены в организацию работы Саммита:

1. Обеспечение для всех людей доступа к безопасным и питательным продуктам;
2. Переход к устойчивым моделям потребления;
3. Укрепление положительного воздействия на природу;
4. Содействие равномерному распределению ресурсов и доходов;
5. Повышение устойчивости продовольственных систем в условиях неблагоприятных кризисных ситуаций.

Генеральный секретарь ООН Атониу Гутерриш призывает объединить усилия и кардинально изменить подход к производству, переработке и потреблению продуктов питания, раскрыть потенциал взаимодействия между уже существующими и только формирующимися региональными и страновыми инициативами и альянсами для поддержки агропродовольственных систем. Глобальные идеи Саммита и итоговые рекомендации будут опираться на собранную доказательную базу и накопленные в этом процессе знания.

Заключение.

Таким образом, распространение пандемии COVID-19 обусловило широкий круг проблем изменения глобального общества, вызвало целый комплекс объективных и инициированных вызовов, угроз и рисков для развития агропродовольственного сектора экономики.

Для предотвращения чрезвычайной ситуации со снабжением и доступом к продовольствию необходимо поддержать функционирование глобальных продовольственных товаропроизводящих цепочек, защитить наиболее уязвимые группы населения, смягчить социально-экономические последствия пандемии во всей продовольственной системе, сделав ее более устойчивой к внешним воздействиям.

Позиция ФАО играет важную роль в мобилизации быстрых и инновационных мер реагирования на последствия пандемии для продовольственного сектора, и в плане расширения международного взаимодействия. Большую ценность представляет опыт ФАО в области сотрудничества с другими международными организациями по таким направлениям, как создание мониторинга глобальной ситуации и анализа рисков продовольственной безопасности; формирование системы сбора и анализа данных для оценки воздействия пандемии; создание площадок для дискуссий и обмена опытом экспертов и специалистов; мобилизация политической, финансовой и технической помощи для стран, затронутых общим кризисом; разработка проектов и программ социальной защиты наиболее уязвимых групп населения; распространение передового опыта и научно-технических знаний.

Положительный опыт реализации аграрной политики европейских стран ФАО может быть использован в российских условиях. При формировании политики, направленной на трансформацию агропродовольственных систем в России, следует учитывать задачи решения тех глобальных проблем, на которых акцентирует внимание ФАО: создание нормативных рамок, способствующих устойчивому развитию; использование потенциала международных организаций и региональных объединений для воздействия на кризисную ситуацию; задействование механизмов глобального и расширение базы регионального управления для решения проблем продовольственной безопасности; использование достижений научно-технического прогресса для решения проблем питания, здравоохранения и окружающей среды в сочетании с оперативным распространением актуальных информационных и телекоммуникационных технологий.

Широкая документальная база разработок ФАО в этой сфере представляет также значимое информационное поле для российской науки с точки зрения изучения исследовательских трендов и применения материалов в практике отечественных исследований.

Список литературы:

1. The State of Food Security and Nutrition in the World 2020: Transforming Food Systems for Affordable Healthy Diets / FAO. – 2020. – URL: <http://www.fao.org/publications/sofi/2020/en/>
2. Global Report on Food Crises. Joint Analysis for Better Decisions. – 2020. – URL: https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC_2020_ONLINE_200420.pdf

3. FAO-WFP Early Warning Analysis of Acute Food Insecurity Hotspots. – 2020. – URL: <http://www.fao.org/3/cb1907en/CB1907EN.pdf>
4. OECD – FAO Agricultural Look 2020-2029/FAO. – 2020. – URL: <http://www.fao.org/publications/oecd-fao-agricultural-outlook/2020-2029/en/>
5. Responding to the Impact of the COVID-19 Outbreaks on Food Value Chains through Efficient Logistics / FAO. – 2020. – URL: <http://www.fao.org/3/ca8466en/CA8466EN.pdf>
6. Keeping Food and Agricultural Systems Alive: Analysis and Solutions in Response to COVID-19 / FAO. – 2020. – URL: <http://www.fao.org/3/ca8822en/CA8822EN.pdf>
7. Voluntary Guidelines on Food Systems and Nutrition / FAO. – 2021. – URL: http://www.fao.org/fileadmin/templates/cfs/Docs1920/Nutrition_Food_System/Russian_Federation.pdf
8. The Global COVID-19 Humanitarian Response Plan / FAO. – 2020. – URL: <http://www.humanitarianresponse.info/ru/programme-cycle/space/document/Covid-19-global-humanitarian-response-plan>
9. FAO COVID-19 Response and Recovery Programme / FAO. – 2020. – URL: <http://fao.org/3/cb0439en/CB0439EN.pdf>
10. Вопросы и ответы: пандемия Covid-19 – последствия для продовольствия. – URL: <http://www.fao.org/2019-ncov/q-and-a/impact-on-food-and-agriculture/ru/>

Для цитирования: Фисенко Н.А. Экспертная оценка особенностей развития агропродовольственных систем в условиях пандемии // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 56-64.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦЕНОВОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИЙСКИХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ НА МИРОВОМ РЫНКЕ

Воронов А.С., м.н.с., ИАГП РАН

В статье проанализирована динамика совокупного коэффициента номинальной защиты производителя для сельского хозяйства России и ряда стран с близкими конкурентными преимуществами. Подробно рассмотрены коэффициенты защиты продукции растениеводства (пшеница, подсолнечник, кукуруза и сахар) и животноводства (говядина, свинина, мясо курицы). Зафиксировано формирование модели экономического роста сельскохозяйственной отрасли за счет отрицательной ценовой поддержки потребителей. Сделан вывод о необходимости согласования механизмов контроля ценообразования на внутреннем рынке сельскохозяйственной продукции и государственной поддержки экспорта.

Ключевые слова: государственная поддержка, аграрная политика, конкурентоспособность, номинальный коэффициент защиты производителя, ценовая защита, внутренний рынок, мировой рынок, агропродовольственные товары

PROSPECTS OF PRICE COMPETITIVENESS OF RUSSIAN PRODUCERS IN THE WORLD MARKET

Voronov A.S., younger researcher, IAgP RAS

The article analyzes the dynamics of the aggregate coefficient of the producer's nominal protection for agriculture in Russia and in a number of countries with similar competitive advantages. The factors of protection of crop production (wheat, sunflower, corn and sugar) and livestock production (beef, pork, chicken meat) are considered in detail. The formation of a model of economic growth in the agricultural sector due to negative price support of consumers is fixed. It is concluded that it is necessary to agree on mechanisms for controlling pricing in the domestic market of agricultural products and state support for exports.

Key words: government support, agricultural policy, competitiveness, nominal producer protection factor, price protection, domestic market, world market, agri-food products

Введение.

Появление новых вызовов и рисков, связанных с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой, усилило давление на мировой агропродовольственный рынок. Происходит усиление протекционизма для стабилизации социально-экономического положения. Это требует оценки специфических форм регулирования ценовых пропорций, государственной поддержки производства продуктов питания.

Целью исследования является анализ конкурентных преимуществ национальных производителей агропродовольственных товаров на мировом рынке.

Методика исследований основана на индексе выявленного сравнительного преимущества [1]. Номинальный коэффициент защиты (НКЗ) рассчитывается как соотношение между средней ценой внутри страны и ценой на мировом рынке в национальной валюте. На значение используемого коэффициента не влияет завышение или занижение курса национальной валюты. Если $НКЗ > 1$, то это означает, что мировая цена на продукт ниже цены внутреннего рынка, и отечественные производители получают положительный трансферт (от государства или от населения), но без государственной поддержки они неконкурентоспособны. Значение коэффициента больше единицы означает для потребителей отрицательную защиту. $НКЗ < 1$ говорит о ущемлении товаропроизводителей, при этом потребители находятся в выгодном положении. При $НКЗ = 1$ производители, потребители и посредники имеют внутренние цены, равные мировым.

Результаты исследования.

Представлены значения номинального коэффициента защиты производителя для ЕС, США, России, Казахстана и Украины в целом, рассчитанные на основе средневзвешенного коэффициента НКЗ для 13 товарных агрегатов (рис. 1) [2].

Значение среднего НКЗ для России в 2002-2004 составило 1,09. Наибольшую поддержку (по отношению к их стоимости) среди продовольственных товаров получили: молоко - 28%, сахар - 25%, а также говядина и телятина - 23%. В 2007-2009 годы коэффициент составил 1,13 и уменьшился до 1,08 в 2012-2014.

Значения НКЗ в период с 2012 по 2014 годы можно объяснить процессом сближения цен внутреннего рынка с мировыми. Присоединение к ВТО в конце августа 2012 года потребовало снизить пошлины на импортную сельскохозяйственную продукцию и перепрограммировать меры государственной поддержки производства. Внешнее санкционное давление, ответные контр-санкции (в виде запрета импорта продовольственных товаров) привели к резкому ослаблению курса рубля в 2015-2017 годы и уменьшению ценовой защиты.

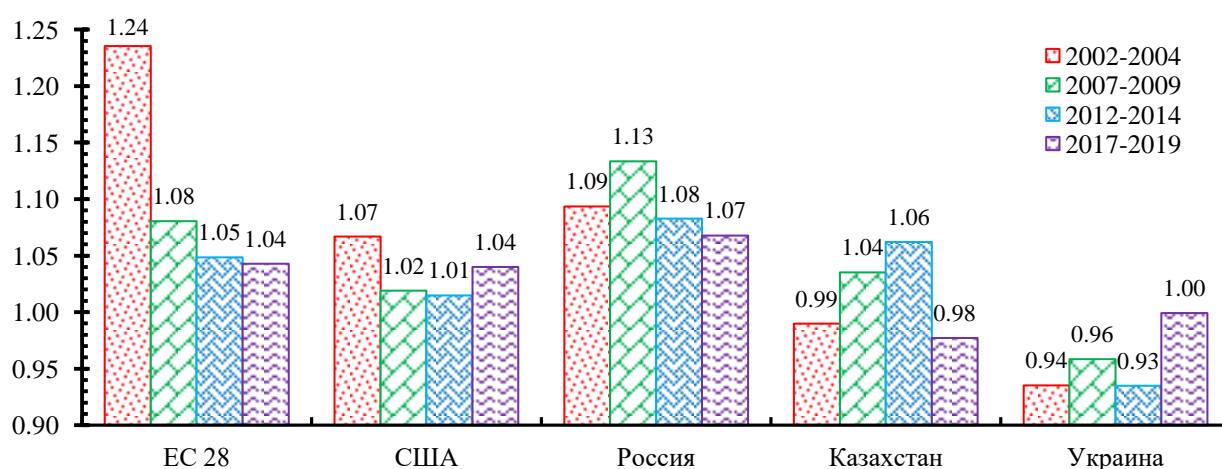

Рисунок 1 - Значения НКЗ для ЕС 28, США, России, Украины и Казахстана

Негативным фактором стала необходимость досрочного погашения иностранных инвестиционных кредитов. Повышение коэффициента до 1,09 в 2016 году связано с резким ростом цен на внутреннем рынке. Вывод с внутреннего рынка большого объема импортной мясо-молочной продукции и отсутствие возможности резко нарастить собственное производство снизили национальную продовольственную безопасность.

Отечественные потребители фактически оплатили поддержку товаропроизводителей, посредством положительного ценового трансферта (рис.2). В 2017-2019 годах уровень цен на российском внутреннем рынке агропродовольственной продукции был в среднем на 7% выше, чем на мировых рынках.

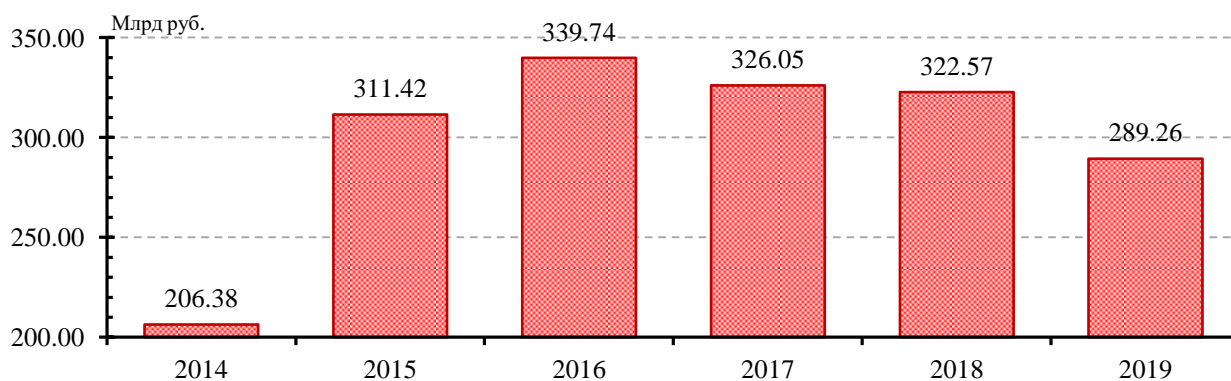

Рисунок 2- Объемы ценового трансферта производителям от населения, млрд руб. (в текущих ценах)

Положительный ценовой трансферт производителям от потребителей агропродовольственных товаров увеличился в 2016 году до 339,74 млрд руб [2]. В 2019 году продолжает сохраняться ситуация, когда экономический рост в отрасли обеспечивается отрицательной ценовой поддержкой потребителей. Риски продолжительного существования таких условий заключаются в снижении уровня жизни населения страны и одновременно в утрате стимулов повышения конкурентоспособности у товаропроизводителей.

В странах-конкурентах России на мировом агропродовольственном рынке сложились различные модели поддержания экономического роста.

Для украинских сельскохозяйственных товаропроизводителей период с 2002 по 2017 годы был в значительной мере комфортным, среднее значение НКЗ составляло 0,93 (рис.1). Складывающиеся на мировом рынке цены были на 9% выше, чем на внутреннем, позволяя экспортерам делать выгодные предложения, оставаясь в комфортных условиях. Внутренние цены на некоторые виды зерновых, семена подсолнечника и молоко в целом были несколько ниже мировых. За исключением мясо-молочной продукции внутренние потребители получали положительную ценовую поддержку. Объемы оказываемой государством связанной и не связанной поддержки были минимальны, внутренние цены подвергались регулированию незначительно. Рост НКЗ до единицы в период с 2017 по 2019 годы связан с защитой импортными пошлинами отдельных мясных продуктов и белого сахара.

Присоединение Украины в 2008 году (на четыре года раньше России) к Всемирной торговой организации повлияло на аграрный сектор. Рост открытости внутреннего рынка заставил национальных производителей существенно пересмотреть производственную структуру и сделать ставку на производстве коммерчески выгодных культур, в первую очередь, зерновых и масличных, отказавших от неконкурентоспособных отраслей животноводства (производство свинины).

Значения среднего НКЗ для Республики Казахстан показало заметное снижение в 2014-16 годах. Влияние было связано с существенным падением коэффициента для пшеницы (рис. 4) и других продуктов растениеводства в 2016 году. Реализацией планов по уменьшению количества оказываемых государством видов государственной поддержки. В 2017-19 годы Министерство сельского хозяйства продолжило начатые в 2016 году изменения (количество направлений уменьшено с 65 до 54). Общие объемы государственной поддержки остались в пределах прежних объемов. Нововведения затронули племенное скотоводство, субсидирование затрат на корма, инвестиций. Реализованы системы интервенционных закупок для поддержки внутренних цен на зерно и стабилизации потребительских цен на ряд продовольственных товаров. Закупки производятся по рыночной цене сложившейся на момент окончания сбора урожая.

Совокупный НКЗ для стран членов Европейского союза с 2002 по 2004 год составил 1,28. Периоды 2007-2009 и 2012-2014 характеризуется последовательным снижением государственной поддержки на фоне роста мировых цен. Значения коэффициента составили в среднем 1,08 и 1,05. В 2015 году происходит отмена квотирования производства молока, в 2017 году - белого сахара. С 2013 года происходит фактический отказ от искажающих внутренние цены субсидий и инструментов сдерживания волатильности [3, 4, 5, 6]. Механизмы, рекомендованные принятой в 2014 году Общей сельскохозяйственной политикой (CAP 14-20), можно охарактеризовать, как продолжение последовательной политики отказа от механизмов регулирования рынков аграрной продукции. Приоритизация вопросов обеспечения экологических мероприятий стала преобладающей. Тем не менее, реализация программы позволила отдельным странам ЕС увеличить предоставление связанной государственной поддержки для ряда агропродовольственных товаров. Классификация связанной поддержки, направленной на ведение «зеленого» ресурсосберегающего сельского хозяйства, дала возможность остаться в рамках правил ВТО.

Совокупный НКЗ, как интегральный показатель имеет недостаток. Так, для России сглаживается эффект от экспортных пошлин на пшеницу, семена подсолнечника, тарифных квот на ввоз белого сахара и продуктов животноводства, актуализируя необходимым рас-

смотреть номинальный коэффициент защиты производителя для основных российских сельскохозяйственных товаров (рис. 3).

По говядине за рассматриваемые 15 лет значения НКЗ были значительно больше единицы. Цены, предлагаемые отечественными производителями, были выше мировых в 2013 году на 58%, сократившись в дальнейшем до 20%.

По свинине среднее НКЗ в период с 2007-2009 годы составлял 1,89 (с учетом взимаемых тарифных квот). Цены на охлажденную свинину, ввозимую в страну, были в 2 раза меньше предлагаемой отечественными производителями. Без государственного субсидирования внутреннее производство оказалось неконкурентоспособным. Под влиянием требований ВТО с 2012 по 2014 год цены на внутреннем рынке заметно сблизились с мировыми. В 2017-2019 годы значение коэффициента стало составлять 1,25. Фиксируется заметное укрепление конкурентных преимуществ. Крупные агрохолдинги увеличили объемы производства, завершив крупные инвестиционные проекты по модернизации существующих и строительству новых свинокомплексов.

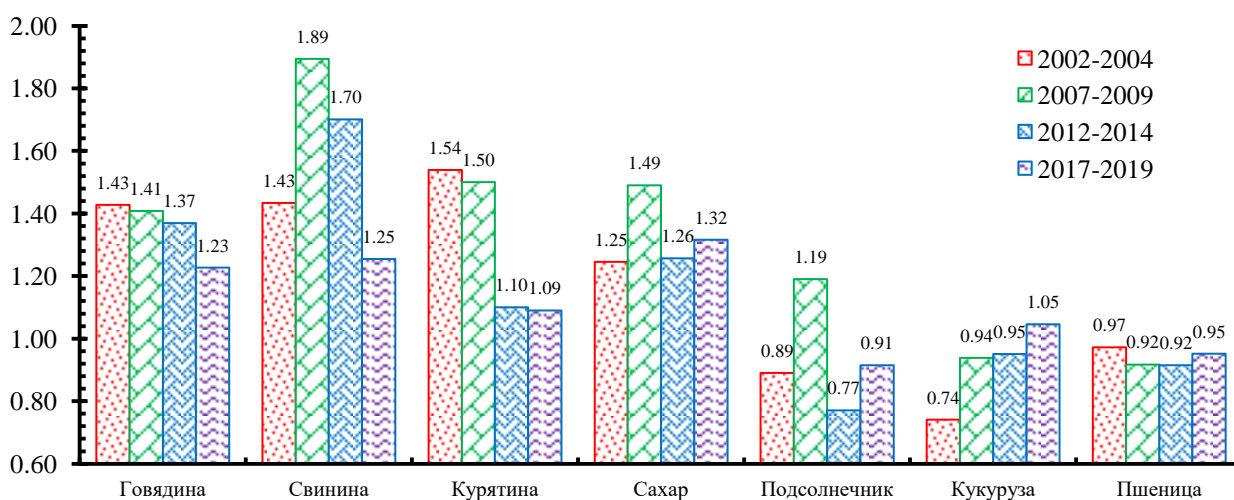

Рисунок 3 - Значение НКЗ для ряда отечественных сельскохозяйственных товаров

Пшеница, подсолнечник и кукуруза устойчиво конкурентоспособны (средние значения НКЗ для данных культур были менее единицы). Сложившийся негативный ценовой трансферт на внутреннем рынке стимулировал производителей развивать экспортную инфраструктуру и налаживать экспортные связи. Ослабление рубля привело к экспансии на внешние рынки и гонке за валютной выручкой. Необходима диверсификация и дополнительные вложения в производство пшеницы первого и второго классов для выхода на другие ценовые сегменты мирового рынка.

Активный экспорт масла и семян подсолнечника обеспечивается высокой конкурентоспособностью. Для производителей возделывание культуры является одним из самых высококорентабельных. Значения НКЗ с 2012 по 2019 годы стабильно менее единицы, позволяя реализовывать подсолнечник на 10% дешевле цен внешнего рынка. Наиболее сильным конкурентом на перспективном для российского экспорта рынке масложировой продукции является Украина.

Номинальный коэффициент защиты для сахара колеблется в пределах от 1,25 до 1,49. В 2020 году произошло снижение внутренних цен, сделав конкурентоспособным экспорт белого сахара и кондитерских изделий из сахара. Резкая интенсификация экспорта была вызвана накоплением значительных запасов на конец 2019 года и снижением ввозных пошлин Республикой Узбекистан. Снижение урожайности и сокращение посевных площадей привели к резкому росту внутренних цен, вынудив правительство предоставить тарифную льготу в виде беспошлинного ввоза с 15 мая до 30 сентября 2021 года.

Обоснование экспортоориентированной стратегии требует учета потенциальных возможностей стран (территориальных соседей) с близкими конкурентными товарными позициями. В рамках Каспийской и Азово-Черноморской зоны зернового экспорта Россия, Казахстан и Украина обладают схожими профилями конкурентных преимуществ. Нескоординированные экспортные поставки крупных партий товара сопоставимого качества на мировой рынок отрицательно влияют на уровень цен и сокращают доходность. Особенно четко тенденция проявилась в период с 2015 по 2017 годы. Складывается тенденция выравнивания цен внутреннего и мирового рынков (рис.4). НКЗ для российской пшеницы в 2019 году имело значение 0,99.

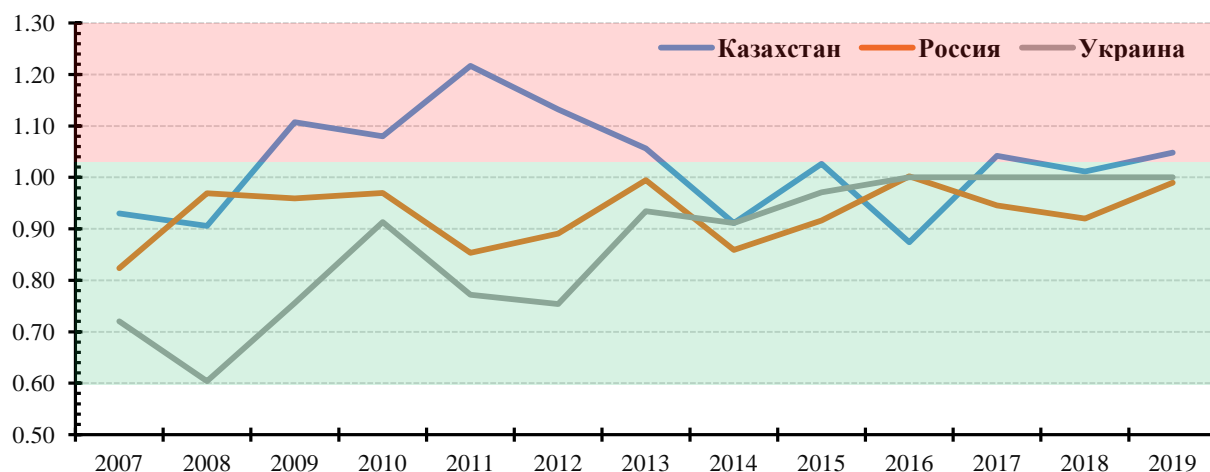

Рисунок 4 - Значения номинального коэффициента защиты производителя для пшеницы

Необходимо учитывать возможное влияние на цены оператора аграрного сектора Украины АО «Аграрный фонд» и Государственной продовольственно-зерновой корпорации Украины, заключающих последние годы меморандумы о взаимопонимании по экспорту зерна.

Заключение.

Начиная с 2012 года российские производители последовательно реализовывали конкурентные преимущества на мировом рынке пшеницы, значение НКЗ не превышало единицы. Ряд рекордных урожаев позволил увеличить объемы экспорта, не нанося ущерба внутреннему рынку. Тем не менее, резкий рост зарубежного спроса на пшеницу и другие зерновые в конце 2020 года вызвал повышение цен на внутреннем рынке. Для стабилизации стоимости муки и хлеба были установлены тарифные квоты на экспорт и экспортная пошлина. Становится очевидной необходимость отладки инструментов вмешательства государства в цены на внутреннем зерновом рынке. Экспортные пошлины и зерновые интервенции противостоят концентрации государственной поддержки экспорта. Снижение реально-располагаемых доходов населения приводит к исчерпанию возможностей поддерживать сельское хозяйство через положительный ценовой трансферт.

Список литературы:

1. OECD.org. - URL: <https://www.oecd.org/agriculture/topics/agricultural-policy-monitoring-and-evaluation/documents/producer-support-estimates-manual.pdf>
2. OECD. StatSinglecommodityindicators. - URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66237>
3. OECD (2020). - URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/928181a8-en/1/3/2/10/index.html?itemId=/content/publication/928181a8-en&csp_2101acf3044857a6975685747086cf09&itemIGO=oecd&itemContentType=book

4. OECD (2019), - URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/39bfe6f3-en/1/2/2/10/index.html?itemId=/content/publication/39bfe6f3-en&_csp_=51ec64fa22c00b0491ec73dc26aa9d45&itemIGO=oecd&itemContentType=book
5. OECD (2018). - URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/agr_pol-2018-en/1/2/2/9/index.html?itemId=/content/publication/agr_pol-2018-en&_csp_=c0d871f9011dc66677f6282cd85867e3&itemIGO=oecd&itemContentType=book#chapter-d1e13992
6. OECD (2017). - URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/agr_pol-2017-en/1/2/2/index.html?itemId=/content/publication/agr_pol-2017-en&_csp_=ff73ab77aadfeb504efa8fa0b7e87b&itemIGO=oecd&itemContentType=book#chap00002 68

Для цитирования: Воронов А.С. Перспективы ценовой конкурентоспособности российских производителей на мировом рынке // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 65-70.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ¹

Монахов С.В., к.э.н., Шиханова Ю.А., к.э.н., Потоцкая Л.Н., к.э.н.,
ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ им. Н.И. Вавилова

Представлены основные направления совершенствования трансфера технологий в современном сельском хозяйстве, рассмотрены основные методы активизации процесса трансфера технологий. Сделан вывод о том, что при совершенствовании системы методического обеспечения трансфера технологий и создании ситуационно-ориентированной системы методов трансфера технологий в аграрном секторе экономики необходимо учитывать особенности ведения сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: методическое обеспечение, трансфер технологий, цифровизация, аграрная экономика.

IMPROVING METHODOLOGICAL SUPPORT FOR TECHNOLOGY TRANSFER IN AGRICULTURE

Monakhov S.V., candidate of economic sciences,
Shikhanova Yu.A., candidate of economic sciences,
Pototskaya L.N., candidate of economic sciences,
Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov,

In the article, the authors present the main directions of improving technology transfer in modern agriculture. The main methods of activating the process of technology transfer are considered. It is concluded that when improving the system of methodological support for technology transfer and creating a situation-oriented system of technology transfer methods in the agricultural sector of the economy, it is necessary to take into account the peculiarities of agricultural production.

Key words: methodological support, technology transfer, digitalization, agricultural economy.

Введение.

Совершенствование методического обеспечения трансфера технологий является одной из ключевых задач современной аграрной экономической науки. При этом необходимо основываться на сочетании системного и функционального подходов, образуя устойчивую систему, развитие которой заключается в изменении в процессе функционирования ее основных параметров при сохранении стабильности основных элементов механизма трансфера технологий.

Цель исследования заключалась в исследовании современного уровня методического обеспечения трансфера технологий в сельском хозяйстве и разработки на этой основе предложений по его совершенствованию.

Результаты исследований.

В качестве основных направлений совершенствования методического обеспечения трансфера технологий в сельском хозяйстве, развития межрегионального обмена высокотехнологичной продукцией (информационными потоками), рационального использования производственного и экономического потенциала с учетом преимуществ совершенствования институциональной среды трансфера можно выделить:

- обобщение и систематизация теоретических основ разработки методов как практически значимых направлений или способов повышения эффективности механизма трансфера технологий и актуальных проблем устойчивого развития и использования производственно-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00324.

го и экономического потенциала, тенденций и различных социально-экономических факторов;

- обоснование организационно-экономических методов активизации процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве, включая определение приоритетных направлений и поэтапное устойчивое развитие конкретных зон, в частности, при разработке метода формирования стратегии трансфера технологий рекомендованного для оптимизации количественного и качественного использования информационной базы цифрового пространства, технического переоснащения, внедрения новых технологий.

Проводимые авторами исследования [1–3] позволили сформулировать основные параметры и элементы разрабатываемых методов активизации процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве, которые должны отвечать следующим требованиям:

- с целью детализации и повышения достоверности исследований структура методов активизации процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве должна рассматриваться дискретно по основным организационным (управление, координация) и экономическим (финансирование, расчеты) элементам;

- для обеспечения единого подхода предлагаемые методы должны быть дифференцированы с учетом основных особенностей и существующих проблем использования производственного и экономического потенциала с учетом преимуществ совершенствования институциональной среды трансфера высокотехнологичной продукции;

- комплексная завершенность исследований должна быть достигнута при более детальном совершенствовании организационно-экономических структур, взаимодействия и результативности полученных методов устойчивого развития сельских территорий по определенным, наиболее актуальным задачам;

- обоснованность предложений сформулированных при разработке методов активизации процесса трансфера технологий будет обеспечена расчетами экономической эффективности от внедрения результатов исследования.

При разработке организационно-экономических методов активизации процесса трансфера технологий необходимо учитывать основные принципы, в том числе, устойчивости воспроизводственных процессов и самодостаточности механизма трансфера.

Помимо этого при совершенствовании системы методического обеспечения и создании ситуационно-ориентированной системы методов трансфера технологий в аграрном секторе экономики необходимо учесть ряд особенностей:

- основной формирования системы методического обеспечения трансфера технологий является, во-первых, обеспечение сбалансированности и инфраструктурного единства в рамках поддержания равновесия системы, во-вторых, научно-технологическая информационная производственно-экономическая взаимосвязь структурных элементов системы;

- при совершенствовании и разработке организационно-экономических методов активизации процесса трансфера технологий в сельском хозяйстве и формировании системы методов трансфера на основе регулирования деятельности его институтов важно четко распределить задачи для субъектов, а также определить их место в структуре и взаимосвязь со структурными элементами соответствующих методов;

- особое внимание необходимо уделять созданию и функционированию с помощью разрабатываемых методов трансфера, что должно осуществляться на принципах экономической заинтересованности и целесообразности.

Заключение.

Эффективному функционированию механизма трансфера технологий способствует улучшение производственной и рыночной инфраструктуры и повышение инновационно-инвестиционной привлекательности агробизнеса. Формирование данного механизма должно осуществляться в соответствии с логической последовательностью поэтапно, начиная с оценки существующего уровня инновационной и инвестиционной активности предпринимательства, определения целей, задач, элементов, ресурсов, инструментов и рычагов. Для эффективного трансфера технологий значимую роль играет коммерческое использование ин-

теллектуальной собственности. В настоящее время происходит расширение рыночных отношений в сфере интеллектуальной деятельности, предполагающее эффективное внедрение трансфера технологий, а также увеличение лицензионной торговли. Важными факторами, опосредующими формирование эффективного механизма трансфера технологий, на наш взгляд, должны являться правовые отношения, связанные с интеллектуальной собственностью, потоки информационных ресурсов, продвигаемые инструментами цифровой экономики и непосредственно наукоемкий продукт, являющийся результатом НИОКР.

Список литературы:

1. Трансфер технологий в сельском хозяйстве: введение в теорию и совершенствование механизма / Н.В. Уколова [и др.]. – Саратов, Амрит, 2020 – 218 с.
2. Монахов С.В., Шиханова Ю.А., Потоцкая Л.Н. Трансфер технологий и цифровизация сельского хозяйства: эффективность взаимодействия и перспективы развития // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 6. – С. 20–25.
3. Совершенствование трансфера технологий производства высокотехнологичной продукции в аграрном секторе экономики / Н.В. Уколова [и др.] // Фундаментальные исследования. – 2020. – № 3. – С. 113–119.

Для цитирования: Монахов С.В., Шиханова Ю.А., Потоцкая Л.Н. Совершенствование методического обеспечения трансфера технологий в сельском хозяйстве // Региональные агросистемы: экономика и социология. – 2021.- № 2. - С. 71-73.

К ВОПРОСУ ОЦЕНКИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Гаврилова З.В., к.э.н., Богудский В.С., аспирант,
НИИЭОАПК ЦЧР – филиал «Воронежский ФАНЦ им. В.В. Докучаева»

Рассматривается социально-экономическое развитие сельских территорий Воронежской области за 2015–2019 гг. На основе официальной статистической информации проведен анализ развития сельских территорий по направлениям: миграционно-демографическое, социально-трудовое, экономическое и инфраструктурное. Исследование показало, что развитие сельских территорий региона характеризуется снижением численности населения и его естественной убылью, которая не перекрывается даже положительным миграционным приростом. Повышается уровень жизни сельского населения, связанный с ростом заработной платы, прежде всего, в АПК. Отмечаются активное развитие сельского хозяйства, связанное с наращиванием объемов производства в растениеводстве и разведением КРС и свиней. На сельских территориях медленно растет площадь жилья, оснащенного всеми видами благоустройства, а в сфере обеспечения социальной инфраструктурой прослеживаются негативные тенденции.

Ключевые слова: сельские территории, Воронежская область, социально-экономическое развитие, оценка.

ON THE ISSUE OF THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT ASSESSING OF THE VORONEZH REGION RURAL AREAS

Gavrilova Z.V., candidate of economic sciences, Bogutskii V.S., post-graduate student,
RIEOAIC of CBER – branch of FGBSI «Voronezh FASC named after V.V. Dokuchaev»

The article deals with the socio-economic development of rural areas of the Voronezh Region in 2015-2019. On the basis of official statistical information, the analysis of the development of rural areas in the following areas is carried out: migration and demographic, social and labor, economic and infrastructural. The study showed that the development of rural areas in the region is characterized by a decrease in the population and its natural decline, which is not covered even by a positive migration increase. The standard of living of the rural population is increasing. It is associated with the growth of wages, primarily in the agro-industrial complex. There is an active development of agriculture associated with the increase in production volumes in agriculture and the breeding of cattle and pigs. In rural areas, the area of housing equipped with all types of landscaping is slowly growing, and negative trends are observed in the provision of social infrastructure.

Key words: rural territories, Voronezh region, socio-economic development, assessment.

Введение.

Происходящие в настоящее время события мировой общественной жизни затрагивают социально-экономический аспект развития и сельских территорий Воронежской области, где наблюдаются существенные диспропорции в уровне спроса и предложения на сельском рынке труда, низкий уровень развития инфраструктуры, инвестиционная непривлекательность [1], что в совокупности ограничивает формирование и воспроизводство сельского человеческого капитала [2].

Целью настоящего исследования является проведение оценки развития сельских территорий Воронежской области за 2015–2019 гг. по имеющимся в официальной статистике данным.

Методика исследований.

На первоначальном этапе были собраны официальные статистические данные о развитии сельских территорий Воронежской области, которые были разделены на блоки, характеризующие миграционно-демографические, социально-трудовые, экономические и инфраструктурные процессы, происходящие в сельской местности региона. На заключительном этапе авторам вычленили положительные и отрицательные тенденции развития сельских территорий на основе динамического анализа [4].

Результаты исследований.

Выбранная для исследования Воронежская область является развитым аграрно-индустриальным регионом, в котором активно развиваются диверсифицированные процессы в экономике. Численность сельских жителей достигла в 2019 г. 749,2 тыс. чел., заняв в структуре населения долю в 32,2%, что выше среднего значения по России на 7,2%. Сельское население проживает в 417 сельских поселениях и в 1699 сельских населенных пунктах [3].

Анализ миграционно-демографических данных развития сельских территорий Воронежской области показывает, что за указанный промежуток времени численность сельского населения снизилась на 2,9%, или 22 тыс. чел, что повлекло за собой уменьшение доли сельских жителей на 0,9% (таблица 1). Это связано, в первую очередь, с сокращением рождаемости (на 2,0 чел. на 1000 сельского населения), хотя смертность на селе за исследуемый период продолжала снижаться, но медленными темпами, достигнув в 2019 г. уровня 16,4 чел. на 1000 сельского населения. Поэтому коэффициент естественного прироста за указанный интервал времени практически не изменился, его увеличение составило всего 0,1 чел. на 1000 сельского населения. Положительный миграционный прирост, выросший всего на 0,1 чел. на 1000 сельского населения за 2015–2019 гг., не смог перекрыть отрицательный естественный прирост.

Таблица 1 – Миграционно-демографические показатели развития сельских территорий Воронежской области в 2015–2019 гг.

Показатель	Год					2019 г. к 2015 г., п.п.
	2015	2016	2017	2018	2019	
Численность сельского населения, тыс. чел.	771,2	766,6	762,9	757,4	749,2	97,1
Доля сельского населения, %	33,1	32,9	32,7	32,5	32,2	-0,9
Коэффициент рождаемости на 1 тыс. чел.	8,8	8,6	7,8	7,3	6,8	-2,0
Коэффициент смертности на 1 тыс. чел.	18,5	18,1	17,3	17,4	16,4	-2,1
Общий коэффициент естественного прироста	-9,7	-9,5	-9,5	-10,1	-9,6	0,1
Миграционный прирост на 1 тыс. чел.	3,6	4,7	2,2	-0,8	3,7	0,1
Число детей, умерших в возрасте до 1 года на 10 тыс. родившихся живыми	35,7	36,1	29,3	38,8	13,6	-22,1

Источник: рассчитано автором на основании данных [3]; здесь и далее.

Позитивным является тот факт, что значительно сократилось число детей, умерших в возрасте до 1 года – на 22,1 чел. на 10 тыс. родившихся живыми.

Сокращение численности сельского населения привело к снижению уровня участия жителей в рабочей силе на 8,0%, что также повлекло за собой снижение уровня занятости на селе на 6,7%. Однако благодаря тому, что Воронежская область является развитым аграрным регионом с активно занятым населением в сфере сельского хозяйства [5], доля населения работающего в сельскохозяйственном секторе за 2015–2019 гг. изменилась незначительно, варьируя от 12,3 до 13,4%, занимая стабильно второе–третье место в структуре занятости. Также снизился и уровень безработицы в сельской местности Воронежской области – 1,3% (таблица 2).

Таблица 2 – Социально-трудовые показатели развития сельских территорий Воронежской области в 2015–2019 гг.

Показатель	Год					2019 г. к 2015 г., п.п.
	2015	2016	2017	2018	2019	
Уровень участия в рабочей силе, %	61,2	60,6	53,8	53,2	53,2	-8,0
Уровень занятости, %	56,8	55,8	49,9	50,1	50,1	-6,7
Уровень безработицы, %	7,1	8,0	7,3	5,8	5,8	-1,3
Доля занятого населения в сельском хозяйстве, %	13,0	13,4	13,3	13,3	12,3	-0,7

Важность аграрной отрасли для развития сельских территорий [6] подтверждает и тот факт, что доля производимой ею продукции в валовом региональном продукте за 2015–2019 гг. занимала 2-3 место среди всех видов деятельности, а прирост валового регионального продукта на одного сельского жителя составил 1,7 тыс. руб., или 1,0% (таблица 3).

Таблица 3 – Экономические показатели развития сельских территорий Воронежской области в 2015–2019 гг.

Показатель	Год					2019 г. к 2015 г., п.п.
	2015	2016	2017	2018	2019	
Валовый региональный продукт сельского хозяйства на 1 чел., тыс. руб.	163,6	154,0	163,2	172,0	165,3	101,0
Средняя заработная плата по области, руб.	24906	26335	28007	31207	33690	135,3
Заработная плата в сельском хозяйстве, руб.	20569	23567	25090	28505	30790	149,7
Соотношение заработной платы в сельском хозяйстве со средним уровнем по области, %	82,6	89,5	89,6	91,3	91,4	8,8
Уровень жизни (соотношение средней заработной платы с прожиточным минимумом)	2,9	3,0	3,2	3,4	3,5	0,6

Также имел место рост благосостояния работающих в секторе сельского хозяйства [7], что видно по увеличению заработной платы за указанный период на 49,7%, или 10221 руб. и ее соотношения с уровнем средней заработной платы по региону на 8,8%. Уровень жизни населения тоже поднимался, так, средняя заработная плата по сравнению с прожиточным минимумом выросла на 0,6.

Таблица 4 – Потребление продуктов питания в сельских домашних хозяйствах в среднем на одного члена в месяц, кг

Показатель	Год					2019 г. к 2015 г., п.п.
	2015	2016	2017	2018	2019	
Хлеб и хлебобудничные продукты	8,7	8,2	8,7	8,3	8,0	92,0
Картофель	4,9	5,4	6,3	5,4	5,0	102,0
Овощи и бахчевые	8,8	9,4	10,2	9,9	9,9	112,5
Фрукты и ягоды	5,7	6,1	6,5	6,7	6,2	108,8
Мясо и мясопродукты	6,0	6,0	6,6	6,7	6,7	111,7
Молоко и молочные продукты	21,8	21,0	20,8	21,5	22,7	104,1
Яйца, шт.	19	17	19	19	19	100,0
Рыба и рыбопродукты	1,9	1,7	1,8	1,9	2,0	105,3
Сахар и кондитерские изделия	2,5	2,6	2,5	2,5	2,4	96,0
Масло растительное и другие жиры	1,0	0,9	1,0	1,0	1,0	100,0

Еще одним подтверждением улучшения качества жизни людей в сельской местности является анализ потребления продуктов питания сельскими жителями (таблица 4). Показате-

лем повышения жизненного уровня считается сокращение потребления таких продуктов, как хлеб и хлебопродукты (на 8,0%), сахара и кондитерских изделий (на 4,0%). При этом имеет место рост потребления овощей и бахчевых (на 12,5%), фруктов и ягод (8,8%), мяса и мясопродуктов (11,7%), молока и молочных продуктов (4,1%), рыбы и рыбопродуктов (на 5,3%), что тоже свидетельствует об увеличении благосостояния жителей села.

Увеличение потребления полезных продуктов питания связано с активным развитием сельскохозяйственной отрасли в Воронежской области (таблица 5).

Таблица 5 – Вклад сельскохозяйственной отрасли в развитие сельских территорий Воронежской области в 2015–2019 гг.

Показатель	Год					2019 г. к 2015 г., п.п.
	2015	2016	2017	2018	2019	
Доля сельского хозяйства в структуре ВРП, %	15,3	14,2	14,2	13,6	12,3	-3,0
Продукция растениеводства, млрд руб.	31,9	126,0	120,8	135,4	135,3	424,1
Продукция животноводства, млрд руб.	36,0	67,1	73,1	83,8	86,7	240,8
Посевная площадь сельскохозяйственных структур, тыс. га						
Зерновые	1453,6	1436,8	1486,7	1464,9	1508,1	103,7
Технические	679,3	674,1	708,2	705,5	739,4	108,8
Картофель и овощебахчевые	121,8	93,5	89,6	89,3	82,9	68,1
Кормовые	335,8	328,1	318,7	317,2	308,1	91,8
Основная продукция растениеводства, тыс. т						
Зерно (в весе после доработки)	4232,9	4818,3	5663,6	4761,1	5178	122,3
Сахарная свекла	4916,2	5836,6	6234,6	5084,4	6852	139,4
Подсолнечник	1058	987,4	899,1	1149,6	1305,1	123,4
Картофель	1522,3	1282,5	1244,2	1117	977,6	64,2
Овощи	415,6	449,5	455,7	449	434,7	104,6
Поголовье, тыс. гол.						
Крупный рогатый скот	462,9	466	463,7	464,9	489,9	105,8
Свиньи	638,6	713,8	1169,3	1340	1418,4	222,1
Овцы и козы	244,6	245,1	235,1	219,8	211,9	86,6
Основная продукция животноводства						
Мясо (в убойном весе), тыс. т	231,1	259,3	287,6	348,9	371,1	160,6
Молоко, тыс. т	807,7	829,3	841,5	904,8	980,5	121,4
Яйца, млн шт.	882,2	942,9	947,9	983,8	757,7	85,9
Шерсть, т	400,0	398,0	389,0	384,0	376,0	94,0

Так, несмотря на снижение доли сельского хозяйства в структуре валового регионального продукта на 3,0% за 2015–2019 гг., объем производства продукции растениеводства вырос в 4,2 раза, или на 103,4 млн руб., а объем производства продукции животноводства – в 2,4 раза, или на 50,7 млн руб. Произошло увеличение посевной площади зерновых культур на 3,7%, или 54,5 тыс. га, технических культур – на 8,8%, или 60,1 тыс. га. В то же время уменьшились площади посевов картофеля и овощебахчевых культур на 31,9%, или 38,9 тыс. га, кормовых культур – на 8,2%, или 27,7 тыс. га.

Изменения в структуре посевных площадей повлекли за собой рост объемов производства зерна на 22,3%, или 945,1 тыс. т, сахарной свеклы – на 39,4%, или 1935,8 тыс. т, семян подсолнечника – на 23,4%, или 247,7 тыс. т., овощей – на 4,6%, или 19,1 тыс. т, что также связано с использованием семян с повышенной урожайностью. Особенно сильно упало производство картофеля (на 35,8%, или 544,7 тыс. т), что как раз и можно объяснить изменением рациона питания населения.

Показательно увеличение поголовья крупного рогатого скота на 5,8%, или 27,0 тыс. голов, свиней в 2,2 раза, или 779,8 тыс. голов, что привело не только к росту производства мяса на 60,6%, или 140,0 тыс. т и молока на 21,4%, или 172,8 тыс. т., но и к увеличению их потребления (таблицу 4). Отметим, что разведение овец и коз в Воронежской области никогда не было основной подотраслью сельского хозяйства, поэтому их количество постепенно со-

кращалось (на 13,4%, или 32,7 тыс. голов), как и объем производства шерсти (на 6,0%, или 24 т).

Важно иметь в виду, что обеспеченность социальной и инженерной инфраструктурой также влияет на уровень жизни на сельских территориях [8]. К сожалению, как видно из данных таблицы 6, почти все представленные в ней показатели имеют тенденцию к снижению: число лечебно-профилактических организаций сократилось на 6,5%, или 53 ед., обеспеченность больничными койками на 10 тыс. чел. населения показала убыль на 1,7%, или 0,6 ед. Также уменьшилось число дошкольных организаций на 41,8%, или 74 ед., спортивных сооружений – на 4,9%, или 152 ед., объектов розничной торговли – на 7,8%, или 258 ед. Однако, несмотря на снижение количества дошкольных учреждений, в 2019 г. введено в действие в 4 раза больше мест в детских садах, чем в 2015 г. Эпизодическое введение в действие мест в образовательных организациях и в учреждениях культурно-досугового типа, увеличение посещений в амбулаторно-поликлинических заведениях параллельно с сокращением абсолютного количества самих объектов инфраструктуры свидетельствует о происходящем в сельской социальной сфере процессе оптимизации, укрупнения, реструктуризации и объединения школ, больниц, культурно-досуговых центров.

Таблица 6 – Социально-инфраструктурные показатели развития сельских территорий Воронежской области в 2015–2019 гг.

Показатель	Год					2019 г. в % к 2015 г.
	2015	2016	2017	2018	2019	
Число лечебно-профилактических организаций, ед.	818	805	790	787	765	93,5
Коэффициент обеспеченности больничными койками на 10 тыс. чел. населения	34,8	35,0	34,7	34,9	34,2	98,3
Число дошкольных организаций, ед.	177	122	104	104	103	58,2
Число спортивных сооружений, ед.	3119	3092	3114	3020	2967	95,1
Число объектов розничной торговли, ед.:	3329	3294	3275	3211	3071	92,2
Ввод в действие:						
дошкольных заведений, мест	252	235	1090	336	1050	в 4 раза
образовательных организаций, ученических мест	–	144	260	–	1274	–
амбулаторно-поликлинических заведений, посещения за смену	2078	2100	295	2520	–	–
учреждений культурно-досугового типа, мест	–	125	498	348	248	–

Источник: рассчитано автором на основании данных [2].

Инженерно-инфраструктурное развитие сельских территорий в 2015–2019 гг. характеризовалось увеличением площади жилищного фонда на 5,7%, или 1364 тыс. м², причем в расчете на одного жителя площадь рост составил 8,7%, или 2,7 м² (таблица 7).

В 2019 г. было введено в действие жилых домов больше на 22,0%, или на 78,4 тыс. м², а на одного человека введено больше, чем в 2015 г. на 25,6%, или на 118 м².

В 2015–2019 гг. постепенно росла площадь жилого фонда, оснащенного водопроводом (на 10,0%), канализацией (8,0%), отоплением (7,0%), ваннами (6,0%), газом (1,0%), горячим водоснабжением (8,0%), всеми видами благоустройства (на 8,0%).

На сельских территориях в 2015–2019 гг. активно шел ввод водопроводных сетей, т.к. проблема наличия в домохозяйствах доступа к питьевой воде была весьма актуальна в Воронежской области. Однако в 2019 г. было введено всего 4,1 км по причине окончания действия федеральной целевой программы «Чистая вода».

Таблица 7 – Инженерно-инфраструктурные показатели развития сельских территорий Воронежской области в 2015–2019 гг.

Показатель	Год					2019 г. в % к 2015 г. (п.п.)
	2015	2016	2017	2018	2019	
Жилищный фонд						
Площадь жилищного фонда, тыс. м ²	23749	24011	24323	24699	25113	105,7
Общая площадь жилых помещений на 1 жителя, м ²	31,0	31,5	32,1	33,0	33,7	108,7
Ввод в действие жилых домов, тыс. м ²	356,7	330,8	328,0	383,2	435,1	122,0
Ввод в действие жилых домов на 1 тыс. чел., м ²	462,5	431,5	429,9	505,9	580,8	125,6
Общая площадь, оборудованная, %:						
водопроводом	52	53	55	57	62	10,0
канализацией	48	49	51	52	56	8,0
отоплением	66	67	67	69	73	7,0
ваннами (душами)	41	42	43	45	47	6,0
газом	94	95	95	95	95	1,0
горячим водоснабжением	41	42	43	45	49	8,0
всеми видами благоустройства	41	42	43	45	49	8,0
Ввод водопроводных сетей, км	95,7	31,1	39,7	53,2	4,1	4,3

Источник: рассчитано автором на основании данных [3].

Заключение.

Подытоживая проведенный анализ развития сельских территорий Воронежской области за пятилетний период, можно отметить следующее: снижение численности сельского населения, уменьшение его доли в структуре всех жителей региона, что связано с падением уровня рождаемости, медленным темпом снижения уровня смертности, недостаточным положительным миграционным приростом, который не перекрывает естественную убыль населения, продолжающуюся даже несмотря на сокращение уровня детской смертности в младенческом возрасте.

Падение численности сельского населения привело к снижению уровня его участия в рабочей силе, что, в свою очередь, повлекло уменьшение уровня занятости. Однако параллельно с этим на сельских территориях сократилась безработица, что можно объяснить появлением новых рабочих мест в сельскохозяйственной отрасли, которая активно развивалась в исследуемый пятилетний период, увеличивая свой вклад в валовый региональный продукт.

Развитие аграрной сферы в Воронежской области характеризуется высокими темпами роста заработной платы, которая превышала размер прожиточного минимума в 3 раза, что привело к повышению уровня жизни. Подтверждением последнего факта является изменение рациона потребления в сельских домохозяйствах в сторону высококалорийных и полезных продуктов питания (мяса, молока, овощей и фруктов).

Перечисленные выше тенденции: развитие АПК, повышение уровня жизни, качественное изменение рациона питания – взаимосвязаны друг с другом и совместно повлияли на структуру производства сельскохозяйственной продукции, производство которой значительно выросло за пять лет. Причем, несмотря на успехи отрасли животноводства в производстве молока и разведении свиней и крупного рогатого скота, Воронежская область характеризуется более интенсивным развитием отрасли растениеводства (прежде всего, выращиванием пшеницы, сахарной свеклы, подсолнечника).

На уровень жизни сельского населения влияла и обеспеченность социальной и инженерной инфраструктурой. Развитие первого вида инфраструктуры имело негативную тенденцию: снижалось количество лечебно-профилактических организаций, дошкольных воспитательных учреждений, спортивных сооружений, объектов розничной торговли. Хотя одновременно в регионе вводились в действие места в дошкольных заведениях, ученические

места в образовательных организациях, места в учреждениях культурно-досугового типа, дополнительные посещения за смену в амбулаторно-поликлинических заведениях.

Развитие инженерной инфраструктуры имеет позитивную тенденцию, характеризуется приростом всех видов благоустройства. Однако в 2019 г. практически остановилось введение в действие водопроводных сетей, способных решить проблему сельского населения с чистой питьевой водой.

Таким образом, сельские территории Воронежской области, являясь основным поставщиком продовольствия и обеспечения безопасности страны, по-прежнему характеризуются невысоким уровнем жизни населения, связанным с низкой обеспеченностью социальной инфраструктурой [9]. Создание условий комфортного проживания, не ниже городского уровня, остается важной задачей сохранения сельского человеческого капитала [10].

Список литературы:

1. Меренкова И.Н., Савенкова О.Ю. Социально-ориентированное развитие сельских территорий: проблемы и пути решения // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 9–1. – С. 156–159.
2. Закшевский В.Г., Гаврилова З.В. Методические подходы к измерению человеческого капитала сельских территорий // *Продовольственная политика и безопасность*. – 2019. – Т. 6. – № 4. – С. 203–218.
3. Воронежский статистический ежегодник. – Воронеж: Воронежстат, 2020. – 336 с.
4. Закшевский В.Г., Меренкова И.Н., Перцев В.Н. Теоретико-методологический подход к исследованию жизнеобеспечения сельского населения региона // *Регион: системы, экономика, управление*. – 2017. – № 1 (36). – С. 70–76.
5. Костяев А.И. Дифференциация сельских территорий: общие положения и роль инвестиций // *Экономика и управление*. – 2016. – № 11 (133). – С. 4–10.
6. Новикова И.И. Региональный разрез развития человеческого капитала // *ФЭС: Финансы. Экономика*. – 2019. – Т. 16. – № 6. – С. 24–30.
7. Былина С.Г. Влияние экономических факторов на демографические параметры сельского населения Саратовской области // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. – 2021. – № 1. – С. 55–63.
8. Рубцова В.Н. Теоретико-методологические основы разработки организационно-экономического механизма повышения конкурентоспособности здравоохранительного пространства села // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. – 2019. – № 3. – С. 183–190.
9. Бондаренко Л.В. Концептуальные основы региональной политики социального развития сельских территорий и программно-целевой подход к ее реализации // *Экономика сельского хозяйства России*. – 2019. – № 7. – С. 60–68.
10. Подгорская С.В., Бахматова Г.А. Человеческий капитал сельских территорий: потенциал, проблемы, перспективы. – Ростов н/Д: ФГБНУ ФРАНЦ: Изд-во ООО «АзовПринт», 2020. – 88 с.

Для цитирования: Гаврилова З.В., Богуцкий В.С. К вопросу оценки социально-экономического развития сельских территорий Воронежской области // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. – 2021. – № 2. – С. 74–80.

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО УРОВНЮ СЕЛЬСКОЙ БЕЗРАБОТИЦЫ¹

Блинова Т.В., д.э.н., ИАГП РАН,
Марков В.А., к.э.н., Научный экспертно-аналитический центр
АН Республики Саха (Якутия)

Целью статьи является разработка типологии регионов РФ по уровню сельской безработицы и оценка влияния темпов сельскохозяйственного производства на уровень и динамику безработицы в регионах разного типа. Проведен кластерный анализ, разработана типология регионов, дана характеристика выделенных типологических групп. Выполнен регрессионный анализ, позволивший оценить влияние темпов производства продукции сельского хозяйства на сельскую безработицу в трех региональных кластерах. Выявлены особенности поведенческих реакций региональных сегментов аграрного рынка труда на экономические изменения. Выборка включает 78 регионов России. Исследование выполнено с использованием панельных данных за 2010-2019 годы.

Ключевые слова: сельская безработица, регионы, типология, кластерный анализ, эконометрическое моделирование

TYOLOGY OF RUSSIAN REGIONS BY THE LEVEL OF RURAL UNEMPLOYMENT

Blinova T.V., doctor of economic sciences, IAaP RAS,
Markov V.A., candidate of economic sciences, Scientific Expert-analytical Center AS RS

The purpose of the article is to develop a typology of Russian regions by the level of rural unemployment and to assess the impact of agricultural production rates on the level and dynamics of unemployment in regions of different types. The cluster analysis is carried out, the typology of regions is developed; the characteristics of the selected typological groups are given. A regression analysis was carried out, which made it possible to assess the impact of agricultural production rates on rural unemployment in three regional clusters. The features of the behavioral reactions of regional segments of the agrarian labor market to economic changes are revealed. The sample includes 78 regions of Russia. The study was carried out using panel data for 2010-2019.

Key words: rural unemployment, regions, typology, cluster analysis, econometric modeling

Введение.

Аграрный рынок труда характеризуется высокими межрегиональными различиями по уровню занятости, безработицы, продолжительности поиска работы. Особенности социального, институционального, демографического, экономического развития субъектов РФ влияют на поведенческие реакции региональных рынков труда в условиях экономической рецессии и роста. Проблемам современного этапа экономического развития и ситуации на рынке труда посвящены исследования российских и зарубежных авторов [1, 2, 3]. Исследованы механизмы и направления влияния экономических циклов на параметры рынка труда [4]. Немало работ посвящено особенностям региональных рынков труда и проблемам межрегиональных различий [5,6,7]. Важным научным направлением является исследование отношения между уровнем сельской безработицы и темпом производства продукции сельского хозяйства, что позволяет выявить особенности поведенческих реакций аграрного рынка труда на экономические шоки. Теоретической основой исследований отношения «выпуск-безработица» в большинстве современных работ является закон Оукена (Okun's law), который устанавливает отрицательную взаимосвязь между изменениями уровня безработицы и темпами валового внутреннего продукта (ВВП) [8]. Авторы, изучавшие отношение между безработицей и выпуском на региональных и национальных рынках труда, подтвердили от-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00681

рицательную зависимость, однако показали, что коэффициенты Оукена различаются по странам и регионам [9]. Учитывая значительные межрегиональные различия аграрного рынка труда в России, цель нашего исследования - разработка типологии регионов по уровню сельской безработицы и оценка влияния темпов сельскохозяйственного производства на уровень и динамику безработицы.

Материалы и методы.

Методологической основой исследования является закон Оукена, для расчетов использовалась модифицированная модель Оукена. Типология регионов по уровню сельской безработицы выполнена на основе кластерного анализа. Для характеристики аграрного рынка труда и построения типологии регионов России использовались показатели численности безработных и уровня безработицы (U) в сельских поселениях. Методология расчета уровня безработицы соответствует требованиям Международно организации труда (МОТ) [10,11,12]. Следующий показатель - индекс производства продукции сельского хозяйства (G), который отражает изменение физического объема сельскохозяйственного производства по годам [12,13]. Этот показатель использовался для оценки влияния темпов производства продукции сельского хозяйства на уровень и динамику сельской безработицы в регионах разного типа. Источником данных послужила официальная статистика Росстата [10,11,12,13]. В выборку включены 78 регионов России, исследуемый период охватывает 2010-2019 гг., используются годовые данные.

Результаты исследования.

Кластерный анализ регионов РФ. Типология регионов РФ по уровню сельской безработицы проведена на основе кластерного анализа. При расчете расстояния между кластерами использовался метод Уорда, где в качестве целевой функции принималась сумма квадратов расстояний между каждым элементом и «центром тяжести» кластера, содержащего этот элемент. Расстояния между объектами (регионами) определялись на основе Евклидовой метрики – наиболее часто используемой в задачах классификации объектов. Евклидова метрика является геометрическим расстоянием в многомерном пространстве признаков. На первом этапе была выполнена иерархическая кластеризация, которая пошагово объединяет регионы с похожей динамикой сельской безработицы по годам, отделяя скопления регионов, визуально определяемые по дендрограмме (рис.1).

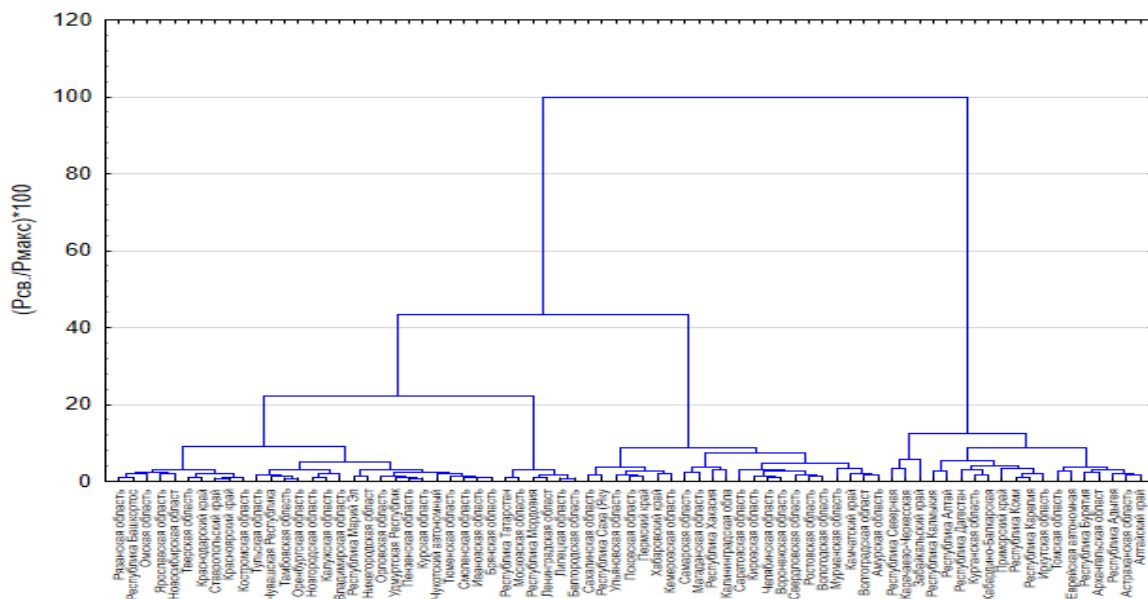

Рисунок 1 - Результаты иерархической кластеризации регионов РФ по уровню и динамике сельской безработицы, 2010-2019 гг.

Определение числа кластеров происходит исходя из шкалы различий по оси u , приемлемым считается значение 40% и выше, свидетельствующее о межкластерных различиях как по уровню, так и динамике региональной безработицы сельского населения 15-72 лет. Отметим, что этот подход дает возможность получения кластеров регионов РФ, сходных по параметрам колебаний бизнес-цикла и динамики уровня сельской безработицы. На рис. 1 по оси Y отмечена степень различий регионов, нормированная от 0 до 100%, где нулевое значение показывает абсолютное равенство между сравниваемыми регионами по параметрам сельской безработицы, в то время как 100% - означает абсолютные различия. На высоте в 40% наблюдается явное обособление трех кластеров. В результате мы получили однородные типологические группы регионов, наиболее близких по характеру динамики безработицы за весь изучаемый период. Состав кластеров постоянен. На втором этапе выполнена процедура дивизионного кластерного анализа. В методологии кластерного анализа предусмотрена эффективная процедура, которая позволяет выполнить кластеризацию совокупности наблюдений сразу в двух направлениях – по регионам и параметрам безработицы – метод k -средних. Алгоритм начинает с k случайно выбранных кластеров, а затем изменяет принадлежность объектов с целью: (1) - минимизировать изменчивость внутри кластеров, и (2) - максимизировать изменчивость между кластерами. По итогам кластеризации методом k -средних получено три типологические группы регионов России, или три кластера.

Первый кластер включает 24 региона, в том числе такие республики, как: Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская, Адыгея, Алтай, Бурятия, Дагестан, Калмыкия, Карелия, Коми, Саха (Якутия), Северная Осетия – Алания; края: Алтайский, Забайкальский, Хабаровский, Приморский; области: Архангельская, Астраханская, Иркутская, Кемеровская, Курганская, Псковская, Сахалинская, Томская, Еврейская автономная область. Второй кластер состоит из 11 регионов, включая республики: Мордовия, Татарстан, Чувашская; области: Белгородская, Владимирская, Калужская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Оренбургская, Тульская. Третий кластер состоит из 40 регионов, в том числе, области: Амурская, Брянская, Волгоградская, Вологодская, Воронежская, Ивановская, Калининградская, Кировская, Костромская, Курская, Магаданская, Мурманская, Нижегородская Новгородская Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская, Ростовская, Рязанская, Самарская, Саратовская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Ульяновская, Тверская, Тюменская, Челябинская, Ярославская; края: Камчатский, Краснодарский, Красноярский, Пермский, Ставропольский; республики: Башкортостан, Хакасия, Марий Эл, Удмуртская, а также Чукотский автономный округ. Отдельно рассмотрены три региона РФ (Республика Тыва, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), не вошедшие ни в один из трех кластеров и образовавшие нулевой кластер.

Ниже представлены характеристики выделенных кластеров по уровню и динамике сельской безработицы, а также индексу производства продукции сельского хозяйства в 2010-2019 гг. (табл.1).

Таблица 1 - Дескриптивные статистики, характеризующие кластеры регионов РФ за 2010-2019 гг.

	Матрица расстояний			Среднее U	Дисперсия по U	Среднее G	Дисперсия по G
	Клуб 1	Клуб 2	Клуб 3				
Кластер 1	0,000	44,783	16,199	11,34	5,24	100,89	80,85
Кластер 2	6,692	0,000	7,722	4,66	1,63	103,49	192,03
Кластер 3	4,025	2,779	0,000	7,34	3,42	105,33	445,71
Кластер 0				28,77	110,48	102,04	61,01

В таблице 1 представлены евклидовы расстояния между кластерами, расстояния под диагональю, а также квадраты расстояний над диагональю. Как показывают данные таблицы, наиболее высокий средний уровень безработицы наблюдается в первом кластере. Дисперсия, отражающая меру разброса региональных значений уровня безработицы относительно средней величины, также наиболее высока в первом кластере, что означает высокую гетероген-

ность типологической групп. Второй кластер, включающий 11 регионов РФ, отличается минимально низким значением уровня безработицы и небольшим показателем разброса, что характеризует его, как наиболее однородную типологическую группу регионов РФ. Третий кластер, включающий 40 регионов РФ, характеризуется средними показателями, как уровня безработицы, так и разброса региональных значений безработицы вокруг среднего. Максимально высокие уровни безработицы, также как и наибольшие показатели разброса, характерны для нулевого кластера, включающего республики с высокими значениями сельской безработицы.

Динамика уровня сельской безработицы. На рисунке 2 представлена среднекластерная динамика уровня сельской безработицы в 2010-2019 гг.

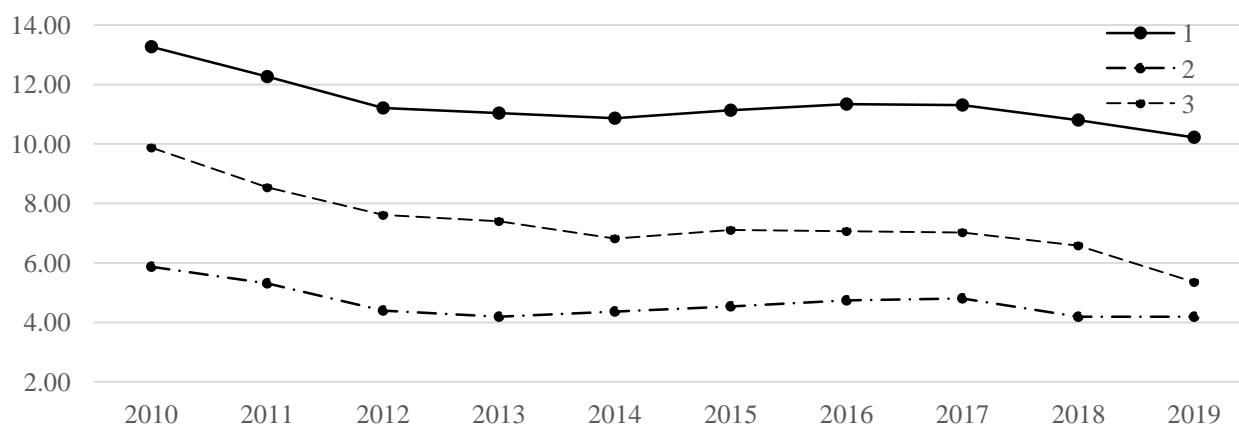

Рисунок 2 - Динамика уровня сельской безработицы (среднекластерные значения), %

Как видно на рисунке, сельские территории первого кластера характеризуются максимальными значениями уровня сельской безработицы, а также короткими периодами ее снижения в 2011-2012 и 2018-2019 гг. В то же время регионы третьего кластера отличаются устойчивым снижением безработицы в 9 из 10 лет исследуемого периода. Наиболее низкие значения уровня сельской безработицы отмечены в регионах второго кластера. Если не учитывать влияние экономического шока в период финансового кризиса 2008-2009 гг., когда безработица достигла максимальных значений, а затем постепенно снижалась, колебания уровня сельской безработицы второго кластера не так значительны, как в первом и третьем кластерах. Обращает на себя внимание высокая устойчивость межкластерных различий (табл.2).

Таблица 2 - Меж - и внутрикластерная дисперсия уровня сельской безработицы в 75 регионах РФ, 2010-2019 гг.

Год	Между	сс	Внутри	Число степеней свободы	F критерий	Значимость
2010	433,7	2	301,8	72	51,7	0,000
2011	408,5	2	200,4	72	73,4	0,000
2012	389,3	2	217,1	72	64,6	0,000
2013	394,1	2	155,8	72	91,1	0,000
2014	393,1	2	205,5	72	68,9	0,000
2015	399,0	2	156,8	72	91,6	0,000
2016	418,4	2	206,2	72	73,1	0,000
2017	412,0	2	228,0	72	65,1	0,000
2018	415,4	2	225,7	72	66,3	0,000
2019	439,2	2	191,7	72	82,5	0,000

Как видно из данных таблицы 2, межкластерные различия не снижаются с течением времени на фоне ежегодных незначительных скачков внутрикластерных различий. Данные таблицы 2, где рассматриваются параметры аграрного рынка труда 75-ти регионов России (не включены регионы нулевого кластера), показывают, что обособленность трех выделенных кластеров достаточно высокая. В таблице ниже представлена годовая динамика среднекластерных значений уровня сельской безработицы и темпов производства продукции сельского хозяйства в 2010-2019 гг. (табл.3).

Таблица 3 - Динамика уровня сельской безработицы и темпов производства продукции сельского хозяйства в трех кластерах регионов РФ, 2010-2019 гг.

	Клуб*	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
U, %	0 (3**)	42,29	36,22	36,03	34,07	27,62	23,97	24,48	21,51	20,39	21,16
	1 (24)	13,27	12,26	11,20	11,03	10,86	11,13	11,34	11,31	10,80	10,22
	2 (11)	5,87	5,31	4,40	4,19	4,36	4,54	4,74	4,81	4,19	4,19
	3 (40)	9,88	8,54	7,61	7,40	6,82	7,11	7,07	7,03	6,58	5,35
	Итог	11,60	10,29	9,36	9,09	8,52	8,63	8,72	8,59	8,07	7,29
G, %	0	98,27	106,90	90,13	104,90	99,87	103,17	106,57	101,03	105,73	103,80
	1	100,06	107,05	97,23	101,53	101,60	99,18	100,53	102,11	101,88	97,72
	2	81,12	131,49	99,93	99,43	103,01	104,71	103,13	103,00	102,07	107,00
	3	91,35	127,75	97,96	103,69	108,55	103,38	106,10	104,80	103,08	106,61
	Итог	92,86	121,10	97,71	102,47	105,30	102,27	103,98	103,57	102,67	103,82

* Клуб 0 – включает три региона, исключенных из кластеризации

** В скобках указано число регионов

Максимально высокие среднекластерные значения уровня сельской безработицы принадлежат трем регионам (нулевой кластер), в данном случае не включенным в выборку. В регионах первого кластера уровень сельской безработицы выше, чем в регионах второго и третьего кластеров. Во всех кластерах регионов РФ уровень сельской безработицы уменьшается в 2010-2014 гг., растет в 2015-2016 гг. под влиянием экономической рецессии, затем сокращается. Исключением являются регионы второго кластера, где безработицы росла с 2014 по 2017 гг.

Влияния темпов производства продукции сельского хозяйства на сельскую безработицу. За основу была взята модифицированная модель Оукена с логарифмами уровня безработицы и темпа производства, которая часто используется в зарубежной литературе [9].

$$\ln(U_{it}) = a + \beta \ln(G_{it}) + e \quad (1),$$

где U_{it} – уровень сельской безработицы в регионе i и в год t , $(G)_{it}$ - темп роста (индекс производства) продукции сельского хозяйства в регионе i и в год t .

Результаты расчетов, агрегированные для трех кластеров, представлены в таблице 4.

Панельная регрессия, построенная для каждого кластера с использованием модели с фиксированными кросс-эффектам регионов России методом OLS². Полученные модели для первого, второго и третьего кластеров:

$$\ln U = -0,227 * \ln G + 1,36 + [CX=F] \quad (1)$$

$$\ln U = -0,210 * \ln G + 2,46 + [CX=F] \quad (2)$$

$$\ln U = -0,207 * \ln G + 2,93 + [CX=F] \quad (3)$$

Анализ полученных моделей показывает, что коэффициент регрессии значим по критерию Стьюдента, сами модели состоятельны, а фиксированные индивидуальные кросс-эффекты регионов оказывают определяющее воздействие на зависимость между безработицей и экономическими колебаниями.

² Method: Panel EGLS (Cross-section weights), White period standard errors & covariance (d.f. corrected). Effects Specification: Cross-section fixed (dummy variables).

Таблица 4 - Результаты оценки уравнений панельной регрессии для трех кластеров регионов, 2010-2019 гг.

Параметры модели	кластер 1	кластер 2	кластер 3
Cross-sections included	24	10	37
Total panel (balanced) observations	240	100	370
$\ln G$	-0,2270	-0,2104	-0,2071
Свободный член C	1,3621	2,4616	2,9248
Effects Specification			
R-squared	0,397	0,592	0,274
S.E. of regression	0,163	0,189	0,224
Sum squared resid	5,719	3,192	16,667
Log likelihood	-1,550	-0,660	-2,507
F-statistic	5,897	12,932	3,379
Prob(F-statistic)	0,000	0,000	0,000
Mean dependent var	2,41	1,49	1,96
S.D. dependent var	0,1992	0,2812	0,2494
Akaike info criterion	13,12	13,43	13,76
Schwarz criterion	13,49	13,72	14,16
Hannan-Quinn criter	13,27	13,54	13,92
Durbin-Watson stat	1,120	1,351	0,936

Первый кластер, включающий сельские поселения с высоким уровнем безработицы, имеет наиболее высокий коэффициент регрессии (-0,227), модель объясняет около 40% колебаний уровня сельской безработицы. Результаты оценки уравнения регрессии показывают, что на 1% роста производства продукции сельского хозяйства уровень безработицы сократится на 0,2 процентных пункта. Совершенно другая ситуация в регионах второго кластера, который отличается более высокими среднегодовыми темпами роста сельскохозяйственного производства. Кроме того, уровень сельской безработицы в регионах второго кластера более чем на 6% ниже, чем в регионах первого кластера и, примерно, на 2,7%, чем в третьем (в среднем за 10 лет). Важно отметить, что влияние темпов роста производства продукции сельского хозяйства на уровень сельской безработицы здесь слабее (-0,210), однако выше коэффициент детерминации ($R^2=0,59$). Модель объясняет примерно 60% колебаний безработицы в зависимости от изменения темпов сельскохозяйственного производства. В регионах третьего кластера модель объясняет около 30% колебаний уровня сельской безработицы, а коэффициент регрессии наиболее низкий.

Таким образом, построенные модели с фиксированными пространственными эффектами объясняют около половины зависимости между темпами производства продукции сельского хозяйства и уровнем сельской безработицы. Коэффициенты регрессии колеблются от -0,227 до -0,207, коэффициенты детерминации составляют от 0,397 до 0,592. Сделан вывод, что особенности функционирования и развития региональных рынков труда оказывают значительное влияние на колебания уровня сельской безработицы в субъектах Российской Федерации. Помимо производства продукции сельского хозяйства на уровень безработицы в аграрном секторе влияют демографические, институциональные, экономические, социокультурные факторы, которые также необходимо учитывать [14,15]. Сокращение удельного веса сельского хозяйства в структуре занятости актуализирует развитие неаграрных видов экономической деятельности на основе стратегии многофункционального развития сельских территорий [16]. Диверсификация структуры занятости наряду с поддержкой развития малого бизнеса, обеспечивают возможность выбора рабочих мест для молодежи, женщин, высококвалифицированных кадров, предпенсионеров, а также стабильные источники доходов для всех слоев населения.

Заключение.

Проведена типологизация 78 субъектов РФ, включенных в выборку, типобразующими факторами выступили уровень сельской безработицы и особенности ее динамики. Выполне-

ны оценка и моделирование влияния темпов производства продукции сельского хозяйства на уровень сельской безработицы в региональных кластерах разного типа.

Методологической основой количественной оценки взаимосвязи «выпуск-безработица» выступал закон Оукена, для расчетов использован модифицированный вариант модели. Сделан вывод, что чувствительность сельской безработицы к изменению объемов сельскохозяйственного производства является недостаточно сильной и различается по регионам России. Сокращение доли сельского хозяйства в структуре занятости населения актуализирует диверсификацию рабочих мест за счет расширения неаграрных видов экономической деятельности и поддержки малого бизнеса в сельской местности.

Список литературы:

1. Dvorak M., Rovny P., Grebennikova V., Faminskaya M. Economic impacts of COVID-19 on the labor market and human capital // *Terra Economicus*. 2020. Т. 18. № 4. С. 78-96.
2. Dimitrova T.M. The labor market in Bulgaria and the priorities in the national employment action plan for 2021//*Научные горизонты*. 2021. № 3 (43). С. 15-22.
3. Berdibekov A.B., Kaigorodtsev A.A., Bordiyanu I.V., Christian Brauweiler H. The labor market of the Republic of Kazakhstan in the context of global challenges // *Bulletin of Karaganda University. Econ. Ser.* 2020. Т. 100. № 4. С. 15-23.
4. Лукьянова К.К. Циклическое развитие экономики и его влияние на рынок труда // *Вестник Института экономических исследований*. - 2018. - № 1 (9). - С. 57-66.
5. Блинова Т.В., Русановский В.А. Теоретические подходы к исследованию межрегиональных различий российского рынка труда// *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. - 2009. - №5. - С. 17-21.
6. Рахимова Г.М. Рынок труда в Российской Федерации и Республике Татарстан // *Экономика и управление: проблемы, решения*. - 2018. - Т. 3. - № 1. - С. 71-74.
7. Никерина Е.В., Яшков А.Б., Брагина З.В. Региональный рынок труда и перспективы его развития // *Экономика труда*. - 2018. - Т. 5. - № 2. - С. 433-440. DOI: 10.18334/et.5.2.39138.
8. Okun A. M. Potential GNP: Its Measurement and Significance. Cowles Foundation. Paper no. 190. Yale University, 1962.
9. O'Higgins N. This Time It's Different? Youth Labour Markets during 'The Great Recession' // *Comparative Economic Studies*. 2012. Vol. 54. P. 395–412. DOI: 10.1057/ces. 2012.15.
10. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2020: Стат.сб./Росстат. М., 2020. - 145 с.
11. Регионы России: социально-экономические показатели. 2020: Стат.сб./ Росстат. М., 2020.
12. Росстат: Занятость и безработица в Российской Федерации в апреле 2021 года (по итогам обследования рабочей силы). – URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/94.htm.
13. Сельское хозяйство в России. 2019: Стат.сб./Росстат. М., 2019. - 91 с.
14. Блинова Т.В. Факторы сельской безработицы в период экономической рецессии // *АПК: экономика, управление*. - 2020. - № 4. - С.62–68. DOI: 10.33305/204-62.
15. Голованова Л.А., Саморуков О.В. Факторы, влияющие на региональный рынок труда // *Ученые заметки ТОГУ*. - 2018. - Т. 9. - № 2. - С. 253-258.
16. Молодежный рынок труда: оценка и моделирование межрегиональных различий. М.: «Университетская книга», 2016. - 178 с.

Для цитирования: Блинова Т.В., Марков В.А. Типология регионов России по уровню сельской безработицы // *Региональные агросистемы: экономика и социология*. – 2021.- № 2. - С. 81-87.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРИИ ИНТЕГРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ УСТОЙЧИВЫМ ПРОСТРАНСТВЕННЫМ РАЗВИТИЕМ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

Семенов С.Н., д.э.н., Ржевская М.Я., лаб.-исследователь, ИАГП РАН

Статья содержит результаты исследования проблемы определения приоритетов формирования социо-природных ресурсов устойчивого пространственного развития и социально-экономической трансформации сельских территорий России. Приведены результаты исследования существующих теоретических подходов к управлению ресурсосбережением и ресурсовоспроизводством в условиях реализации концепции устойчивого развития сельских территорий. Особое внимание уделено проблемам рекреации в управлении устойчивым развитием качества народонаселения сельских территорий, расселения и размещения производительных сил села. Обоснованы основные направления стратегии модернизации интегрированных систем «город–село», агрогородов и других форм сельского расселения.

Ключевые слова: устойчивое развитие, сельские территории, социо-природно-экономическое пространство, агропромышленная интеграция, урбанизация, агломерация, ресурсосбережение, коэволюция, качество жизни, народонаселение, рекреация.

EVOLUTION OF THE THEORY OF INTEGRATIVE MANAGEMENT OF SUSTAINABLE SPATIAL DEVELOPMENT OF RURAL TERRITORIES

Semenov S.N., doctor of economic sciences,
Rzhevskaya M.Ya., research assistant, IAgP RAS

The article contains the results of a study of the problem of determining the priorities for the formation of socio-natural resources for sustainable spatial development and socio-economic transformation of Russian rural areas. The results of the study of existing theoretical approaches to the management of resource conservation and resource reproduction in the context of the implementation of the concept of sustainable development of rural areas are presented. Particular attention is paid to the problems of recreation in managing the sustainable development of the quality of the population of rural areas, resettlement and distribution of the productive forces of the village. The main directions of the strategy of modernization of the integrated systems "city-village", agro-cities and other forms of rural settlement have been substantiated.

Key words: sustainable development, rural areas, socio-natural and economic space, agro-industrial integration, urbanization, agglomeration, resource conservation, co-evolution, quality of life, population, recreation.

Введение.

На современном этапе Россия, как никогда раньше, нуждается в долговременной стратегии, в качестве концептуальной основы которой выступает теория устойчивого развития (УР) — поступательного, безопасного, социо-природно-ориентированного, конкурентоспособного, высококачественного.

Концепция УР первоначально была разработана как экологическая, но затем трансформировалась в межнаучную и межотраслевую социо-природно-экономическую. Такую трансформацию следует рассматривать как закономерную, так как масштабы экологической деятельности любой страны определяются не только состоянием окружающей природной среды, борьбой за природные ресурсы, истощением невозобновляемых природных ресурсов, но и в значительной мере — социально-экономическими, научно-техническими, информационными и иными ресурсами и резервами.

Исследования свидетельствуют, что сельские территории (СТ), охватывающие две трети территории Российской Федерации, в настоящее время находятся в кризисном социально-

экономическом состоянии. Так, по уровню рождаемости село впервые в истории страны стало уступать городу. Безработица на селе в 1,5 раза выше, чем в городе, доля сельских жителей, живущих за чертой бедности, составляет 22% против 7,1% в городе, а средняя заработная плата составляет 67% от средней по экономике страны. Снижается доступность сельского населения к дошкольным учреждениям, образованию и здравоохранению, услугам дорожных, инженерных, культурных, спортивных и др. организаций. Деграция сельских пространств и децивилизация условий труда и быта делают село все менее привлекательным для проживания.

Многие авторы делают, на наш взгляд, верный вывод о том, что ухудшение состояния дел на селе связано с некачественным выполнением функций управления сельскими территориями. В этой связи следует согласиться с Захаровым Р.В., утверждающим, что одной из причин низкой эффективности управления сельскими территориями является «<...> недостаточное развитие научно-методической базы управления сельскими территориями. В частности, не изучены в необходимой мере вопросы методологии обоснования и распределения функций управления селом по административным уровням. То же самое касается правильного понимания природы и сущности этих функций <...> действующая система государственного управления пока не справляется в необходимой мере с задачей по развитию территорий. <...> Это означает, что данная система нуждается не в доработке косметического характера, а в кардинальном улучшении» [1].

Целью статьи является развитие теоретических и методических положений и практических рекомендаций по стратегическому комплексному управлению социальным ресурсосбережением и ресурсовоспроизводством в рамках реализации концепции устойчивого развития сельских территорий.

Методика исследования основана на общенаучных методах проведения исследования, системной динамике, межотраслевом и ситуационном подходах, фундаментальных положениях теорий агропромышленной интеграции, урбанизации, агломерации, коэволюции и квалитетрии.

Результаты исследования.

Урбанизация и устойчивое развитие.

Исследование показало, что конкурентоспособность и устойчивость развития СТ во многом связана с урбанизацией, поскольку непрерывный, постепенно повышающийся урбанистический процесс обостряет проблему перестройки сельских поселений, ускоряет развитие производительных сил села и усиливает требования к качеству жизни. Важным при этом является тот факт, что сельские поселения существенно отличаются от городских своим жизненным стилем и ритмом, эволюцией аграрного труда и формами его применения в агропромышленном производстве, возможностями непосредственной связи с природой и более здоровой жизненной средой на селе. Однако в современных условиях значительная часть сельского населения работает в городах (отходничество, вахтовый метод и др.). Это население формирует новые требования к качеству социо-природно-экономического пространства агропромышленного комплекса (СПЭП АПК) и СТ, типам застройки жилого фонда, благоустройству и санитарному состоянию села, удовлетворению социальных потребностей, социальной и демографической структуре семей, образованию детей и их будущих профессий.

В этой связи одним из приоритетных направлений управления УР СТ является реализация новых подходов к разработке принципов создания генеральных планов сельских поселений на основе градостроительного проектирования, определения перспектив развития сельских поселений, комплексного обследования состояния его многокомпонентной структуры.

В настоящее время выдвинута и активно обсуждается идея укрупнения регионов, получают развитие процессы агломерации. Так, в Саратовской области создаются Саратовская и Балаковская агломерации за счет присоединения к городам сельских поселений. Согласно генеральному плану Саратовская агломерация к 2030 г. выйдет в топ-10 быстрорастущих агломераций.

Управление устойчивым развитием сельских территорий с позиций теории сложноорганизованных систем

Одной из закономерностей сложных организационных систем является их эквифинальность (независимость поведения системы от начальных состояний). Данный термин впервые ввел Л. Берталанфи, определивший его, как «способность в отличие от состояния равновесия в закрытых системах, полностью детерминированных начальными условиями, достигать не зависящего от времени состояния, которое не зависит от ее начальных условий и определяется исключительно параметрами системы» [2].

Эквифинальность многими авторами рассматривается как механизм УР, не позволяющий развивающейся системе разрушаться (видоизменяться) под воздействием окружающей среды. В этой связи важное значение приобретает использование теоретических положений резервно-ресурсного подхода к управлению УР СТ.

Проектирование эффективно организованного жизненного СПЭП АПК и СТ со стратегических позиций можно осуществлять, опираясь на следующие типы социально-экономических, управленческих отношений: конкуренцию (соперничество), кооперацию (сотрудничество), коэволюцию (совместное развитие, поддерживаемое на уровне генетических механизмов).

Необходимо согласиться с Клейнером Г.Б., утверждавшим, что «цель коэволюции — реализовать процесс гармонизации развития экономики при переходе к следующим поколениям в популяции агентов, закрепить его при генетических механизмах, рутинах. Микроэкономическая политика государства должна строиться на принципах сбалансированного развития конкуренции и кооперации, поддерживаемого механизмами коэволюции» [3, с. 151].

В этой связи представляется, что агропромышленная политика государства должна строиться на сбалансированном применении стратегических направлений УР: добросовестной конкуренции, инновационной кооперации и прогрессивной коэволюции.

Сельские агломерации в УР СТ

Известно, что государственной программой «Комплексного развития сельских территорий» в рамках ведомственной целевой программы «Современный облик сельских территорий» введено понятие «сельские агломерации», а также поселка городского типа, рабочего поселка, не входящего в состав городских округов, и малых городов с численностью населения, постоянно проживающего на их территории, не превышающей 30 тыс. человек.

Как показывает анализ, курс на создание сельских агломераций в последние годы приобретает широкое распространение. При этом теоретики, ссылаясь на рекомендации европейских экспертов, предлагают поощрять создание таких агломераций. Так, Семенова Е. и Семенова А. полагают, что создание агломераций позволяет получать агломерационный эффект за счет сочетания двух преимуществ — «эффекта масштаба, концентрации населения и в связи с этим большего разнообразия видов деятельности». По нашему мнению, заслуживает внимания выделенные авторами проблемы, которые позволяет решать сельская агломерация при формировании экономической политики развития сельских территорий [4]:

- 1) преодолеть рассогласованность действий экономических субъектов, органов местного самоуправления ввиду отсутствия единого координационного органа управления;
- 2) создать единое информационное пространство в сельской агломерации;
- 3) сформировать единый рынок труда, что приведет к мобильности трудовых ресурсов, уменьшению безработицы, ускорению экономического роста на предприятиях городов и сельских населенных пунктов;
- 4) сформировать единый рынок межмуниципального имущества;
- 5) организовать межмуниципальное сотрудничество по вопросам единой инженерной системы, включающей водоснабжение, энергоснабжение, канализацию, транспортное обслуживание, то есть социально-бытовую и инженерную инфраструктуру.

Рассматривая вопросы формирования материально-пространственной среды в системе «город–село», известный советский ученый в сфере пространственной экономики Межевич

М.Н. сделал важный теоретический вывод: «урбанизованное расселение с позиций отношений человека и природы — исторически ограниченное явление, соответствующее определенному этапу производства, когда последнее еще не обрело характера единого человеческо-природного процесса обмена веществ.

Первый шаг в этом направлении — так называемое безотходное производство. Но только первый, ибо дело не только в том, чтобы “без остатка” использовать взятое от природы, но и, в конечном итоге, “вернуть” это взятое, полностью “включив” производственную жизнь человека в природный обмен веществ. Для перехода от этого положения к проблеме “город–село” необходимо четко проследить существо феномена “искусственная среда обитания” <...>

Сближение города с деревней, преодоление урбанизации и формирование поселения нового типа стимулируются и требованиями создания оптимальной среды обитания. Ясно, что по мере решения социальных проблем в их сегодняшнем состоянии актуальность проблематики биологического и психического здоровья человека будет выдвигаться на первый план. Концентрация населения имеет негативные последствия в пределах крупнейших городов, выражающееся в росте определенных видов заболеваемости, возможных отдаленных последствий для генофонда человека со стороны воздействия искусственной среды... Таким образом, будущие поселения — это не превращение деревни в разновидность городской формы поселения, не поглощение деревни городом, а достижение в рамках поселения будущего своего рода синтеза позитивных черт прежних форм» [5, 27–34.]

Известный советский ученый-аграрник проф. Островский В.Б. считал, что «Переустройство жизненной среды сельского населения, которое может сделать деревню конкурентоспособной с городом, требует комплексного, системного подхода. Основой такого подхода <...> должно стать формирование единой системы «город–село», которая позволит объединить преимущества сельского образа жизни с благами городской цивилизации.

Система «город–село» призвана обеспечить во временном и пространственном планах оптимально благоприятные условия для развития производства в АПК: выбор сельскому жителю места работы, отдыха, развлечений, учебы, приобретения товаров и т.д. в равной мере с возможностями городского жителя; условия для формальных и неформальных связей, доступ к культурным ценностям и, тем самым, расширить границы общения и изменить психологический климат сельского коллектива» [6, 110].

Выделенные функции сельской агломерации, однако, не позволяют эффективно решать проблемы УР СТ.

Во-первых, авторы не выделяют главную целевую функцию в управлении сельскими агломерациями — преодоление противоположности между городом и селом и создание предпосылок для стирания существенных социально-пространственных различий между ними.

Во-вторых, авторы не затрагивают вниманием такой важный критерий агломерационного развития СТ как размещение агропромышленного производства, расселения и архитектурно-планировочной организации пространства, сохранения и улучшения природной среды.

В-третьих, не рассматривается задача развития агропромышленной интеграции в рамках систем «город–село», создаваемых на базе сельских агломераций.

В этой связи заслуживают одобрения выводы Будажданаевой М.Ц. и Скальной М.М. о том, что «сформировавшаяся система сельского расселения в регионах России претерпевает изменения, которые выражаются в активизации миграционных процессов, деформации демографического поведения и структуры сельского населения, нарастания дисбаланса инфраструктурного развития сельских территорий. В условиях повышения эффективности государственной политики развития сельских территорий необходима разработка методологического инструментария для текущей оценки и динамического наблюдения пространственного развития сельских территорий в разрезе субъектов Российской Федерации» [7]

В своей работе Басарева В.Г. отмечает, что «стратегией инновационного развития агропромышленного комплекса России предусматривалось вовлечь в инновационное развитие не менее 25% основных товаропроизводителей. Несмотря на рост доли инновационных то-

варов в общем объеме отгруженной продукции в сельском хозяйстве, она по-прежнему очень мала и составляла в 2018 г. 1,9%. В растениеводстве 4,2% организаций являлись инновационно-активными, в животноводстве — 3,9%. В затратах на технические инновации доля сельского хозяйства составляла в 2018 г. — 2,5% <...> При этом в целом по стране доля населения с доходами ниже прожиточного минимума среди проживающих в сельской местности в 2018 г. составила 25,4%, а показатель уровня бедности, то есть общая численность малоимущих и в городе и на селе по отношению к численности всего населения составила 12,6%». На основании приведенных фактов автор сделала противоречивый вывод: «Устойчивое развитие сельских территорий и сокращение сельской бедности — важнейшие условия перехода на инновационное развитие АПК, которые недостаточно учтены в государственных программах и правительственных документах, принятых ранее» [8]. По нашему мнению, в данном случае автор допускает смешение причинно-следственной связи: сельская бедность и инновационная активность являются важнейшими факторами обеспечения УР, а не наоборот.

При формировании систем «город–село» на базе агломераций необходимо исходить из эволюционного развития урбанизации как последовательного прохождения конкретных стадий развития расселения и урбанизации с одновременным прохождением стадий демографического развития и с другими особенностями социально-экономического развития территории.

По нашему мнению, следует согласиться с утверждениями о том, что проблемы координации и оптимизации развития как городских, так и сельских агломераций теоретически разработаны недостаточно, неоднозначно сформулированы, например, «концептуально-конструктивное понимание возможностей решения проблем устойчивого территориально-структурного развития агломерации» [9, 135–137]. Следует согласиться с представлением авторов о том, что «городская агломерация — сложноустроенное, континуальное, целостное территориальное образование, территориальная система, основой развития которой является эволюционная трансформация соответствующей локальной системы расселения» [9, 135–137]. Подобные характеристики можно отнести и к сельским агломерациям.

Проблема преодоления социально-экономического отставания села от города в УР регионов насчитывает многолетнюю историю, прослужившей становлению нового научного направления — регионологии, интегрирующего региональную экологию, региональную экономику и региональную социологию и предполагающего комплексный системный подход к управлению динамикой их развития.

Исходя из этих позиций, в 80-х годах прошлого века стал осуществляться подход к формированию и развитию интегрированных систем «город–село» в регионах страны.

Мы полагаем, что вопрос о перспективах развития систем расселения и типологии сельских поселений в стране требует дальнейшего исследования в связи с усилением дифференциации функций, углублением социально-экономических и культурно-бытовых связей между сельскими поселениями различной специализации. Агропромышленную интеграцию, урбанизацию и агломерацию сельских поселений различных типов и размеров необходимо рассматривать как перспективную форму проявления системного процесса развития расселения в условиях реализации концепции УР СТ. В этой связи следует согласиться с видным отечественным экономистом Сиговым И.И., считающим, что для научно обоснованной классификации систем расселения важное значение имеет «рассмотрение их как разновидностей систем “город–село”, а также разграничение на первичные и основные системы населенных мест. С точки зрения конечных результатов урбанизационных процессов <...> первостепенное внимание должно уделяться именно взаимосвязям города и села <...> Все сказанное подводит к выводу о необходимости разработки показателей урбанизации, соответствующих новой ее фазе и позволяющих видеть развитие этого процесса в направлении стирания указанных различий между городом и деревней» [10, с. 16–21].

Большую роль в теоретическом обосновании этого нового научно-практического направления сыграла Всесоюзная научная конференция «Проблемы формирования и развития

региональных социально-экономических систем «город–село» в республиках и областях Нечерноземной зоны РСФСР» (Саранск, 1981). Конференция состоялась в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР № 24 от 08.01.1981 г. В рекомендациях конференции отмечалось, что социально-экономические характеристики системы «город–село» — территории или пространства, связанные с уровнем целостного развития личности, с достижением оптимального социального эффекта, образующихся на стыке взаимодействия деятельности по рациональному использованию и преобразованию природы и рациональному размещению населения, производительных сил, развитию сложной системы инфраструктур.

Важнейшей задачей регионального управления является — «достижение гармонического единства экономико-социальной системы «город–село» с природной средой, управление био-, экосоциальным аспектом системы», СПЭП АПК и СТ.

В 1983 г. в Институте социально-экономических проблем развития АПК (ИСЭП АПК АН СССР) была разработана комплексная целевая программа «Стабилизация», одобренная научным Советом при Саратовском обкоме КПСС и рекомендованная к практической реализации во всех районах области. Программа получила также одобрение бюро Отделения экономики и Президиума АН СССР. В 1987 г. вышла в свет коллективная монография Института «Стабилизация сельских трудовых коллективов», обобщающая опыт разработки и применения на практике этой программы. Примечательно, что стабильность развития сельских трудовых коллективов рассматривалась в этой программе как «способность коллектива обеспечивать устойчивое, поступательное развитие производства, рост экономических, социальных и духовных показателей» [11, с. 8]. При этом подчеркивалось, что управление показателями развития сельских трудовых коллективов необходимо осуществлять «не только из необходимости стабилизировать деятельность в настоящее время, но, что особенно важно, планировать развитие с перспективой развития общества в целом».

Система «Стабилизация» представляла собой, прежде всего, единую производственную инфраструктуру, созданную на основе современной научно-технической революции... Это новая расселенческая структура, новые принципы расселения и размещения производства. Это единое социально-инфраструктурное образование, взаимосвязанная система объектов соцкультбыта в городской и сельской местности. В рамках системы социальную инфраструктуру села предполагалось развивать планомерно, комплексно и целенаправленно с учетом действия процессов урбанизации и агропромышленной интеграции. Нацеленность процесса урбанизации на сельские территории предполагала формирование единой системы расселения и размещения социальной инфраструктуры — интегральной системы «город–село». При этом предусматривалось, что существующий административный район должен быть основой такой системы, как своеобразный сложившийся социально-производственный комплекс. А системообразующим центром — ядром системы должен был выступать районный центр — малый город или поселок городского типа, роль которых в управлении устойчивым развитием необходимо повышать. В рамках программы осуществлялась ступенчатая система размещения предприятий сельской инфраструктуры:

- 1) во всех поселениях учреждения повседневного обслуживания;
- 2) в центральных усадьбах и крупных поселениях — учреждения периодического обслуживания;
- 3) в районных центрах — учреждения эпизодического обслуживания.

В соответствии с этой системой на основе социоинфраструктурной оценки территорий и специальных соцопросов населения определялись приоритеты развития социоинфраструктуры по каждому району области и необходимые расчеты инвестиционных ресурсов.

Практическая реализация системы показала, что процессами стабилизации и УР СТ необходимо активно и целенаправленно управлять, учитывая их многообразие, социо-природно-экономические исследования, глубокие изменения во всем образе и качестве жизни сельского населения, прежде всего в его трудовой сфере. По нашему мнению, этот вывод не устарел и для наших дней при реализации концепции УР СТ.

Схема - Научная методология разработки агропромышленной политики устойчивого пространственного развития сельских территорий

Авторы полагают, что в настоящее время назрела необходимость модернизации системы государственного управления УР СТ страны и регионов, а также базового нормативно-правового документа — Доктрины управления устойчивым развитием сельских территорий страны. На схеме предложены основные цели и ценности агропромышленной пространственной политики устойчивого и конкурентоспособного развития сельских территорий.

Новые системы расселения, как резервы устойчивого развития сельских территорий

В последнее время в мировой практике широкое распространение приобретает концепция создания и развития сети агрогородов, сформировавшаяся в результате естественного процесса переселения (миграции) населения из малых сельских поселений в ближайшие райцентры или малые города с крупным рентабельным агропромышленным производством и функционирующей инфраструктурой.

Агрогорода рассматриваются как новое звено в групповой системе расселения, призванное выполнять функцию активного взаимодействия и сотрудничества центра и периферии при ведущей роли в этом процессе агрогорода. Динамика развития агрогородов в групповых системах расселения обеспечивает переход от замкнутых в своих границах к открытым с окружающей средой и смежными частями расселения, планировочным построениям и структурам.

Формирование агрогородов должно сыграть значительную роль в возрождении и УР СТ, взяв на себя функции инновационного развития, внедрения новой техники, агропромышленных и информационно-цифровых технологий, консалтинговых и агролизинговых услуг, переработки и сбыта продукции, повышения квалификации кадров и их перераспределения, организации контроля качества, стандартизации и сертификации продукции, формирований по воспроизводству природных ресурсов и созданию природообусловленных систем и т.д.

В связи с острой необходимостью обеспечения конкурентоспособности и продовольственной безопасности резко возрастает проблема обеспечения высокого качества и безопасности продукции АПК на основе саратовского опыта управления качеством, приборизации контроля качества, создания районных лабораторий управления качеством в АПК, которые могли бы стать интеграторами в процессах формирования агрогородов [12, 13].

В последние годы в стране и за рубежом получают распространение в сельских территориях новые воспитательно-образовательные системы на базе родовых поселений. Сторонники этого направления даже придают родовым поместьям значение «национальной идеи», полагая, что эти новые сельские поселения будут способствовать воспитанию «сверхспособных и здоровых детей, любящих семей» [14].

В совершенствовании управления УР СТ важное место занимает проблема развития ресурсной базы, более рациональное и бережливое использование и воспроизводство ресурсов пространственного развития.

В этой связи надо согласиться с Пациорковским В.В., сделавшим вывод о том, что «устойчивое развитие сельских территорий предполагает более полное и целенаправленное использование природных ресурсов и человеческого капитала в сельской местности. В первую очередь, это относится к лесному и водному хозяйству. Нам надо заниматься предметно, хотя бы так, как сельским хозяйством. Тогда все эти ресурсы можно поставить на службу селян и села» [15].

Методологический и практический интерес представляют выполненные автором расчеты. Так, в сельских территориях проживало 70% сельского населения (27 млн человек), непосредственно связанного с сельским хозяйством. В лесных и связанных с лесохозяйственной деятельностью поселениях проживало около 25% сельского населения (до 10% млн человек), а в сельских поселениях, непосредственно связанных с водой и рыбоводством, проживало около 5% сельского населения (около 2 млн человек). С точки зрения автора, осо-

бенности и специфика жизни в лесных и околородных поселениях пока не находят отражения в науке, аграрной политике и реализации приоритетных национальных проектов.

Известный российский экономист-аграрник академик Курцев И.В. считал, что «устойчивое развитие сельского хозяйства означает воспроизводство в каждом производственном цикле на более высоком уровне положительных результатов, последовательное наращивание возможностей их улучшения, обеспечивающее в каждом отрезке времени более высокие количественные и качественные показатели в сравнении с предшествующим периодом.» [16, с. 648].

В этой связи стратегические резервы ресурсосбережения в системе УР СПЭП АПК и СТ приобретают важнейшее значение. Ресурсосберегающая агропромышленная политика требует комплексного системного подхода к управлению резервами ресурсосбережения в концепции достижения целей устойчивого развития (ЦУР) агропродовольственных систем и СТ.

Стратегические резервы ресурсосбережения необходимо рассматривать в качестве активного фактора, способного оказывать влияние на темпы УР, ускоряя или замедляя их. В этой связи необходимо, чтобы выявленные резервы ресурсосбережения соответствовали целям управления УР СПЭП АПК и СТ и процессом ресурсосбережения с учетом требований современного этапа развития и прогнозируемого будущего. При этом необходимо учитывать, что границы природных резервов становятся все более сильным ограничением УР. К сожалению, это положение на практике не реализуется.

Создание нового источника ресурсообеспечения УР СПЭП АПК и СТ на базе широкого использования природных и культурно-исторических рекреационных ресурсов СТ приобретает особую актуальность. Ресурсосбережение в системе управления УР СПЭП АПК и СТ следует рассматривать как целенаправленный процесс преобразовательной деятельности сельского социума, имеющего эволюционное развитие, переходящее в конечном итоге в эволюцию процесса ресурсообеспечения. Таким образом, эти два процесса (ресурсосбережение и ресурсообеспечение) следует рассматривать в единой системе. По нашему мнению, по аналогии с выделенными в теории фазами эволюционного развития, связанными с освоением вторичных материально-энергетических ресурсов, необходимо на первый план выдвигать в качестве ресурсного объекта УР СПЭП АПК и СТ — целостную систему восстановления и развития производительных сил человека, реализуемую в рамках целевой программы управления народонаселением СТ.

Управление УР сельского народонаселения реализуется через позитивное изменение характера и условий труда в агропромышленном производстве, форм его организации, создание условий восстановления и УР живых сил сельского населения. Задача состоит в том, чтобы при реализации ЦУР СТ максимизировалась целевая функция управления ресурсообеспечения — рост продолжительности и качества жизни сельского населения, его расширенное воспроизводство. При этом целесообразно активизировать исследование проблем общественно необходимого времени на восстановление затраченных сил в агропромышленном производстве с целью научного обоснования мер по увеличению доли рекреационного времени, изменения затрат на восстановление живых сил крестьянства в соответствии с изменениями характера восстановления, резкого возрастания интеллектуализации агропромышленного труда, необходимости перехода к бездефектному, бережливому и умному агропромышленному производству. В связи с этим необходимо развивать квалитетическую культуру при проектировании и реконструкции объектов устойчивости и конкурентоспособности экономики сельских территорий [17].

По нашему мнению, в современных условиях важным и практически неиспользуемым резервом ресурсосбережения в системе УР СПЭП АПК и СТ становится рекреация — восстановление и развитие, умножение производительных сил сельского социума.

Значимость и масштабы усилий в сфере рекреационного строительства на селе диктует вопрос о необходимости формирования новой отрасли сельской социальной инфраструктуры — расширенного воспроизводства производительных сил села.

Заключение.

Исследование показало, что задачей общественных наук является, на наш взгляд, выявление причин современного критического положения населения в СТ, исследования потребностей и целей их УР, а также механизмов по их реализации, разработка альтернатив по достижению большей управляемости, эффективности и рациональности. Применение интегрированной политики УР диктует следующие направления в теории и методологии исследований:

1) исследование проблем формирования единой концепции политики в области социального проектирования и управления СТ, экологическим благополучием сельского населения, сохранением исторически освоенных агроландшафтов, культурного разнообразия, роста ее рекреационного потенциала;

2) изучение практической пригодности предлагаемых моделей интегрированного УР, вскрытие «конфликтов целей» и «конфликтов «цель–средства»» в практической пространственной агропромышленной политике;

3) исследование сущности конфликтов и компромиссов между ближайшими (текущими) и долгосрочными целями УР СТ, влияние компромиссов и положительной синергии в обеспечении УР систем «город–село»;

4) изучение эволюции системы интересов в процессе преобразования (трансформации) продовольственных систем с целью их устойчивого, безопасного и конкурентоспособного развития;

5) исследование проблемы справедливости, инклюзивности, гендерного и социального неравенства, а также разработки стратегии управления качеством и безопасностью пищевых продуктов в связи с концепцией УР;

6) представляется целесообразным включить в программы УР СТ меры по восстановлению старых периферийных центров групповых систем расселения — малых городов, поселков городского типа, «агрогородов», призванных обеспечивать, наряду с воспроизводством природных ресурсов, поддержки параметров качества жизни сельского населения.

При этом необходимо осуществлять дифференцированный подход к разработке стратегии УР СТ различных групп районов по уровню благосостояния и стадии экологического хозяйствования, полифункциональности СТ; назрела также необходимость совершенствования модели управления рациональным и бережливым использованием резервов и ресурсов агропромышленного производства с целью сбалансированного и УР СТ и реализация концепции адаптивно-ландшафтной системы земледелия, охраны и повышения плодородия почв СТ.

Список литературы:

1. Захаров Р.В. О природе, сущности и эффективности выполнения функций государственного управления сельскими территориями // Экономика сельского хозяйства и перерабатывающих предприятий. — 2021. — № 3. — С. 50–55.

2. Бертуланфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. — М.: Прогресс, 1969. — С. 42.

3. Клейнер Г.Б. Ориентиры микроэкономической политики государства: конкуренция, кооперация, коэволюция // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации: Материалы Российского научного экономического собрания (Москва, 19–20 октября 2007 г.). — М.: Научный эксперт, 2008. — 1080 с. — С. 146–153.

4. Семенова Е., Семенова А. О формировании сельских агломераций // Экономика сельского хозяйства России. — 2021. — № 1. — С. 96–102.

5. Межевич М.Н. Некоторые теоретические вопросы формирования материально-пространственной среды в системе «город–село» // Агропромышленная интеграция (опыт и проблемы). — Саратов: ИСЭП АПК АН СССР, 1988.

6. Островский В.Б. Социальные проблемы программно-целевого планирования развития АПК // Программно-целевое планирование и хозяйственный механизм в системе агро-

промышленного комплекса. — Саратов: Изд-во. Сарат. ун-та, 1986. — 167 с.

7. Будажданаева М.Ц., Скальная М.М. Методология интегральной оценки пространственного развития сельских территорий субъектов Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. — 2021. — № 1. — С. 87–95.

8. Басарева В.Г. Сельская бедность как фактор, сдерживающий инновационное развитие АПК // АПК: экономика, управление. — 2021. — № 3. — С. 77–84.

9. Лосин Л.А., Солодилов В.В. Эволюция структур городского расселения в России (на примере Санкт-Петербургской городской агломерации) // Экономика Северо-запада: проблемы и перспективы развития. — 2020. — № 4 (63). — С. 130–140.

10. Сигов И.И. Урбанизация в СССР: проблемы, исторические перспективы // Социалистический город как объект исследования и управления. — Ленинград: Наука, 1987.

11. Стабилизация сельских трудовых коллективов // Хлопов В.Д., Беккер И.И., Петрушова А.А. и др.; под общ. ред. проф. Островского В.Б. — Саратов: Приволжское книжное издательство, 1987. — 102с.

12. Семенов С.Н. О концепции устойчивости развития региональных агросистем в свете проблемы продовольственной безопасности // Социально-экономические проблемы народонаселения, занятости и перехода к устойчивому развитию России (к 200-летию выхода работы Т. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения»): Материалы международной научно-практической конференции (г. Волжский, 21–23 сентября 1998 г.). — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 1999. — 264 с. — С. 173–175.

13. Семенов С.Н. Сельская экономика. Стратегическая модель // Геосистема «город-село»: Образ будущего / В.Б. Самсонов, С.Н. Семенов, В.П. Пашков, и др.; под ред. В.Б. Самсонова. — Саратов: НПЦ ЭМОС, 2008. — С. 107–121.

14. Кохно П.А. Костин А.Л. Национальная идея — родовые поместья // Союзное государство. Книга 7. Интеграция по золотому сечению.— М.: Гелиос АРВ, 2006. — 656 с. — С. 509–519.

15. Пациорковский В.В. Ресурсная база сельских территорий // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса: Никоновские чтения-2008 / Российская акад. с.-х. наук, Всероссийский ин-т аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, Российский гос. аграрный ун-т — Московская с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева. — М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2008. — № 13. — 732 с. — С. 604–607.

16. Курцев И.В. Системные принципы устойчивого развития сельского хозяйства // Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса: Никоновские чтения-2008 / Российская акад. с.-х. наук, Всероссийский ин-т аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова, Российский гос. аграрный ун-т — Московская с.-х. акад. им. К.А. Тимирязева. — М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова: «Энциклопедия российских деревень», 2008. — № 13. — 732 с. — С. 648–650.

17. Саратовская система управления конкурентоспособностью и устойчивым развитием сельских территорий на основе инновационно-инвестиционного проектирования (методические рекомендации) / Семенов С.Н., Ляпин А.В., Кошкин Н.М. и др.; под ред. С.Н. Семенова и А.В. Ляпина. — Саратов: ИАГП РАН, 2007. — 180 с.

Для цитирования: Семенов С.Н., Ржевская М.Я. Эволюция теории интегративного управления устойчивым пространственным развитием сельских территорий // Региональные агросистемы: экономика и социология. — 2021.- № 2. - С. 88-98.